

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship

International Scientific Periodical

Nº 20/2

Moscow 2022

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства

Международный научный журнал

№ 20/2

ВЯР

Москва 2022

Advisory Board:

H. EICHNER (Vienna) / Chairman
W. BAXTER (Ann Arbor, Michigan)
V. BLAŽEK (Brno)
L. HYMAN (Berkeley)
F. KORTLANDT (Leiden)
A. LUBOTSKY (Leiden)
J. P. MALLORY (Belfast)
A. YU. MILITAREV (Moscow)
V. F. VYDRIN (Paris)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)
G. S. STAROSTIN (Managing Editor)
T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)
A. V. DYBO
M. A. MOLINA
M. N. SAENKO
I. S. YAKUBOVICH

Founded by Kirill BABAEV

Редакционный совет:

Х. АЙХНЕР (Вена) / председатель

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Париж)

Ф. КОРГЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

Дж. МЭЛЛОРИ (Белфаст)

А. Ю. МИЛИТАРЕВ (Москва)

Л. ХАЙМАН (Беркли)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

А. В. ДЫБО

М. А. МОЛИНА

М. Н. САЕНКО

И. С. ЯКУБОВИЧ

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2022. — № 20/2. — x + 96 с.

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2022. — No. 20/2. — x + 96 p.

ISSN 2219-3820

<http://www.jolr.ru/>
gstarst1@gmail.com

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 8,5. Заказ № 1593.
Тираж 1050 экз.

Издательский центр
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	viii
Note for Contributors / Будущим авторам	ix

Articles / Статьи

<i>Fernando Carvalho</i> . On the Guaranian evidence for two Proto-Tupi-Guarani affricates	81
[Ф. де Карвалью. Реконструкция двух аффрикат в пратупи-гуарани согласно данным языков гуарани]	
<i>Я. Г. Тестелец</i> . Статья В. М. Иллич-Свитыча «Картвельский вокализм в свете внешнего сравнения»: краткое предисловие	113
[Yakov Testeleets. V. M. Illich-Svitych's paper on "Kartvelian vocalism in light of external comparison": a brief preface]	
<i>В. М. Иллич-Свитыч</i> . Картвельский вокализм в свете внешнего сравнения	102
[Vladislav Illich-Svitych. Kartvelian vocalism in light of external comparison]	
<i>А. В. Дыбо</i> . Статья В. М. Иллич-Свитыча «Картвельский вокализм в свете внешнего сравнения»: актуальный комментарий	126
[Anna Dybo. V. M. Illich-Svitych's paper on "Kartvelian vocalism in light of external comparison": an up-to-date commentary]	
<i>Н. Р. Сумбатова</i> . Глагольные корни и видовая оппозиция в даргинских языках	139
[Nina Sumbatova. Verbal roots and the category of aspect in Dargwa languages]	

Contributors

Fernando O. de Carvalho — faculty member, Departamento de Antropologia, Museu Nacional, Universidade Federal do Rio de Janeiro (MN/UFRJ), Brazil; fernaoorphao@mn.ufrj.br

Anna Dybo — doctor of sciences (Philology), corresponding member of the Russian Academy of Sciences; director, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities; head of Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; chief research fellow, Institute for Oriental and Classical Studies, Higher School of Economics (Moscow), adybo@mail.ru

Nina Sumbatova — doctor of sciences (Philology), senior researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), nina.sumbatova@gmail.com

Yakov Testelefs — doctor of sciences (Philology), director, Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; head of Department of Caucasian languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), testelets@gmail.com

Сведения об авторах

Дыбо, Анна Владимировна — доктор филол. наук, чл.-кор. РАН, директор Института восточных культур и античности РГГУ, зав. отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности ВШЭ (Москва), adybo@mail.ru

Карвалью, Фернандо де — сотрудник отдела антропологии Федерального университета Рио де Жанейро (Бразилия), fernaoorphao@mn.ufrj.br

Сумбатова, Нина Романовна — доктор филол. наук, ст. науч. сотрудник Института языкознания РАН (Москва), nina.sumbatova@gmail.com

Тестелец, Яков Георгиевич — доктор филол. наук, директор Института лингвистики РГГУ (Москва), зав. отделом кавказских языков Института языкознания РАН, testelets@gmail.com

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (such as French or German) may be considered by the Editorial Board.

All submissions should be uploaded electronically in MS Word and PDF format, using the online *Manuscript Submission Form* at the official website of the Journal (<http://jolr.ru>). Each article should be accompanied with information about the author(s) (names, affiliations, contact information), an abstract (not exceeding 300 words) and relevant keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our website (<http://jolr.ru>) or address the Editorial Board directly at gstarst1@gmail.com. Inquiries may also be sent by regular mail to the official address of the Journal:

Journal of Language Relationship
Institute for Oriental and Classical Studies
Russian State University for the Humanities
125047 Moscow, Russia
Miusskaya Square, 6

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя по согласованию с редакционной коллегией возможна также публикация статей на других крупных европейских языках (французский, немецкий и т. п.).

Подача материалов для публикации (в форматах MS Word и PDF) осуществляется через *Электронную форму подачи рукописей* на официальном сайте журнала (<http://jolr.ru>). К каждой статье обязательно прилагаются сведения об авторах (имена, аффилиации, контактная информация), краткое резюме (не более 300 слов) и список подходящих ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru> или непосредственно от редакционной коллегии по электронной почте (gstarst1@gmail.com). По различным вопросам с редакцией журнала можно также связаться по обычной почте:

125047 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
В редакцию журнала «Вопросы языкового родства»

On the Guaranian evidence for two Proto-Tupi-Guarani affricates

It has been recently claimed that the orthodox reconstruction of two affricate segments for Proto-Tupi-Guarani (PTG) is untenable because the relevant reflexes are too chaotic. Under this view, PTG is best reconstructed with a single affricate segment, the multiplicity of correspondence patterns being explained as the result of later dialectal borrowing among Guaranian varieties. This view is discussed and rejected here after detailed evaluation. I show that the correspondences in question are not as chaotic as implied, and that evidence from the Guaranian branch calls for the reconstruction of two affricate segments for PTG. Minor correspondence patterns with special reflexes in Guaranian and in other Tupi-Guarani languages are plausibly explained by other, independent developments such as palatalization, dialectal borrowing, and sporadic/reductive losses in compounds. Although the traditional reconstruction of two segments is vindicated, we offer here the first explicit formulation of this proposal backed up by comparative reconstruction of PTG etyma.

Keywords: Tupi-Guarani languages; sound change; phonological reconstruction.

1. Introduction

The goal of this paper is to address, in a more systematic manner than has been the case so far, the evidence on one of the most vexed issues in the phonological reconstruction of Proto-Tupi-Guarani (PTG). Since the mid-80s of the last century, PTG has been reconstructed with two affricate segments, **ts* (= **c*) and **tʃ* (= **č*) (see e.g., Jensen (1998, 1999); Dietrich (1990); Rodrigues (1984/1985); Rodrigues & Dietrich (1997)). Almost 20 years later, however, an alternative reconstruction of PTG featuring a single consonantal proto-segment for the same set of correspondences has come to be favored, mainly on the grounds of the evidence and arguments presented in Schleicher (1998). Although recent work on TG languages has opted for this latter solution (e.g., Meira & Drude 2015), which recapitulates the pioneering work of Lemle (1971), the matter has not been settled yet.

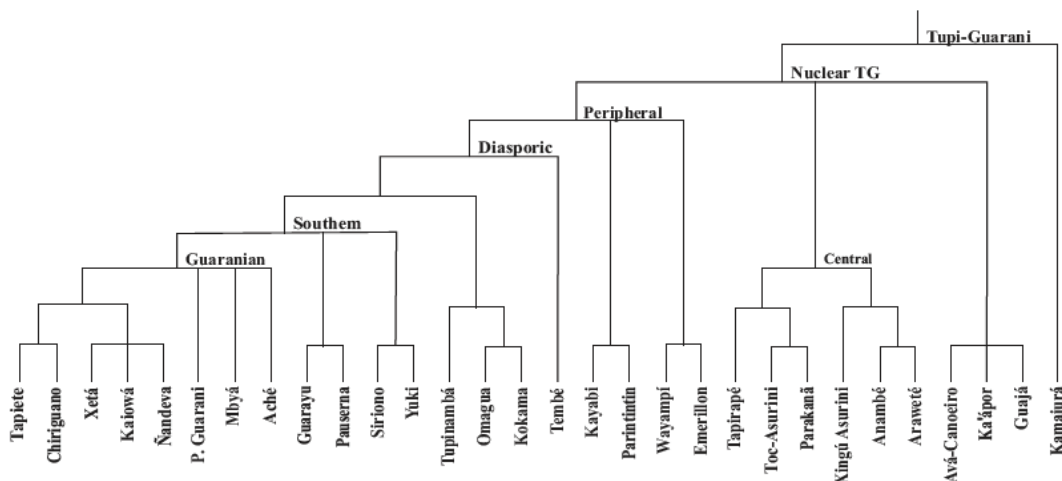

Figure 1. Classification of the Tupi-Guarani language family (source: Michael *et al.* 2015).

This paper will provide evidence, and argumentation (section 3), in favor of the reconstruction of two affricates for PTG, the reflexes of which are retained in the languages/varieties that make up the Guaranian (*sensu* Michael *et al.* 2015), or branch I (*sensu* Rodrigues 1984/1985), subgroup of the Tupi-Guarani (TG) language family (see Figure 1).¹ It will be necessary, therefore, to scrutinize the counterarguments that have been presented in Schleicher (1998), the most influential source for the single-affricate solution (section 2). I will show that Schleicher's (1998) claim about 'chaotic' correspondence patterns that are suggestive of dialectal borrowing events is seriously flawed. What is worse, factual errors and inconsistencies in Schleicher (1998), hidden beneath neat tables of correspondences, prevent not only an acceptance of his statements on this particular issue, but cast a shadow of doubt on the other claims contained in his work. After addressing the Guaranian evidence for two PTG affricates, I will discuss a series of arguably independent change processes that interact in one way or another with the correspondences produced by the regular development of these affricates (section 4). Among these independent developments with overlapping effects, palatalization by a preceding **i* is particularly important, as it yields a separate correspondence set. Thus, the reconstruction of two affricate segments for PTG, plus a series of other independent developments, jointly account for the attested patterns of correspondences. In section 5 I discuss in some detail the relation between the nature of the evidence discussed here and the levels of relationship between TG languages and the remaining Tupian languages. I justify my reconstruction of the contrast between two affricates at the PTG level and discuss a series of implications in view of the external evidence from other branches of the Tupian family and in view of what is known (and, perhaps more importantly, unknown) about the diachrony of these languages. Section 6 is devoted to conclusions, and an appendix gives all the cognate sets used in the present work, along with the reconstructed PTG etyma proposed here.

2. The state of the question: a critical overview

The difference between TG languages having oral fricatives or affricates and TG languages whose corresponding segments are glottal fricatives has been recognized early on, first as one of the main isoglosses separating the two classical languages of the family (Old Tupi and Old Guaraní) and, later, as a feature of relevance for the internal classification of the family as a whole (see e.g., Edelweiss 1947: 69–83; Dietrich 1990). Lemle (1971), in the first comparative reconstruction of PTG phonology, reconstructs an affricate **ts* (= **c*) for the relevant correspondences. In broad outline, the reflexes of Lemle's **ts* imply a partition of TG languages in two sets, one showing 'strong' reflexes, usually supraglottal fricatives or affricates, such as *s* (in Old Tupi and Sirionó) or *ts*, *tʃ* (in languages like Kokama and Guarayo), and another one showing

¹ Two comments are in order. First, note that it should not be implied that the classification of Michael *et al.* (2015) is consensually accepted in the field. In fact, in all aspects relevant to the present paper (to be discussed below) it agrees with Rodrigues (1984/1985), and both are, therefore, equally suitable for our purposes. Figure 1 is a tool to situate the non-expert reader, and nothing more. Second, in agreement with the substantial literature on Tupi-Guarani languages I will use at diverse moments in this paper the label 'Southern / Non-Amazonian' to the (possibly para-phyletic) set of TG languages that includes the Southern clade of figure 1 and Old Tupi / Tupi-nambá; the complement set of languages within TG is, naturally enough, referred to as 'northern/Amazonian'. Although there is some justification for this in terms of geography and the distribution of some structural features (see Dietrich 1990), the question of whether these are two intermediate-level subgroups within the TG family is very much open. See Gerardi & Reichert (2021) for an alternative classification to that of figure 1, one that has Old Tupi classified along with other 'Northern' languages.

‘weak’ reflexes, usually \emptyset (the main if not exclusive reflex in languages like Kayabí and Kamayurá), or *h* (in languages like Tocantins Asurini or Tenetehára). This is illustrated in (1) below:

(1) *Exemplar cognate sets* (based on Lemle 1971)

**jatsi* ‘moon’ > Tocantins Asurini *jahi* : Kamayurá *jai* : Old Tupi *jasí*

**-etsa* ‘eye’ > Tocantins Asurini *-eha* : Kamayurá *-ea* : Old Tupi *-esa*

**potsij* ‘heavy’ > Tocantins Asurini *-pohoj* : Kamayurá *-po(w)ij* : Old Tupi *-posij*

Later, however, under the influence of her thesis advisor Aryon D. Rodrigues, Jensen (see Jensen 1984; 1998; 1999) came to recognize *two* affricate segments for PTG. The modification was said to be required to account for data from Guaranian (Jensen 1984: 28; see also Dietrich 1990: 25). Although Lemle (1971) did use Guaranian data in her reconstruction of PTG phonology, data was limited to the Mbyá Guaraní language/variety. Even so, already in Lemle (1971), consideration of the Mbyá data would have raised issues for her reconstruction. In particular, the Mbyá forms that fit the etymologies in (1) above, namely: *jafí* ‘moon’, *-effa* ‘eye’ and *-poij* ‘heavy’, show a bifurcation **ts* > *f*, \emptyset that is neither discussed nor accounted for by Lemle (1971), and which could suggest that two separate proto-segments are indeed necessary. The PTG system with two affricates came to be widely accepted in TG comparative linguistics after its exposition in tone-setting publications such as Jensen (1998, 1999: 137–138) and Rodrigues (1984/1985), where the reflexes of the two PTG affricates **ts* and **f* provided some of the phonological developments taken as criterial for his proposal (see also the later proposal of Dietrich 1990, and the acceptance of this view in Rodrigues & Dietrich 1997).

The final development leading to our present understanding of these issues came with Schleicher (1998), who questioned the reconstruction of two affricates as an account of the complex correspondence patterns of the Guaranian varieties. In his opinion:

“There is so much randomness in the correspondences that it is impossible to posit one basic correspondence set for one or even two sibilants; the variations in correspondence sets therefore seem not to justify positing two sibilants anymore than positing three, four, or more sibilants (...) the variations are explained by lexical borrowing across languages and phonological influence among dialects” (Schleicher 1998: 20).

Schleicher (1998) argues, then, for the reconstruction of a single affricate, with the more complex correspondence patterns characteristic of the Guaranian varieties being explained by borrowing and “phonological influence”. His view yields a PTG which is, in this aspect, identical to that reconstructed by Lemle (1971) in her pioneering study, and it has come to be accepted in some of the latest work on TG languages (e.g., in Meira & Drude 2015: 278–279). Especially for this latter reason, it is important to provide, for the first time in published format, a careful assessment of the arguments and evidence presented by Schleicher (1998).

In sum, we are left with two accounts in the TG comparative literature for the relevant correspondences for TG fricatives (and affricates):

(2) *Two prevailing views on the TG fricative correspondences*

(a) **The single affricate solution:** A single PTG segment is reconstructed and the multiple correspondence sets needed to accommodate the Guaranian varieties are best explained by dialect borrowing among these varieties.

(b) **The two affricates solution:** Two PTG segments are reconstructed, separate reflexes of which are found in the Guaranian varieties alone, all other TG languages showing merged reflexes of these segments.

At the present moment it has not been established which of the alternatives in (2) offers the best account, because the published expositions of both hypotheses present a number of seri-

ous shortcomings. On the one hand, Jensen (1984), the *locus classicus* for the two affricates solution (2b), basically presents PTG etyma paired off with their reflexes in one particular language, Wajãpi, there being no explicit application of the comparative method in order to arrive at PTG reconstructions. The etyma in Jensen (1984) are essentially those of Lemle (1971), with the added updates suggested by Rodrigues, including the presence of two affricates. Later works, such as Rodrigues (1984/1985), Dietrich (1990), Rodrigues & Dietrich (1997), and Mello (2000), either assume the reconstruction as correct, or, as in the case of Jensen (1999: 137: 138), limit themselves to the presentation of correspondences in abstraction from actual cognate sets, which are, however, not found anywhere in the relevant publications.²

On the other hand, Schleicher's (1998) work — although sharing with Lemle (1971) a more explicit and methodologically sound foundation than is the case with the published endorsements of the two affricates solution — does present several problems that, to some extent, hinder the evaluation of his claims, and motivate a rejection of many of his arguments and conclusions. The core of Schleicher's (1998) argumentation consists of a table of corresponding segments where *h*, \emptyset and 'stronger reflexes' (usually coronal fricatives) show up in 22 different correspondence sets, with no obviously discernible pattern (Schleicher 1998: 20). The correspondences, each restricted to a single etymology (indicated by numbers indexing cognate sets displayed at the end of his monograph), appear so erratic that reconstruction of two affricates (as opposed to three, four, or more) is entirely arbitrary, and, so goes the argument, it would be simpler to postulate a single PTG proto-segment with later dialect borrowing across Guaranian varieties. These instances of borrowing would account for the proliferation of minimally diverging correspondences. However, once Schleicher's (1998: 19) set of correspondences is carefully analyzed and, in particular, once they are compared to the cognate sets presented as evidence at the end of his dissertation, a series of problems become evident:

(3) *Shortcomings in Schleicher's (1998) view of the PTG affricates:*

- (a) **Irrelevant comparisons.** For many of the sets presented by Schleicher (1998: 19) as evidence of the chaotic nature of the correspondences *there is simply no PTG affricate involved*. This is the case with: (numbers refer to the comparative data in Schleicher (1998)): **katu* 'good' (110), **káy* 'burn' (111), **kiti* 'cut' (120), **páß* 'all' (152), **pirér* 'skin' (163), **pitán/mitán* 'child' (164), **-e?im* 'not' (65), **tiŋ* 'white' (189). This is a striking problem with the data, as these make close to half (8/22) of the set of correspondences, which ends up looking bulkier than they actually are with the addition of these spurious sets.
- (b) **Missing comparanda.** In other cases, even though a PTG affricate is in fact involved, languages that are featured in the correspondence sets turn out to lack any cognate in the supporting etymologies. This is the case, for instance, of Mbyá and Kaiowá for set 62, and of Tocantins Asurini for sets 60 and 61 (see Schleicher 1998: 334–5 for the relevant cognate sets).
- (c) **Ghost forms and spurious reconstructions.** In his set for 'canoe', Schleicher (1998: 329) includes a *ghost* (non-existent) Old Tupi form for this meaning: *isár*. Since Old Tupi *s* usually reflects a PTG affricate, Schleicher (1998: 329) incorrectly reconstructs PTG **ičár* 'canoe'.³ Likewise, in his set for 'rope', PTG **čam*, he gives a Tocantins Asurini

² The lack of supporting TG data for the assumed PTG system applies to all cited works with the exception of Dietrich (1990) and Mello (2000).

³ Aside from the Old Tupi lexical ghost, the presence of medial *h* in cognates such as found in Tocantins Asurini may have motivated the reconstruction of the spurious PTG **ičár* 'canoe' (the correct form being **iat*). Although not discussed by Schleicher, medial *h* in these cases likely reflects a transitional element (usually a voiced velar

form *oĉon* (Schleicher 1998: 334), which, however, is non-existent, the relevant reflex being *-hóm* ‘corda, alça’ (Cabral & Rodrigues 2003: 86). In the body of the text, Schleicher (1998: 21) sees an unexplained bifurcation in the Apapocuva reflexes of **piĉik* ‘grab, hold’ and **jaĉi* ‘moon’, which are reconstructed with the same affricate *ĉ* in the two affricates solution, as problematic for the latter approach. Note, however, that these reconstructions are incorrect, as the two etyma are in fact supported by contrasting sets of correspondences (as shown in section 3 and in the cognate sets in the appendix of the present paper), and, hence, the Apapocuva forms are not problematic at all for the proposal of two PTG affricates.

- (d) **Ovelapping or independent changes.** Cases of word-initial affricates (such as **ĉim* ‘smooth’, **ĉi* ‘mother’, **ĉej* ‘wash’) are over-represented among the etymologies that contribute to the erratic patterns of correspondences involving fricatives. However, by Schleicher’s (1998: 21) *own assumptions*, these could be explained as secondary developments due to palatalization from a preceding **i-*. If a case is being made for dialectal borrowing as the *explanans* for the pattern of correspondences presented, the effects of other, independent developments must be factored out, rather than included in the correspondences that supposedly show the effects of borrowing. Here again, a bulkier set of overlapping correspondences is produced in an entirely artificial manner.
- (e) **Incorrect correspondences.** In some cases, the correspondences used by Schleicher (1998: 19) to demonstrate the messy character of the attested patterns are not, in fact, supported by his own comparative data. Tocantins Asurini, for instance, contributes both *h* and \emptyset to the table of correspondences in Schleicher (1998: 19). However, for sets 56 **ĉej* ‘wash’ and 59 **ĉiβ* ‘rub’, where the table indicates \emptyset , one finds *h* instead (see Schleicher 1998: 334). As noted in 4.1 below, cases where Tocantins Asurini in fact has a \emptyset reflex for what Schleicher (1998) reconstructs as a single PTG affricate are encompassed under an independent generalization, as the effects of unrelated and language-specific developments. Among Guaranian varieties, Mbyá Guarani is presented in the table as having \emptyset/h for set 60 **ĉim* ‘smooth’, but the diverging reflex *ĉ/š* for 61 **ĉiri* ‘run (water)’ and 68 **eĉá* ‘eye’. Examination of the relevant cognate sets in Schleicher (1998: 334–5) reveals that Mbyá Guarani has only *ĉ/š* in *all* these cases, thus suggesting a uniform, and arguably less chaotic, set of reflexes.

We have, therefore, every reason to believe that the matter has not been settled by Schleicher’s (1998) work, and that his apparent demonstration of a multiplicity of correspondences that challenge the reconstruction of two affricates for PTG is, indeed, merely apparent. Although other questionable aspects of Schleicher’s (1998) approach to the issue could be commented upon, such as his reliance on the hypothesis that Old Guarani is a direct ancestor of the modern Guaranian varieties, it is only fair to point out that his discussion does make evident some real limitations in the two-affricates solution that he targets for criticism, such as the incorrect reconstructions in the case of **piĉik* ‘grab, hold’ and **jaĉi* ‘moon’, taken from Dietrich (1990), which is one of the main comparative TG studies that assume the reconstruction of two segments. Limitations such as these in the current version of the two affricates reconstruction are expected, since neither Jensen (1984) nor later work by Rodrigues or by Dietrich have provided any explicit comparative reconstructions of PTG etyma. One of the goals of the remain-

fricative) that appears phonetically between *i* and other vowels. This transitional element often shows up as <g> in Old Tupi sources from the 16th and 17th centuries (e.g., <Jgara> ‘barca ou barco gnlr.’; VLB, I: 52). It is likely that in languages that developed *h* as a phoneme this transitional element was analyzed as a token of these glottal fricatives.

der of this paper is to provide such a rigorous foundation for the reconstruction of two contrasting affricate segments for PTG.

3. Comparative evidence for two PTG affricates

The whole issue around the number of affricate consonants that must be reconstructed for PTG is *phonological* in nature, that is, concerned with the interpretation of the attested correspondence patterns in terms of a reconstructed system of contrasts for PTG and the implied phonological developments in the daughter languages. I will devote less space here to the *phonetic* question of what the proper content of these reconstructed proto segments is (see section 6 for some additional commentary). I will, in fact, take it for granted that the segments underlying the relevant correspondences were affricate consonants in PTG, which seems to be consistent with the existence of both affricate and fricative reflexes, and with the general idea that leniting changes (affricate > fricative) are more likely than fortitions (fricative > affricate) in language change (see e.g., Mowrey & Pagliuca 1995; Bybee & Easterday 2019).

The segmental phonological inventory nowadays accepted for PTG is given in tables 1 and 2, with the two affricates solution being presented for the consonants (see Rodrigues & Dietrich 1997; Meira & Drude 2015).⁴

	Labial	Alveolar	Palatal	Velar	Glottal
Oral stops	*p	*t		*k	*ʔ
	*p ^w			*k ^w	
	*p ^j			*k ^j	
Affricates		*ts	*tʃ		
Nasal stops	*m	*n		*ŋ	
	*m ^w			*ŋ ^w	
Approximants	*w		*j		

Table 1. Proto-Tupi-Guarani consonants

	Front	Central	Back
High	*i	*ɨ	*u
Mid	*e		*o
Low		*a	

Table 2. Proto-Tupi-Guarani vowels

As was already mentioned in the preceding section, even under the hypothesis that PTG had two affricate consonants, *ts and *tʃ, most TG languages show merged reflexes for these two segments. In selecting which languages to compare I have chosen those on which more significant documentation is available, so as to produce, to the most possible extent, complete cog-

⁴ There are aspects of this reconstructed inventory, besides the issue of the number of PTG affricates, that are questionable. Carvalho (forthcoming, a) re-analyses the presumed evidence for PTG *k^j, and finds that the relevant reflexes are explainable as positional developments of *k. The labialized nasal stops *m^w and *ŋ^w are likewise probably spurious as contrastive segments. Obviously, dealing with these matters is beyond the scope of this paper. See Carvalho (forthcoming, b) for a book-length reconstruction of PTG phonology.

nate sets, minimizing the number of unattested forms. I have also relied on the previous literature on TG historical phonology as a guide to select a compact set of languages that illustrate both the reflexes of the presumed PTG affricates and the action of other developments that might interfere with these reflexes, usually by yielding partially overlapping correspondences. I will use Old Tupi and Kayabí as two languages, widely separated within accepted TG internal classifications (e.g., Rodrigues 1984/1985; Michael *et al.* 2015), that are consensually accepted as having a single reflex for the PTG affricates: *s* in the case of Old Tupi, \emptyset in the case of Kayabí (see e.g., Jensen 1999: 137). A second group of languages is represented here by Tocantins Asurini: these are languages that, despite showing a double reflex, *h* and \emptyset , are consensually accepted as *not* providing evidence for two PTG affricates, since the two reflexes are accounted for by other means (either borrowing, sporadic exceptions, or by postulating morphologically conditioned exceptions; see e.g., Jensen 1999: 137–138). The third and most important subset of TG languages, as far as the issue at hand is concerned, is the Guaranian subgroup (see figure 1). These are the languages/varieties that either retain the crucial evidence for reconstructing two affricates (under 2b above), or where later dialectal borrowing has muddled the diachronic correspondences of the single PTG affricate (under 2a). In the opinion of Schleicher (1998: 19):

“(...) the reason for positing two (and not more) proto-phonemes for these reflexes was not based on correspondence sets, but on the fact that within each of the Guaranian languages, only two variations are predominant (*č/š* vs. \emptyset in Mbya, *s* vs. *h* in Kaiwá and Paraguayan Guarani); the ‘stronger’ reflex supposedly from **č*, the ‘weaker’ from **c*” (Schleicher 1998: 19)

These are the correspondences that will be analyzed here, though, as seen right below, they are slightly more complex than implied by the just quoted passage from Schleicher 1998. In selecting which Guaranian lects to sample, it is vital to have in mind the goal of building cognate sets that are as complete as possible, that is, do not show gaps in the form of unattested forms in some varieties, and this is always challenging when dealing with underdescribed languages. The Guaranian varieties that will be discussed here are: Mbyá, Avañe’ẽ (Paraguayan Guarani), and Old Guarani. Other Guaranian languages/varieties can be excluded from the comparison on principled grounds. Thus, Kaiowá (Paĩ-Tavyterã) will not be further discussed here because, first, it is more poorly described than the others and, second, since it has been previously established that it does not differ from Avañe’ẽ in terms of the distribution and identity of its fricatives (see e.g., Dooley 1991: 10–11). Apapokuva/Apapocuva is even less extensively described and can be left out of consideration for this same reason (though we will briefly comment on Apapokuva at specific points, since this lect has been discussed in past literature in relation to the present issue).⁵ Before proceeding, it is important to look at the series of phonologically contrastive fricatives or affricates in the relevant Guaranian lects:

⁵ The Guaranian variety known as ‘Chiripá’ in Paraguay and as Nhandéva in Brazil is not considered here mainly because of a lack of extensive documentation, and also since Dooley (1991: 10–11) has shown that it does not differ from Mbyá in the relevant aspects. Chiriguano will not be discussed here either, as this would unnecessarily complicate matters because of known, dialect-specific developments involving some of the segments and due to the certainty of dialectal borrowing. Note that one dialect of Chiriguano, namely Izoceño, has been subject to a recent change *s* > *h*, followed by the shift *f* > *s*, but shows \emptyset unexpectedly in some cases: *kwarási* for Ava Chiriguano, but *kwarái* ‘sun’, for Izoceño (Dietrich 1986: 189). Moreover, Dietrich (1986: 31) states that some of his native consultants provided evidence for dialectal mixing in case of isoglosses relating to *f*, *s* and *h*. The same reasons underlie the choice not to consider Tapiete, which seems to be rather closely related to Chiriguano. Though future investigation may reveal that these varieties provide some additional insight on the matters explored here, as long as the dialect-specific particularities are innovations (as I believe they are), nothing will change concerning the main issue of the nature and number of the relevant contrasting units that must be reconstructed.

Languages	Alveolar	Alveo-palatal	Glottal
Old Guarani	<i>s</i>	<i>ʃ</i>	<i>h</i>
Avañe'ẽ	<i>s</i>	<i>f</i>	<i>h</i>
Mbyá		<i>ʃ</i>	<i>h</i>

Table 3. Coronal and glottal fricatives/affricates of the Guaranian languages/varieties

As seen above, Avañe'ẽ has two coronal fricatives, alveolar *s* and alveo-palatal *f*, plus a glottal *h* (Gregorez & Suárez 1967: 49–52; Estigarribia 2020: 3–4).⁶ Mbyá lacks an alveolar fricative, showing only *ʃ* and *h* (Guedes 1983; Dooley 1998; Ivo 2014).⁷ Mbyá *ʃ*, written as <*x*> in vocabulary sources such as Dooley 1998, has the allophones [ts ~ tʃ] (Dooley 1998: v; Ivo 2014), or [tʃ ~ ʃ], with dialectal variation likely playing a role. As for Old Guarani, while it shows a phonological inventory close to that of Avañe'ẽ, its 'strong' consonant is an affricate just like that of Mbyá (this is based on the most straightforward interpretation of the phonetic value of <*ch*> in 17th century Spanish orthography; see Grannier Rodrigues 1974).⁸

The correspondences between these segments in cognate elements are, however, not as simple as suggested by this comparison of inventories, in particular where Mbyá is concerned. The more convoluted pattern of correspondences is graphically depicted in figure 2, and, in section (4), I present the set of regular correspondences that will be examined in the remainder of this paper.

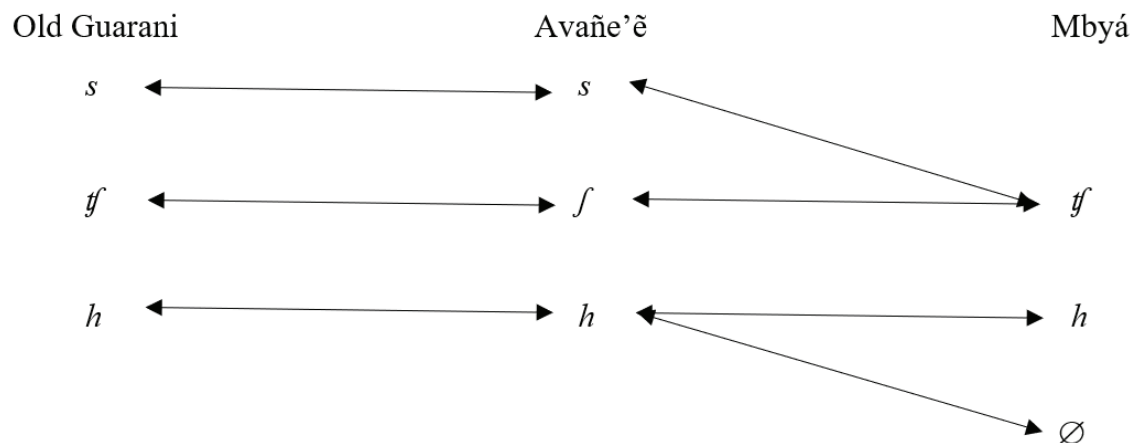

Figure 2. Graphic presentation of correspondences between the relevant subset of fricatives in the three Guaranian lects discussed above.

⁶ Gregorez & Suárez (1967) treat the glottal fricative as a velar fricative *x*, while Estigarribia (2020) postulates an additional voiced palatal fricative *j*, instead of having an underlying approximant *j* with optional fricative realizations. These analytical choices, although not incorrect, will be ignored here.

⁷ I am ignoring here the other fricative elements present in the inventories of these varieties, such as the velar fricative *ɣ* and the bilabial/labiodental *β/v*, as these are not related to the issues under discussion. Note, however, that even their status as fricatives is uncertain. Gregores & Suárez (1967: 50–51) employ the symbols for fricatives but classify the segments as sonorants. Estigarribia (2020: 33–34) is more explicit in employing approximant symbols, *v*, instead of *v*, and *uj* instead of *ɣ*, though he acknowledges that fricative realizations of the latter are common.

⁸ It is difficult to precisely establish the value of <*ç*> in Old Guarani. We have opted here for the use of *s*, whereas Grannier Rodrigues (1974) argues in favor of an affricate based on (1) affricate realizations of cognate segments in Guarayo and Apapocuva and (2) in view of its palatalization to <*ch*>, which is non-controversially an affricate. Analyzing <*ç*> as *ts*, so goes the argument, would make it easier to explain the affricate output of the palatalization process.

The only correspondence featured in figure 2 but not present in (4) below is the one with matching *h* in all three varieties. This has already been accounted for in the existing literature (e.g., Dooley 1991), and it will be briefly discussed here in section 4.2, only in relation to some developments that are specific to Mbyá.

The correspondences are presented below (from I to VIII); bold script indicates which of those are the main ones (I and V) and which specific reflexes justify the differentiation between the correspondences. For every gloss with a supporting set for each correspondence we also provide the reconstructed PTG etymon:

(4) *Correspondences for Guaranian fricatives*

(I) AVA *h* : OGU *h* : MGU \emptyset : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

GO (**tso*); ARRIVE (**watsēm*); WASH (**tsej*); BATH (**-jatsuk*); LOVE (**-tsaitsup*); NEW (final syllable) (**pi(ts)atsu*); HEAVY (**potsij*); THREE (**motsapit*); MEDICINE (**potsārj*); NIGHT (**pitsare*); YESTERDAY (**kwetse*)

(II) AVA *h* : OGU *h* : MGU *h* : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

3.II (set II third person) (**ts-*)

(III) AVA *h* : OGU *h* : MGU \emptyset : TOC \emptyset : KAY \emptyset : TUP *s*

FEAR (**-tsikije*)

(IV) AVA *h* : OGU *s/h* : MGU \emptyset : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

GRAB (**-pitsik*); SUN (**kwaratsi*)

(V) AVA *s* : OGU *s* : MGU *f* : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

MOON (**jaŋi*); PAIN (**aŋi*); PASS (**ts-aŋap*); FORGET (**ts-etŋaraj*); MOTHER (**-ŋi*); EYE (**ts-etŋa*); ROPE (**-ŋām*); KNIFE (**kifē*); LEFT HAND (**-aŋu-pe*); LEAVE (**-ŋēm*)

(VI) AVA *s* : OGU *s* : MGU *f* : TOC \emptyset : KAY \emptyset : TUP *s* ~ *f*

BITE (**-ŋu?u*)

(VII) AVA *f* : OGU *f* : MGU *f* : TOC *s* : KAY \emptyset : TUP *f*

1SG (**iTSe*); 3.DAT (**i-TSupe*); Angry (**-poiTSi*); Aunt (**-ajTSe*); Mother-in-law (**-ajTSo*)

(VIII) AVA \emptyset : OGU \emptyset : MGU \emptyset : TOC — : KAY \emptyset : TUP *s*

NEW (MEDIAL SYLLABLE) (**pi(ts)atsu*)

The two main correspondences, (I) and (V), will be discussed in detail below in this very section, since they provide the clinching arguments for the reconstruction of not one, but two contrasting PTG consonants: while (I) is the main correspondence for PTG **ts*, (V) is the correspondence accounted for by PTG **f*. The remaining correspondences can all be accounted for by invoking other factors (sporadic developments, conditioned changes, or dialectal borrowing) interacting with the reflexes of the two PTG affricates and are discussed in section 4.

The difference between correspondences (I) and (II) lies in the *h* reflex in Mbyá. Both correspondences can be traced back to a single PTG proto-segment, since (II) is restricted to a single morphological element that occurs in absolute word-initial position: the set II, third person marker for stems of inflectional class IIa.⁹ This will be discussed in 4.2, where certain Mbyá-specific developments will be briefly addressed.

⁹ Lack of space prevents any detailed discussion of Tupi-Guarani morphosyntax in this paper, but the following may be enough for the reader to grasp some of the issues related to correspondence (II). Inflected stems in Tupi-Guarani languages — which include dependent nouns, verbs, and postpositions — are traditionally ana-

Correspondence (III), in turn, differs from the main correspondence in (I) only in the Tocantins Asurini reflex, which is, exceptionally, \emptyset in the form for ‘fear’. An account of this correspondence, and of the correspondence in (VIII), will be discussed in section 4.4 below, as they indicate the action of factors that are independent of the regular development of the PTG affricates, but which produce overlapping and, hence, potentially confusing correspondences.

Correspondence (IV) is not only infrequent, being present in two sets, but has its distinctive character restricted to the existence of doublets in Old Guarani, and this will be discussed in 4.5, where the topic of dialectal borrowing will be broached.

Correspondence (VII) is uniquely characterized by palatal fricatives in most languages other than Tocantins Asurini, and by a ‘hardened’ reflex in all languages. That is, it overlaps with correspondence (V) only in the Mbyá and Kayabí reflexes, although its reflexes in the remaining languages are phonetically more similar to those in correspondence (V) than those in correspondence (I). This will be tackled in section 4.3. along with the vexed issue of the palatalization of PTG affricates.

The core fact about correspondences (I) and (V) is, of course, that they contrast with each other, therefore standing as the reflexes of two independent PTG segments. The first correspondence has *h* in Avañe’ẽ and in Old Guarani, matching \emptyset in Mbyá, and the second one has *s* in the first two varieties, matching an alveo-palatal fricative *f* in Mbyá. Table 4 below illustrates the occurrence of these correspondences in quasi-minimal pairs, with the rows indicating distinct, and diverse, vocalic contexts. The three non-Guaranian TG languages presenting different mergers of the PTG contrast are included as well (sources for all these forms appear, in their original orthographies, in the etymologies presented in the appendix).

Context	Glosses	Guaranian varieties			Other TG languages		
		Avañe’ẽ	Old Guarani	Mbyá	Tocantins Asurini	Kayabí	Old Tupi
_e	‘yesterday’	<i>kwehe</i>	<i>kwehe</i>	<i>kwee</i>	<i>sekwehe</i>	-	<i>kwese</i>
	‘knife’	<i>kise</i>	<i>kise</i>	<i>kife</i>	<i>kihe</i>	<i>kie</i>	<i>kise</i>
a_i	‘sun’	<i>kwarahi</i>	<i>kwarahi</i>	<i>kwaraí</i>	<i>kwarahi</i>	<i>kwaraí</i>	<i>kwarasi</i>
	‘moon’	<i>jasí</i>	<i>jasí</i>	<i>jaí</i>	<i>sahí</i>	<i>jaí</i>	<i>jasí</i>
a_u	‘new’	<i>piahu</i>	<i>piahu</i>	<i>piau</i>	-	<i>piau</i>	<i>pisasu</i>
	‘left hand’	<i>-asu</i>	<i>-asu</i>	<i>-afu</i>	<i>-saho</i>	<i>-ajau</i>	<i>-jasu</i>
_ã	‘medicine’	<i>pohã</i>	<i>pohã</i>	<i>poã</i>	<i>pohanj</i>	<i>fuanj</i>	<i>posanj</i>
	‘rope’	<i>-sã</i>	<i>-sã</i>	<i>-fã</i>	<i>-hom</i>	<i>-ãm</i>	<i>-sam</i>
i_a	‘night’	<i>-piha-re</i>	<i>-piha-r</i>	<i>-pia-βi</i>	-	<i>ipiaaje</i>	<i>pisare</i>
	‘ear hole’	<i>-apisa</i>	<i>-apisa</i>	<i>-apiŋa</i>	<i>-apiha</i>	<i>apia</i>	<i>-apisa</i>

Table 4. Evidence for the contrastive status of the correspondences.

Under a reconstructed PTG system with a single segment underlying these reconstructions, as first suggested by Lemle (1971) and later accepted by Schleicher (1998), it would follow that, in each of the rows in table 4 above, this single segment was subjected to a non-conditioned split

lyzed as belonging to one of two inflectional classes, I or II, with the former having two additional sub-classes and class II having four sub-classes (see Jensen 1998, 1999 for details). The main formal parameter for the recognition of classes and sub-classes is the exponence of the absolutive third person marker, which is usually reconstructed with two allomorphs: **i-* for class I, and **ts-* for class II or, more precisely, subclass IIa. The absolutive class of person-indexing morphemes is traditionally called ‘Set II’ and, for this reason, the morpheme **ts-* is here called ‘Set II third person’, or ‘3.II’ in glosses.

into *h* and *s* in Avañe'ẽ and in Old Guarani, and to a similarly unconditioned split into \emptyset and *ʃ* in Mbyá. Even if the comparative evidence from the Guaranian lects is first used to derive a Proto-Guaranian (PG) system, thus implying the occurrence of a single unconditioned split from PTG into PG, instead of multiple unconditioned splits in the daughter Guaranian lects, the right analytical path in face of the contrasting correspondences exemplified in table 4 consists of the reconstruction of two segments, as indicated in (5) below:

- (5) *Reflexes of the two PTG affricates*
 PTG **ts* > AVA *h* : OGU *h* : MGU \emptyset : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*
 PTG **ʃ* > AVA *s* : OGU *s* : MGU *ʃ* : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

It might be retorted that the postulation of unconditioned splits is not a necessary feature of Schleicher's (1998) explanation, since dialectal borrowing among Guaranian languages/varieties would be responsible for the two correspondences under his account. However, as discussed in section 2, Schleicher's proposal is dependent on the recognition of many, slightly differing and overlapping correspondences. What we have here, however, is a much neater pattern with two basic correspondences that are non-distinct for the merging, non-Guaranian languages (here: Tocantins Asurini, Kayabi and Old Tupi), and which differ in regular fashion in the Guaranian varieties, with Avañe'ẽ *h/s* matching Old Guarani *h/s* and Mbyá $\emptyset/ʃ$. If a scenario of chaotic dialectal borrowing was true, one would expect, say, an additional correspondence of Mbyá *ʃ* to Old Guarani *s* and Avañe'ẽ *h*, or another correspondence matching Mbyá \emptyset to *s* in the other two lects; and yet, none of these are found. (Note that the forms in table 4 are simply used to illustrate the contrast between the two correspondences, but the total number of cognates used here in support of the reconstruction of the two PTG affricates is given in the appendix.)

Based on this more systematic investigation of correspondences that establishes the need for two independent segments in PTG, I will now move on to the consideration of independent developments that can be seen as disturbing the main or basic correspondence patterns given in (5) above by producing additional overlapping correspondences, some of which were mentioned in (5) as well.

4. Independent changes with overlapping effects

Part of the correspondences involving fricatives in two or more TG languages can be attributed to processes that are plausibly independent of the reflexes of PTG **ts* and **ʃ* described in (5). These are discussed sequentially.

4.1. Sporadic/reductive losses: a role for constraints on glottal segments?

One pattern that is particularly common in the Northern or Amazonian TG languages (which usually have *h* as a merged reflex of the PTG affricates), but which has not received attention in the literature on comparative TG phonology, consists of simple, underived roots having *h* while one or more derivatives show \emptyset instead. Thus, Kagwahiva *jahy* 'moon', with medial *-h-*, co-exists with *jaytata'ia* 'star' (Betts 2012: 115, 120). In Tocantins Asurini there is, for instance, *kyhé* 'faca' [knife] (CR03: 110), with *h* being suppressed in derivatives: *kyépirét* 'gilete' [razor], *kyé'í* 'faquinha' [small knife], *kyéangáp* 'imitação de faca' [counterfeit knife] (CR03: 110–111). But note that changed reflexes in compounds do not occur, for instance, in Guajajára: *takihe* 'faca, facão' [knife, machete], *takihe'yu* 'cabo de faca' [knife's handle], *takihezyapar* 'foice'

[sickle] (HH13: 139). Clearly, a complete explanation of these facts remains a matter for future research, but they all seem to indicate language/dialect-specific phonetic developments that took place *after* the merger of PTG **ts* and **ʃ* as *h*; they indicate neither the presence of dialectal borrowing, nor the distinct reflexes of separate PTG affricates.

These reductive developments are also relevant for casting Schleicher's (1998) claims about erratic correspondences under a different light. It is significant that many if not all cases of \emptyset in Tocantins Asurini in Schleicher's (1998) table of correspondences, where the multiplicity of correspondences is used to point in the direction of his dialectal borrowing solution, occur in these reductive derivatives, as in the case of his set 115 **kičé*, where his witness for the language is *kie?ia*, a derivative noted above, and which means 'small knife' (cf. Diminutive *-?i*). Had he sampled the underived base, *kihe* 'knife' (see Cabral & Rodrigues 2003: 110), the ordinary reflex *h* would be attested.

Consideration of comparative patterns among TG languages and plausible etymological hypotheses suggest that the loss of glottal segments, either *h* or *ʔ*, is a frequent correlate of increased lexicalization (i.e., loss of morphological transparency). Two common targets of reduction are reflexes of PTG **ma?e* 'thing' and **ka?a* 'woods; leaf' that often appear in compound formations. Thus, the Kagwahiva verb meaning 'to hunt', *-kahuv* (Betts 2012: 130), is a compound of the reflexes of **ka?a* 'woods; leaf' and the verb **-tsup* 'to perceive (something)' (see Betts 2012: 105, 128 for the Kagwahiva reflexes).¹⁰ A reflex of **ka?a* appears likewise in the Avañe'ẽ expression *ka'ay*, which means 'boiled Mate', already with glottal loss in the reflex of **?i* 'water', the second compound member. It is further reduced, though, in the desiderative verb formation, with *-se*, as in: *akay'use* 'quiero matear' [I want to drink Mate] (Guasch 1956: 39), where *ka?a* loses its glottal segment as well. As for **ma?e* 'thing', it is often incorporated together with verbal roots, either as an expression of a generic (non-animate) object or in anti-passive-like constructions, and, as in the Tenetehara verb *-mai'u* 'to eat', suffers glottal loss after composition with the reflex of **-?u* 'to eat' (*mai'u* 'comer' [to eat]; Harrison & Harrison 2013: 260).

Almost all these cases suggest a further phonological conditioning for these reductions: a constraint against multiple glottal consonants in sequence. This would account well for some of the cases above, such as Tocantins Asurini *kyhé ~ kye'i*, and for the Kagwahiva and Guarani cases involving reflexes of PTG **ma?e* 'thing' and **ka?a* 'woods; leaf'. Other cases could be added as well, such as the Tocantins Asurini reflex of PTG **-eʃa* 'eye', *-eha* 'olho' [eye], featuring a regular *h* reflex for the merged affricates in this language, which is, however, dropped when followed by *-ohó* 'big', as in *sé reáohó* 'my eye is big, I have a big eye' (Cabral & Rodrigues 2003: 62). Also related is the correspondence uniquely instantiated in the set for 'to bite' (correspondence V in (4)), which differs from the main correspondence for **ʃ* only in that Tocantins Asurini shows \emptyset instead of *h*, and in the existence of palatalization, *s ~ ʃ*, in Old Tupi. While palatalization will be tackled later in section 4.3, the Tocantins Asurini outcome **ʃ > ∅* in this case is accounted for on the same grounds of this hypothetical ban on multiple glottals (i.e., **-hu?u > -u?u* 'to bite'). Note that this set (see set 63 in Schleicher 1998: 335) is one of those featured in Schleicher's (1998: 19) table of multiple correspondences for the PTG affricate. One can, therefore, eliminate this set as well as additional evidence for a dialectal borrowing scenario.

¹⁰ The gloss attached to PTG **-tsup*, 'perceive', should be taken as tentative only. It is a reflex of a verb stem meaning 'to see' in Proto-Tupian, and a series of findings suggest that it may have had, at the PTG level, a slightly more generalized meaning related to perceptual interactions (seeing, feeling, visiting someone, etc.), whence the label 'to perceive (something)'. A proper study of lexical reconstruction in the Tupi-Guarani domain is still needed.

4.2. Loss of medial **h* in Mbyá Guaraní

Correspondence (I) for the PTG affricate **ts*, as adduced in (5) above, shows that Mbyá regularly has \emptyset matching *h* in the other two Guaranian lects. This fact, coupled with the independent knowledge about the mundane character of lenition clines of the kind **ts* > **h* > \emptyset , invites the inference that Mbyá has recently lost *h* – a change which is, in fact, attested for other members of the Guaranian branch, such as Apapocuva (see Dietrich 2013: 82–83). However, as noted in figure 2, Mbyá often shows *h* matching *h* in other Guaranian lects and, thus, was not affected by the context-free development that eliminated all glottal fricatives from varieties such as Apapocuva. Correspondence (II), which involves the Set II third person marker for stem of inflectional class IIa (see Jensen 1998, 1999 for discussion) also has Mbyá *h* for what is plausibly a reflex of PTG **ts* (that is, the same affricate underlying correspondence (I)).

We shall not dwell too much on this phenomenon, since it has already been discussed in past literature. Dooley (1991: 8) noted that Mbyá seems to have undergone (**ts* >) **h* > \emptyset only word-medially, with all cases of Mbyá *h* matching *h* elsewhere being restricted to word-initial position, so the reader may be referred to Dooley’s study for examples and discussion. Note that the Mbyá preservation of initial *h*- cannot be accounted for in morphological terms even though correspondence (II) happens to be restricted to a single morphological element.¹¹ First, although third person **ts*- has been retained in the language when encountered in word-initial position (cf. PTG **ts-ũn* ‘black’ > *h-ũ* (Dooley 1998: cix, clxxx), Old Guaraní *hûhába* ‘negrura’ [blackness], *aba hũ* ‘hombre negro’ [black man] (Montoya 1639: 398v)), this is not the case in word-medial position. In PTG transitive constructions where a transitive verb has a third person affected (P) argument, **ts*- occurs between the A-coding prefix and the verb root in Class II verbs, as in Old Tupi *a-s-epjak* ‘I see him/her/it’ (cf. *Acepiac* ‘uer’ [to see] (VLB, II, 144) and in Old Guaraní *ahecha* ‘ver’ [to see] (Restivo 1722: 536) (see Jensen 1998: 518 for the PTG pattern). In Mbyá, this medial **ts*- is regularly lost: *o-exa* ‘ele viu’ [he saw (it)], *ja-exa* ‘nós vimos’ [we saw (it)] (Dooley 1998: xxxvii), which is consistent with a phonologically conditioned loss of medial **h*- < **ts*- only. Second, there is the case of a prothetic *h*- that shows up in Guaranian varieties/languages whenever the next syllable has a glottal stop onset, most clearly seen in the case of the PTG demonstrative **aʔe* (Lemle 1971: 120; Schleicher 1998: 329), whose reflex is *haʔe* in Guaranian. Since this is likely a Proto-Guaranian innovation (see Carvalho 2022 for extensive discussion), it is significant that Mbyá retains it as *ha’e* (Dooley 1998: xiii), again in agreement with the proposed sound change which eliminates **h* (of whatever origin) in medial position only.

4.3. Palatalization and the issue of phonetic content

Jensen (1984) is possibly the first work to offer historical hypotheses based on the attested (synchronic) patterns of palatalization of reflexes of the PTG affricate(s). She notes that both Old Tupi and Old Guaraní show a palatalization of the coronal fricative *s* by a preceding *i*, further claiming that, at the PTG level, this palatalization rule affected only **ts* (= **c*), not **tʃ* (= **č*),

¹¹ I bring this up because it is often stated that some northern/Amazonian TG languages which otherwise show total loss of the PTG affricates would, nevertheless, retain a glottal fricative *h* reflex for PTG **ts*- in the specific morphological context of the third person class II marker. This is attested, for instance, in Wajãpi, which has lost **ts* and **tʃ* entirely but which has *h*- in this morphological function in some of its dialects (see e.g., Jensen 1984: 17, mentioning the Upper Jari variety), and in Tapirapé, where *h* is a very infrequent segment, essentially restricted to the marking of third person in class II words (see e.g., Almeida *et al.* 1983: 12).

and yielded a neutralization of this opposition in this specific context (Jensen 1984: 48). Jensen (1984) states that the lenition, or elimination, of the affricates in the more northern TG languages makes these languages useless for understanding this process. Still, Jensen (1984: 48) thinks that the Old Tupi and Old Guarani evidence is enough to reconstruct the palatalization rule back to PTG. In a later work, however, Jensen (1999: 139) mentions this only as a synchronic rule of Old Tupi phonology, without any explicit comments about its operation at the PTG level. Schleicher (1998: 21), in his proposal of a single PTG affricate, claims that some of the evidence presumably pointing to a second affricate segment derives, in fact, from the action of a preceding **i* which palatalizes the PTG affricate and produces ‘stronger’ reflexes in this environment alone.¹² As we just saw, however, in section 3, there is plenty of evidence for two PTG affricates, and it cannot be explained away either as the result of dialectal borrowing or as the effect of secondary palatalization. In fact, this palatalizing effect of a preceding **i* is accepted by Dietrich (1990) as well, who otherwise assumes a PTG inventory with two affricates. Differently from Schleicher (1998), who only speaks about ‘a rule’ which preserves the PTG affricates in this context, the use of asterisks in Dietrich’s (1990) formulation indicates the acceptance of a PTG palatalization rule triggered by **i* and targeting the PTG affricate(s).

This summary of the views exposed so far on the matter suggest that there are at least two questions on the historical and comparative significance of the palatalization of PTG affricates observed in some of its daughter languages.

Questions on TG affricate palatalization:

- (a) Can a process of affricate palatalization be reconstructed for PTG?
- (b) If so, how did it operate? Did it target both affricates? Was the opposition between the two affricates neutralized in this context?
- (c) What are the consequences of affricate palatalization for the question of PTG affricates?

The language-internal facts that underlie Jensen’s (1984) and others’ ideas about palatalization in TG languages are attested in the two classical languages of the family. Old Tupi *s* = <*c*, *ç*> is palatalized to *ʃ* = <*x*> when preceded by the Set II third person prefix *i*: *sî* <*Cig*> ‘mater’ [mother], *ʃe-sî* <*xèci*> ‘mea mater’ [my mother], *i-ʃî* <*yxi*> ‘eius mater’ [his mother] (Anchieta 1595: 15–15v), *a-so* <*Açó*> ‘vou’ [I go], *i-ʃo* <*Ixó*> ‘a sua ida, o seu ir’ [his going]; *sam-a* <*Çáma*> ‘corda’ [rope], *i-ʃam-a* <*Ixáma*> ‘sua corda’ [his rope]; *sose* <*Çocé*> ‘emcima’ [above], *i-ʃose* <*Ixocé*> ‘emcima delle’ [above him] (Figueira 1621: 72–74). The process is also widely attested in Old Guarani, where the following examples have *s* <*ç*> ~ *ʃ* <*ch*>: *i-sĩ*, *i-ʃĩ* <*Yçĩ*, *Ychĩ*> ‘Está resbaloso’ [it is slippery] (Montoya 1639: 115); *ʃe-sĩ*, *i-ʃĩ*, *o-sĩ* <*Cheçĩ*, *Ychĩ*, *oçĩ*> ‘Madre’ [mother], Montoya 1639: 114); *a-josou* <*Ayoçog*> ‘Moler’ [grind] (Montoya 1639: 116), but *a-mo-ηu?i-fou* <*Amônguíchóg*> ‘Hazerlo poluo’ [make dust] (Montoya 1639: 104v).

If these alternations are seen as retentions of PTG patterns, as suggested by Jensen (1984) and Dietrich (1990), these examples suggest that the process targeted PTG **ts-* and **ʃ-*, since the Old Tupi and Old Guarani data above include reflexes of PTG **-tso* ‘to go’, **ʃĩ* ‘mother’ and **ʃām* ‘rope’. This is enough to refute Jensen’s (1984: 48) claim that this palatalization affected only PTG **ts*, not **ʃ*. Moreover, since languages like Old Guarani show *ʃ* as the reflex of palatalized **ʃ*, instead of the usual *s* for **ʃ* in non-palatal contexts and of *h* for **ts* (cf. *sî* ‘mother’ vs. *i-ʃî* ‘his/her mother’), it is not clearly the case that the process caused a neutralization of the opposition between the two affricates in favor of the ‘palatal’ affricate **ʃ*. Unfortunately, there

¹² More specifically, he proposes that a preceding **i* ‘preserves’ the affricate in languages where it is usually lost: “(...) *çĩ*, *çirik*, are simply examples of a rule that preserved *ç* immediately after *r*” (Schleicher 1998: 21).

are difficulties in assessing this, given the nature of the Old Guarani data (more on this in section 4.5).

Thus, although in some cases Montoya seemingly indicates that the palatalization is optional, as in *i-sĩ*, *i-ĩ* <Yçỹ, Ychỹ> ‘Está resbaloso’ [it is slippery] where both palatalized and non-palatalized variants are noted (Montoya 1639: 115), this is not always the case; compare, for instance, Old Guarani *wi-sēm-a* <guicēma> ‘Yo salgo’ (Montoya 1639: 113), with the Set III first person singular prefix *wi-* preceding a reflex of PTG **-fem* ‘to leave, go out’. Here we would expect palatalization, at least optionally, as in the above-mentioned case of ‘it is slippery’, but we lack the relevant data. Moreover, note that in the case of **-tso* ‘to go’ available evidence suggests that Old Tupi and Old Guarani part company: a comparison of Old Guarani *wi-ho-βo* <Guihóbo> (Montoya 1639: 156v) and Old Tupi *wi-fo-βo* <vixòbo> (Anchieta 1595: 57), in both cases a Gerund form of the verb **-tso* ‘to go’, preceded by a Set III first person singular prefix **wi-*, shows that while Old Tupi displays the palatalization process, Old Guarani does not. This lack of agreement between the two classical languages shows that language/branch-specific developments related to palatalization, some, perhaps, of an analogical kind involving inflectionally related forms, took hold early on in the diversification of PTG and that it is difficult to delineate its properties at the PTG level.

The same applies to the PTG etymon for ‘to bite’, often discussed in relation to the issue of the historical affricates. While Old Tupi has unambiguous evidence for synchronic palatalization in this case as well, as in *a-i-su?u* <Aixuu> ‘morder’ [to bite], *çuuguera* ‘mordedura’ [bite (n.)] (VLB, II, 42), Old Guarani has <ç>= *s* following *i*, as seen in *a-i-su?u* <ayçuú> ‘morder’ [to bite] (Restivo 1722: 391). As noted, this set defines a unique correspondence (correspondence V), which was discussed before in relation to the loss of *h* < **ff* in Tocantins Asurini, but which is also singular for the palatalization in Old Tupi. The correspondence can be easily merged with the one for PTG **ff* but seems to indicate language-specific developments in the application of the palatalization rule.¹³

The absence of concordance noted for the reflexes of PTG **-tso* ‘to go’ and of PTG **-ifu?u* ‘to bite’ in the two classical languages raises a red flag concerning the assumption that the palatalization process can be reconstructed for PTG. As noted, Jensen (1984) and Dietrich (1990) knew that the morphophonological evidence for palatalization is essentially restricted to the Southern, or non-Amazonian, TG languages.¹⁴ Both authors suggest that the generalized lenition of the PTG affricates in the Northern languages is responsible for eliminating evidence of this PTG process. This is, however, not necessarily the case. Languages that show otherwise lenited reflexes of the PTG affricates do retain synchronic traces of palatalization, as in Pauserna *tse-hi* ‘minha mãe’ [my mother], *i-tsi* ‘mãe dele’ [his mother] (Ramirez, Vegini & França 2017: 27). As a consequence, absence of evidence for palatalization in Northern/Amazonian languages that lack ‘strong’ reflexes of the PTG affricates may, in fact, be evidence of absence, that is, evidence that the reflexes of PTG affricates were never palatalized in these languages. This is sufficient reason to backtrack a bit from the consideration of facts internal to the classical languages of the family and to take a systematically comparative look at the relevant correspondences.

¹³ Guarayu *zuu aguér* ‘Biss, Bisswunde’ [bite, bite wound] (H32: 355) is entirely comparable to Old Tupi *çuuguera* ‘mordedura’ [bite] (VLB, II, 42). Guarayu, like Old Tupi, shows an alternation between *z* and *ch*, the latter when preceded by *i*. Another Southern / non-Amazonian lect with a comparable alternation in the same form is Pauserna: *tse-hú?u* ‘(ele) me morde’ [he bites me], *a-i-tsu?u* ‘mordo-o’ [I bite him] (Ramirez, Vegini & França 2017: 27).

¹⁴ Further examples from Southern / non-Amazonian TG languages / varieties include Chiriguano: *ché-si* ‘my mother’, *i-chi* ‘his/her mother’ (Dietrich 1986: 336), and Guarayu: (*zi* ‘Mutter’ [mother], *ichi* ‘seine Mutter’ [his/her mother] (Hoeller 1932: 70, 340), *guicho* ‘Gerund. von azo gehend’ [Gerund of *azo* ‘going’] (Hoeller 1932: 82), *zo* ‘Gehen’ [go] (Hoeller 1932: 344).

Correspondence (VII) in (4) is singled out by the fact that all languages other than Kayabi and Mbyá Guarani agree in having a ‘stronger’ reflex than is the case in the default correspondences for **ts* and **ʃ*. Kayabí shows \emptyset as in the other correspondences, and Mbyá has *ʃ*, as in the reflex of PTG **ʃ*. Old Tupi and Avañe’ẽ have *ʃ*, while Old Guarani has *ʃ*. Finally, Tocantins Asurini, which usually has *h* or (as noted above) \emptyset in some contexts, shows the reflex *s*. In all these cases, except for ‘angry’, there is a preceding **i*, which is not present in any of the other correspondences (and for the ‘angry’ set a preceding **i* can be postulated based on external evidence; see the ‘dangerous’ set in Rodrigues & Dietrich 1997: 273). Since correspondences (I), for **ts*, and (V), for **ʃ*, never occur following *i*, it is natural to collapse correspondence (VII) with one of them, or with both.¹⁵ The reflexes of the two PTG affricates in (5) are repeated below in (6) with the addition of the diachronic correspondences for the palatal context, and provisional C being used as a cover symbol for the target consonant.

(6) *Correspondences of the two PTG affricates*

- PTG **ts* > AVA *h* : OGU *h* : MGU \emptyset : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*
- PTG **ʃ* > AVA *s* : OGU *s* : MGU *ʃ* : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*
- PTG **iC* > AVA *f* : OGU *ʃ* : MGU *ʃ* : TOC *s* : KAY \emptyset : TUP *f*

Now, even if one accepts that this rule can be reconstructed for PTG, which, as has already been noted, is problematic in itself, clearly one cannot simply say that **i*-palatalization caused a neutralization of the PTG affricates in favor of the ‘strongest’ member of the pair (say, both **ts* and **ʃ* appearing as **ʃ* in a palatal context). This is the case because the reflexes for **iC* differ from those of both PTG affricates. As to the identity of **C*, it is possible that either one of the PTG affricates **ts* and **ʃ*, or just one of them, was subject to **i*-palatalization. In principle, cases of morphophonological alternation would allow for recovery of the identity of the affricate. Of all the etymologies supporting correspondence (VII), only that of the postposition here glossed as a ‘dative’ seems to allow for this analysis. Matters are, however, not as simple as expected: Table 5 below gives the form for the postposition **-tsupe* when preceded by the Set II third person prefix **i-*, where the correspondence in (VII) is attested, in comparison to its form without this prefix, in the context of an independent word form or noun phrase (data from Figueira 1621: 121, 122, 74 for Old Tupi; Weiss 2005: 46, 109 for Kayabi; Cabral & Rodrigues 2003: 169–170 for Tocantins Asurini; Montoya 1639: 406v for Old Guarani; De Canese 1983: 57 for Avañe’ẽ and Dooley 1998: cx for Mbyá).

	PTG	Avañe’ẽ	Old Guarani	Mbyá	Old Tupi	Kayabi	Tocantins Asurini
NP_	<i>*tsupe</i>	<i>pe</i>	<i>upe</i>	<i>upe</i>	<i>supe</i>	<i>upe</i>	<i>ope</i>
3.person	<i>*i-tsupé</i>	<i>i-fupe</i>	<i>i-ʃupe</i>	<i>i-ʃupe</i>	<i>i-fupe</i>	<i>j-upe</i>	<i>s-ope</i>

Table 5

Although a root **-tsupe* is abstracted here from the third person form **i-tsupé*, this root does not explain the attested reflexes when no third person prefix is found, with the exception of the Old Tupi form *supe*. Note that Old Guarani and Avañe’ẽ would be expected to have the unattested reflex *hupe* instead, given the reflexes for PTG **ts* in these languages. Moreover, Avañe’ẽ shows a loss of root-initial *u-*, which may indicate a suppletive paradigm where an

¹⁵ I am glossing over the implausible hypothesis that the correspondence in this case could be joined to another correspondence, say, as a context-dependent development of PTG **t*.

etymologically independent postposition, the locative **-pe* (Jensen 1998: 598) is instead used for some affected arguments, as seems to be the case in other modern Guaranian varieties. The difficulty in reconstructing a full paradigm for this (and other) PTG postpositions is reflected in current overviews of the family: Jensen (1998: 598) gives **tsupe* ‘to, for’, but without any paradigm, and her later reference chapter, Jensen 1999: 153–154, is equally silent on the matter. The issue of which of the two PTG affricates underlies the conditioned reflex in the third person form is, therefore, a matter awaiting to be settled by future research on the reconstruction of PTG morphology. At this point, acceptance of **tsupe* as the root (or paradigm base) for this PTG postposition would betray an overreliance on the evidence from Old Tupi, which has been a common yet ill-advised practice in TG comparative studies. For the immediate goals of this paper, we will reconstruct **i-TSupe*, with a non-specific affricate.

The remaining comparative sets for correspondence (VII) come from cases of morpheme-internal palatalized affricates, where there is no possible evidence from alternations for retrieving the identity of the palatalized affricate. Therefore, in these cases, a cover-symbol **TS* will appear in the etyma.

	<i>*-jajTSe</i> ‘aunt’	<i>*t-ajTSo</i> ‘mother-in-law’	<i>*iTSe</i> ‘1SG.PRO’	<i>*pojTSi</i> ‘angry’
AVA	-	- <i>aifo</i>	<i>fe</i>	<i>poŋi</i>
OGU	- <i>jaiŋe</i>	- <i>aifo</i>	(<i>i</i>) <i>ŋe</i>	<i>poŋi</i>
MGU	- <i>jaiŋe</i>	- <i>aifo</i>	<i>ŋe</i>	<i>poŋi</i>
TOC	- <i>sasé</i>	-	<i>ise</i>	-
KAY	- <i>jaje</i>	- <i>ojo</i>	<i>je</i>	-
TUP	- <i>aife</i>	- <i>aifo</i>	<i>iŋe</i>	<i>poŋi</i>

Table 6. Morpheme-internal palatalized affricates

Both in **-jajTSe* ‘aunt’ and **t-ajTSo* ‘mother-in-law’ the existence of a palatal element preceding the affricate is straightforwardly supported by the comparative data. Note that for Tocantins Asurini **TS* has a zero reflex in this context, and *s* reflects PTG **j* in onset position in this language (see e.g., Jensen 1998: 605; 1999: 137).¹⁶ The same applies to Kayabi, which has \emptyset as the regular reflex for both PTG affricates, with *-j-* reflecting the PTG palatal element. In the set for the first-person singular pronoun, all modern Guaranian varieties seem to have lost the initial **i-*, though Montoya (1639: 173) still registers *ife* <Yché> ‘Yo’, alongside *ŋe* <Ché> (Montoya 1639: 119v). Here as well, the reflexes of PTG **iTSe* are consistent with total loss in the northern languages: **iTSe* > **i(j)e* > *ise* in Tocantins Asurini; **iTse* > **ie* > *je* in Kayabi.¹⁷ Finally, in the set for ‘angry’ we find a correspondence that is partially identical to the others — with missing forms in Tocantins Asurini and Kayabi — and it could be suggested that here as well the fricative or affricate in the reflexes is preceded by **j*. This is decisively supported by external evidence from Mawé, a non-TG Tupian language that is closely related to PTG, where the cognate *pojti* ‘dangerous’ is attested (Rodrigues & Dietrich 1997: 273).

¹⁶ In the set for PTG **-ajTSo* ‘mother-in-law’, Tocantins Asurini does not contribute evidence because it has an innovative descriptive compound *-atyhý* ‘sogra’ [mother-in-law] (Cabral & Rodrigues 2003: 57).

¹⁷ The development of person markers (free and bound) in TG languages still awaits a proper account, and, at this point, it is hard to discern what can be assigned to regular sound change, analogical reshaping, or sporadic developments. This commentary applies to loss of the initial **i-* of the independent 1SG pronoun. The reader is referred to Schleicher (1998: 191–197) for an overview of the relevant problems.

The evidence reviewed in this section makes it likely that PTG affricates were subjected to a palatalization triggered by a preceding palatal vocoid **i/*j*; however, in the absence of reconstructions for full paradigms of postpositions and verbs, it remains difficult to assess whether any differences existed in the outcomes of palatalization for PTG **ts* and **ʃ*. Moreover, a comparison of synchronic patterns of palatalization reveals that palatalization was likewise affected by language-specific developments, probably involving generalization or leveling of alternations.

4.4. Other poorly understood developments

Although a PTG etymon for ‘new’ is reconstructed in virtually every study on comparative TG, e.g., *picacu* ‘new’ (Lemle 1971: 123), *pičáčú* ‘new’ (Schleicher 1998: 347), *pycacu* ‘new’ (Dietrich 1990: 26), *pitsatsu* (Mello 2000: 193), there is an issue with this etymon which has never been raised in print. As noted in (4), the medial syllable of this etymon displays a unique correspondence (correspondence **VIII**), one in which all the languages considered here show a medial \emptyset , that is, no segment that would match *s* in Old Tupi.

The purely quantitative or distributional aspect would suggest reconstructing **piatsu* for PTG, with Old Tupi *pisasu* being left as a language-specific oddity to be explained in some *ad hoc* manner. However, the external evidence from the closest relative of PTG, Awetí, suggests that the Old Tupi form is etymological: Awetí *mitatu* ‘novo’ [new] (Borella 2000: 128), with Awetí *t* being the regular match for the PTG affricates (Meira & Drude 2015: 282). We have opted here to reconstruct **pi(ts)atsu* as a compromise solution that accounts for the PTG-external evidence but also leaves an indication of the somewhat surprising loss of medial **-ts-* in the other languages, which calls for adequate explanation in future research.

Correspondence (**III**), in (4), which is singled out from the main correspondence in (I) due to the \emptyset reflex in Tocantins Asurini, is represented by a single set, the reflexes of what Schleicher (1998: 341) reconstructs as **čikiyé* ‘fear’ (Schleicher 1998: 341). The oddness of this correspondence becomes less surprising once one notes that this etymon is associated with another sporadic development: a metathesis that produced reflexes such as Old Guarani and Avañe’ẽ *kihije* ‘to fear’ (Montoya 1639: 332v; Peralta & Osuna 1950: 340).¹⁸ Since this PTG etymon is associated with the sporadic occurrence of metathesis, it is perhaps not surprising that another sporadic development, in this case, the loss of intermediate **h* in Tocantins Asurini, has occurred as well. In any case, this development in no way obscures the basic facts established above in section 3 about the reflexes of the two PTG affricates.

4.5. Diffusion: Loanwords and dialect borrowing

I hope that, at this point, the reader has been convinced that Schleicher’s (1998) account of the relevant TG correspondences in terms of a single PTG affricate and multiple correspondence patterns produced by dialectal borrowing has little support. Instead, as shown in (7) below, the correspondences examined support two PTG affricates, backed by a clear pattern of contrasting correspondences, and a series of other developments that, jointly, produce a somewhat complex but thoroughly understandable pattern of partially overlapping correspondences.

¹⁸ At least one other case of metathesis is known in the development of PTG, that of the etymon **kipi-?it* ‘younger sister (female Ego)’. External comparanda from the Arikém and Tupari branches of the Tupian family provides the decisive evidence (see Carvalho & Birchall 2022).

(7) Correspondences for PTG affricates and related developments

(a) Main reflexes for PTG *ts:

AVA *h* : OGU *h* : MGU \emptyset : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

(b) Main reflexes for PTG *tʃ

AVA *s* : OGU *s* : MGU *tʃ* : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

(c) Palatalization of PTG *ts/*tʃ (= *TS)

AVA *tʃ* : OGU *tʃ* : MGU *tʃ* : TOC *s* : KAY \emptyset : TUP *tʃ*

(d) Mbyá preservation of word-initial *h- < *ts-

AVA *h* : OGU *h* : MGU *h* : TOC *h* : KAY \emptyset : TUP *s*

(e) Isolated/sporadic development of PTG *pi(ts)atsu

AVA \emptyset : OGU \emptyset : MGU \emptyset : TOC – : KAY \emptyset : TUP *s*

(f) Isolated/sporadic development of PTG *tsikije in Tocantins Asurini

AVA *h* : OGU *h* : MGU \emptyset : TOC \emptyset : KAY \emptyset : TUP *s*

The main implication of the discussion in the preceding sections, and of the summary correspondences in (7) above, is that this collection of slightly differing correspondences can be explained by reference either to the regular development of two affricates or to other, contextual and mainly language-specific developments, often of a sporadic nature, without the need for postulating widespread dialectal borrowing, *contra* Schleicher 1998.

Although appeal to dialectal borrowing plays a fundamental role in the reconstruction of a single affricate for PTG proposed by Schleicher (1998), such diffusional phenomena are a recurring and inevitable aspect of language change, and their effects must be recognized and properly understood even under the proposal of two PTG segments *ts and *tʃ. In this section I will only comment briefly on a few aspects of Guaranian dialectal borrowing, an issue which deserves much additional investigation, possibly in a book-length or monographic account deeply informed by Old Guarani philology.

In section 3 it was observed that correspondence (IV) had as its distinguishing property the existence of doublets in the existing Old Guarani corpus. More specifically, these are characterized by variants of the same form, one with *s* and the other with *h*, as in the example of <ayahña l. ayacña> ‘cortar con hacha ó cuña’ (Restivo 1722: 192). In many but not all cases the sources are clear about the dialectal or geographic nature of the variation, as in the entry for ‘exit’ in Montoya’s *Tesoro*: “<hê, çê> ‘salida’, <Ahê> ‘Yo salgo’, aunque no se usa en muchas partes, sino, <acê> (Montoya 1639: 146v)”. Dialectal differentiation in the Guarani spoken in the 16th and 17th centuries is largely unknown (and possibly unknowable) due to historical processes of uniformization, such as the ‘reduction’ of autonomous groups to the Franciscan and (later) Jesuit Missions of Paraguay (see e.g., Meliá 1983: 44–45).¹⁹ Aside from groups such as the Guarambaré or the Cario, who were part of the colonial forced labor system of *encomiendas* and whose languages likely contributed to the formation of the Guarani Criollo or Avañe’ẽ (Meliá 1983: 46), the context of the Jesuit Missions, from where most of the documents on Old Guarani originate, was a context of dialect focalization or homogenization:

¹⁹ Jesuit Missions, starting in 1609, were established in regions as distant from each other as the Itatin (currently the westernmost limit of the Brazilian state of Mato Grosso do Sul), the middle course of the Paraná river, the Guairá (nowadays the western fringe of the Brazilian state of Paraná) and the Tapes province (corresponding to the central-western part of the Brazilian state of Rio Grande do Sul). Many of these were later displaced down-river in the Paraná and to the Uruguay river as a defensive strategy against the attacks of slave-raiders from São Paulo (Meliá 1983: 48). Missionary activity by the Jesuit order ended in 1767–68 when the Iberian colonial powers expelled the order from their territories.

“(…) con la introducción del sistema de las Reducciones, por los franciscanos, primero, y después por los jesuitas, muchos grupos guaraníes se vieron forzados a trasladarse, reubicarse y formar nuevas concentraciones, lo que contribuía a crear una lengua más uniforme y generalizada, en la que las particularidades tendían a desaparecer” (Meliá 1983: 46).

[“(…) with the introduction of the system of the Reducciones, first by Franciscans and then by Jesuits, many Guarani groups were forced to move and resettle, forming new communities, which contributed to create a more uniform and generalized language, where specificities were bound to disappear.”]

Old or Jesuitic Guarani denotes the output of the normative activities of codification by the Jesuits, as they created a literary standard out of the diversity of varieties and dialects that likely characterized the vernacular speech of the different Guarani groups that were assembled in their Missions. Understanding in more precise terms the relations between Guarani vernaculars and the codified Old Guarani is a very difficult task (see Cerno 2018 for a fascinating discussion of issues and application to one particular case), but sources such as the anonymous text *Phrases Selectas*, dated to 1687, describe a great degree of dialectal differentiation, to the effect that the codified text as presented in the *Tesoro* of Montoya was not always readily intelligible to speakers of other varieties (see Chamorro 2014; Cerno 2018).

Given all this historical background on the socio-linguistic context in which the *corpus* of Old Guarani sources was formed, it is not surprising that doublets such as the ones noted in correspondence (IV), indicative of dialectal borrowing, show up in Old Guarani. It is certainly the case that other, modern Guaranian languages/varieties also show, as expected, the effects of dialectal borrowing and diffusion, but only a careful study of the role played by sound change in the diversification of Guaranian varieties will help form a clearer picture of these diffusional phenomena. Thus, in Apapocuva or, more generally, Avá-Guarani varieties, where the glottal fricative *h* has been entirely eliminated, loans from other Guaranian varieties, most likely Avañe'ẽ, can be spotted by the presence of these segments (as suggested in Dietrich 2013: 82). Besides purely internal evidence of this kind, external evidence on the past conditions of co-existence between separate Guarani partialities will certainly play a pivotal role in addressing this issue. As an example, consider Dietrich's (2013: 83) hypothesis that the existence of Kaiowá *kwarasi* 'sun', instead of the expected *kwarahi* (cf. PTG **kwaratsi* 'sun' in the appendix), can be explained by suggesting that this form is a loan from Old Tupi. On the basis of external evidence concerning the past co-existence of the ancestors of the Kaiowá and the Guarayu in the Missions of the Itatines region of the Upper Paraguay (see e.g., Combès 2017), it is much more plausible to suppose that the source of the unexpected Kaiowá form is to be found in Guarayu *cuarazi* 'Sonnenhitze' [sun heat] (Hoeller 1929: 24), with Guarayu <z> = *ts* being adapted as Kaiowá *s*.²⁰ A more systematic appraisal of the nature and amount of lexical diffusion among Guaranian lects remains a task for future research.

5. Implications for reconstruction at more inclusive levels

Strictly speaking, the correspondences examined in the preceding sections call for the reconstruction of two contrasting segments at the Proto-Guaranian (PG) level, that is, only at the level of an intermediate proto-language which is the exclusively shared ancestor of the Guaranian languages/varieties among TG languages (see figure 1). Nonetheless, I have accepted the

²⁰ Greater care and rigor in dealing with sources is also needed in TG comparative studies. Dietrich (2013) gives no source for the unexpected Kaiowá form for 'sun'. The expected reflex showing **ts > h*, *kwarahy* 'sol' [sun], is given in Taylor & Taylor (1966: 93).

tradition established by the two-affricate view of Jensen and Rodrigues, and, accordingly, I have assumed throughout this paper that the contrast in question can be reconstructed for Proto-Tupi-Guarani (PTG) as well. In this section I shall consider some alternative scenarios, and, in the end, defend my reconstruction at the PTG level as being plausible, at least for the moment.

As a necessary background to this discussion, figures 3 and 4 depict the two of principal (though still tentative) classifications of the Tupian language family proposed so far.

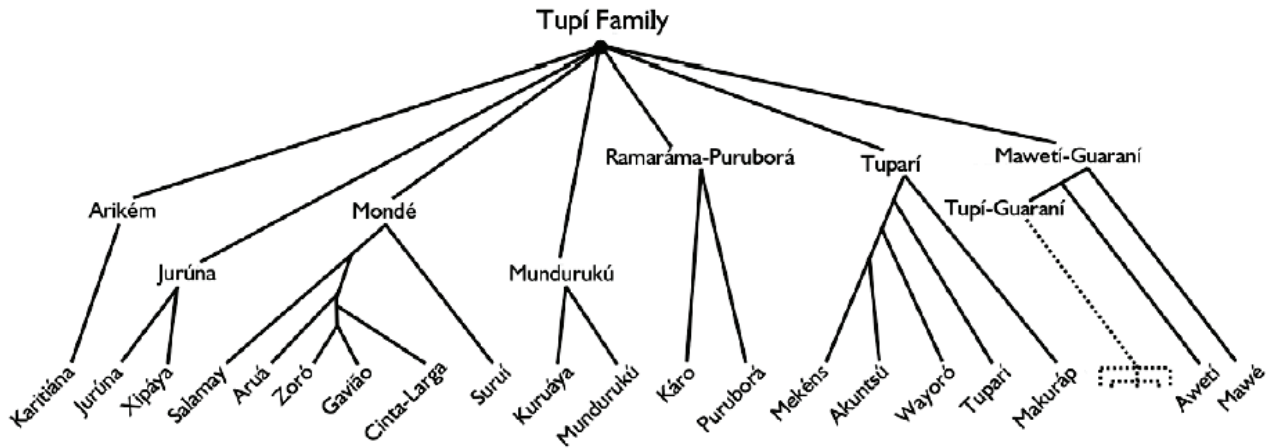

Figure 3. One of the proposed internal classifications of the Tupian language family (from Meira & Drude 2015: 277).

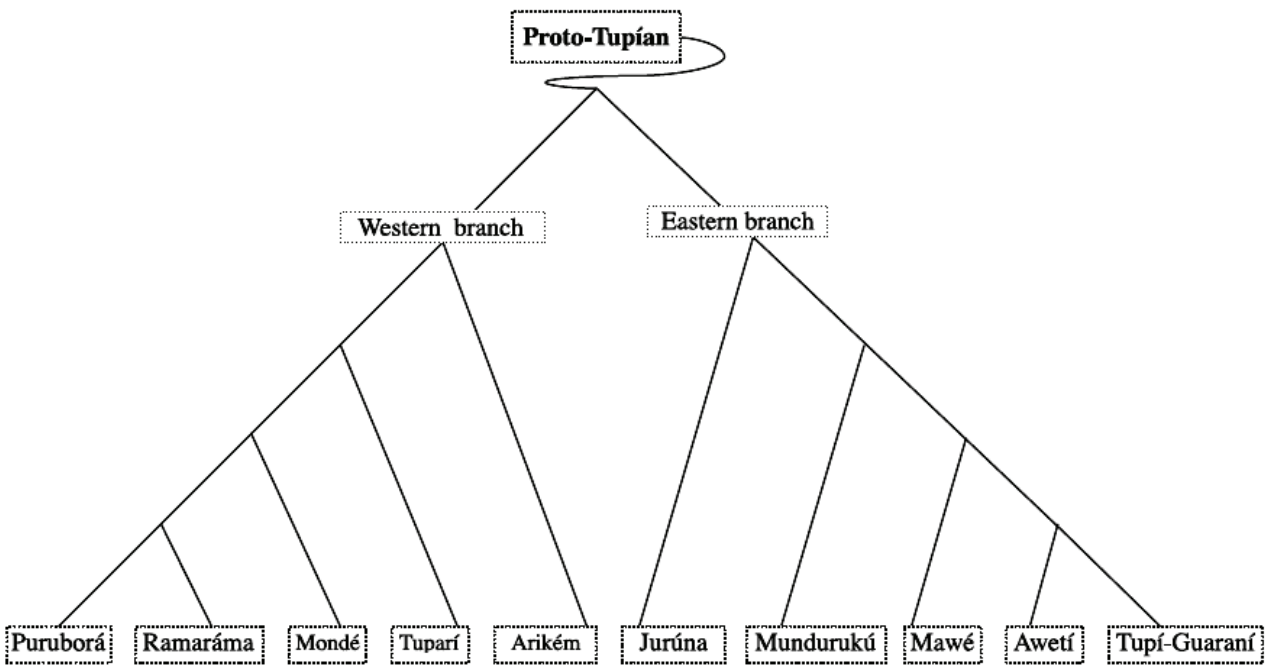

Figure 4. The internal classification of the Tupian language family stemming from Rodrigues' work, after Rodrigues & Cabral 2012.

Despite their differences, these proposed internal classifications agree in one important aspect: both recognize Aweti and Mawé as the two closest relatives of PTG, and, by implication, recognize a common ancestor shared exclusively by these three languages within the Tupian family. This common ancestor has come to be known as Proto-Maweti-Guarani (or PMAG for short), and Meira & Drude (2015) have provided us with a preliminary reconstruction of its phonology and a sample lexicon.

Starting from this core of agreement between the two competing internal classifications, one can consider different levels at which the contrasting correspondences examined in this paper can be reconstructed. A set of alternatives is depicted in table 9, along with commentary on the implications of each view in terms of consequences for the historical phonology and for the evidential support necessary to back up the respective proposal (note that the PG level is internal to the Tupi-Guarani branch, and the reader should refer to figure 1 for this).

Level of reconstruction		Implications and required evidence
(a)	Proto-Guaranian (PG)	The split of a single PTG affricate in PG must be motivated somehow.
(b)	Proto-Tupi-Guarani (PTG)	Multiple mergers of the opposition in other, non-Guaranian branches of TG are implied. The split of a single PMAG segment yielding the two PTG affricates, <i>or</i> , an even earlier split with subsequent mergers in Aweti and Mawe must be justified.
(c)	Proto-Maweti-Guarani (PMAG)	The merger of the opposition in Mawé and Awetí is implied. The split of a single PT segment into two PMAG affricates must be justified.
(d)	Proto-Tupian (PT)	Merger of the opposition in all branches other than TG.

Table 9. Levels of phylogenetic inclusiveness within Tupian and implications for the reconstruction of the affricate contrast.

Option (a), as advanced, is the safest and most conservative option. Just like the rest, though, it has certain implications: a split must have occurred between the fragmentation of PTG and that of PG, since, under this view, a single PTG affricate (as in the classic Lemle 1971 reconstruction of PTG) has bifurcated reflexes, here given as **ts* and **ʃ*, at the PG level. If the split in question was purely internally motivated, then it means that the phonetic contextual feature which conditioned the split of a single PTG affricate in two PG affricates was lost everywhere without a trace. If we consider instead an external motivation, such as the wholesale adoption of loans from another language, ultimately yielding the adoption of another affricate segment, then one must recognize that nothing in our current understanding of TG historical linguistics suggests what this layer of loanwords and their presumed sources might be. Thus, proposing that PG innovated a split from a single PTG affricate carries its own burden of proof.

Option (b), as mentioned, is the position held by supporters of the traditional reconstruction of two PTG affricates (e.g., Rodrigues & Cabral 2012, though we shall qualify this claim below). As noted above, this requires that the PTG opposition be merged (lost) without trace in all branches of the TG language family other than Guaranian. This was, in fact, a standard assumption in TG comparative linguistics before the publication of Schleicher's doctoral dissertation (see, e.g., Jensen 1998: 614–616; 1999: 137–138). Starting with this option, the reasoning becomes more tightly enmeshed with the overall reconstruction of PT. Note that if PTG is reconstructed with two affricates *and no evidence for these two affricates can be found anywhere else among Tupian languages*, then one of two options are correct: either the contrast was innovated at a pre-PTG stage but after the split between PTG and Aweti, or the contrast was innovated at some point before the dissolution of PMAG but was lost (independently) in Mawe and Aweti. Since the second view implies that PMAG would still retain this contrast, although it ultimately ended up retained only in PTG, it naturally leads us into option (c).

As noted in sections 1 and 2, Meira & Drude (2015), in their phonological reconstruction of Proto-Maweti-Guarani (PMAG), the common ancestor of PTG, Aweti and Mawe within the Tupian language family, have adopted Schleicher's (1998) proposal of a single affricate for

PTG. However, the common ancestor (PMAG) is reconstructed without any affricate segments (see table 7 below). The authors propose a PTG-specific development of PMAG **t* in order to account for the single PTG affricate segment recognized by the authors (see Meira & Drude 2015: 282–283 for details).

<i>*p</i>	<i>*t</i>	<i>*k</i>	<i>*ʔ</i>
	<i>*tʃ</i>		
		<i>*kʷ</i>	
<i>*β</i>			
<i>*m</i>	<i>*n</i>	<i>*ŋ</i>	
	<i>*r</i>		
<i>*w</i>	<i>*j</i>		

Table 7. PMAG consonantal inventory in Meira & Drude 2015.

Option (c) in table 6 could be seen as following naturally from an adoption of option (b), granted some assumptions and analytical paths followed by Meira & Drude (2015) in other cases. If PTG is reconstructed with two affricates **ts* and **tʃ* (as per point (b) in table 6), one could say that it is no longer feasible to account for these as simple reflexes of PMAG **t*, as intended by Meira & Drude (2015); one could, instead, reconstruct PMAG with two contrasting segments, say, **ts* – **tʃ*, and imply an independent merger of this opposition in both Aweti and Mawé. This possibility is sketched in table 8 (Aweti and Mawé forms in table 8 from Meira & Drude 2015).

PMAG	PTG	Aweti	Mawé
<i>*potsij</i> 'heavy'	<i>*potsij</i>	<i>potij</i>	<i>potij</i>
<i>*tso</i> 'go'	<i>*tso</i>	<i>to</i>	<i>to</i>
<i>*aʃi</i> 'pain'	<i>*aʃi</i>	<i>ati</i>	<i>sati</i>
<i>*ʃuʔu</i> 'bite'	<i>*ʃuʔu</i>	<i>tuʔu</i>	<i>ka-tuʔu</i>

Table 8. PTG **ts* – **tʃ* contrast projected back to PMAG.

It is important to note that the exact same reasoning was applied by Meira & Drude (2015) to the case of the PTG contrast between **w* and **β*, and with the same phonological implication: the contrast is reconstructed for PMAG despite being realised only as *w* in both Mawé and Aweti, which, therefore, must have undergone independent mergers of PMAG **w* and **β* (Meira & Drude 2015: 284–285, 288).²¹ In all cases the employed reasoning is the same: since the split cannot be motivated, it is reconstructed one level up the tree, in agreement with standard methodology.

²¹ Another close parallel is the case of the Mawé vowel length contrast, which is reconstructed as well for PMAG, despite having no counterpart in the other two sister languages (Meira & Drude 2015: 284–285). In this case, however, Meira & Drude (2015: 280, fn. 3) find some weak support in the fact that length contrasts are found elsewhere among Tupian languages, even though only one actual cognate set is offered as external support for reconstruction at the PMAG level.

Finally, option (d), which is in fact adopted in Rodrigues' Tupian work, projects the opposition between the two affricates all the way back to PT. For instance, Rodrigues & Cabral (2012: 504–505) in their latest summary statement on the reconstruction of PT, claim that a PT contrast between *c and *č was preserved in the two PTG affricates and, possibly, with partial mergers only in the Jurunan and Munduruku branches. Early on, Rodrigues (2007: 172) states that the Proto-Tupian contrast would be supported by the two PTG affricates and by separate reflexes in Munduruku, though many of the claims contained in his table of correspondences are not borne out by the accompanying comparative datasets (thus exemplifying a problem of internal inconsistency or lack of rigor similar to Schleicher 1998). Since PT has no widespread accepted relative, reconstructing the contrast back to PT does not imply any split, PT being the *terminus a quo* for the reconstruction. Obviously, the reconstruction of the opposition between the two segments at the PT level implies the occurrence of an unknown number of independent mergers throughout the family, sparing only Pre-PTG. In view of the uncertainty in the internal classification of the family, noted above in relation to figures 3 and 4, the number of independent mergers required is impossible to estimate at this point.

Wrapping up the discussion on these alternatives, one crucial aspect that must be contemplated while evaluating the relative merits of each proposal in table 6 is that the further we progress to more inclusive levels (a-d), the greater the number of unknowns. This is obvious from the two competing classifications in figure 3 and 4, whose existence shows a great deal of uncertainty concerning the intermediate level subgroups of the family. This uncertainty, in turn, is at least in part due to the fact that the required reconstructive work is progressively less advanced and becomes inherently less trivial the further back we go in time. This is particularly troublesome for the evaluation of alternatives (c) and (d), since it is unclear which feature of PT could have conditioned the split that gave rise to two PMAG affricates (for option (c)), and it is unclear how many independent mergers are needed in case the opposition is reconstructed all the way back to PT (option (d)).²²

All alternatives other than (d) require at least one split to give rise to the reconstructed opposition between two affricates — and in every single case there is no evidence at our disposal so as to even suggest what the nature of this split could have been. Since a basic feature of the comparative method is that mergers are reconstructed by default, while splits require additional evidence (that is, the comparative method has a bias towards mergers; Fox 2000), one could jump to the conclusion that the contrast between the two affricates should be reconstructed all the way back to PT. This seems to be the reasoning in Rodrigues' Tupian work. And yet, this requires that every other single branch of the Tupian family has merged this contrast unconditionally — an assumption that carries a burden with itself: in the end we must have some way of comparing the relative probabilities of different scenarios. Before we do that, however, a proper reconstruction of PT must be available and, although significant advances have been made in the case of the vowel system (Nikulin & Carvalho, 2022), there is no published alternative to the orthodox Rodrigues 2007 proposal on the consonants.²³ Therefore, until this work has been completed, the present author feels that enough has been contributed

²² I am assuming that the occurrence of multiple unconditioned mergers is less probable than the occurrence of, say, only one or two such events.

²³ Nikulin & Carvalho (2022) do address some aspects of the PT consonantal system reconstructed by Rodrigues, most notably his appeal to contrasts involving proto-consonants with secondary articulatory features that conditioned separate reflexes in contextual vowels, but there is no complete reconstruction and argumentation offered for the entire PT consonantal inventory (see the Appendix 2 of Nikulin & Carvalho (2022: 38) for an overview of the consonantal correspondences involving PMAG and the other seven remaining branches of the Tupian family).

to the matter at hand by excluding the ‘messy dialectal borrowing’ scenario, concluding that two contrasting correspondences must be recognized and that further argumentation and reconstructive work is needed before their temporal depth can be ascertained. Nevertheless, and in what is an avowedly conservative position, *vis-à-vis* the state of current scholarship on Tupi-Guarani languages, I have assumed that the two contrastive correspondences do in fact support the reconstruction of two contrasting segments at the level of Proto-Tupi-Guarani (PTG).

6. Conclusion

This work has tried to discriminate between the regular diachronic developments for the two PTG affricates, **ts* and **tʃ*, and the effects of other, independent processes of change, many of which are language- or branch-specific and have produced a relatively complex pattern of correspondences that partially overlap with the reflexes of the affricates. The work has contributed, therefore, to settle an important open problem in TG historical phonology and to raise a number of other, more localized issues waiting to be tackled in a more rigorous manner in future studies.

It may be concluded that Schleicher’s (1998) case for the ‘chaotic’ nature of these patterns, and his conclusion that late dialectal borrowing in the Guaranian branch plus the reconstruction of a single PTG affricate offers the best explanation for the attested patterns, is unwarranted. As discussed at different places in the present paper, 20 of the 22 sets amassed in Schleicher 1998: 19 as evidence for multiplicity of correspondences, indicative of late dialectal borrowing, have one or more problems that make them either entirely irrelevant or at least suspicious as evidence for his claims: 8 sets do not involve a PTG affricate at all (110 **katu* ‘good’, 111 **káy* ‘burn’, 120 **kíti* ‘cut’, 152 **páβ* ‘all’, 163 **pirér* ‘skin’, 164 **pitán/mitán* ‘child’, 65 **-eʔim* ‘not’, 189 **tiŋ* ‘white’); 3 have missing comparanda (60 **čim* ‘smooth’, 61 **čiri* ‘run (water)’, 62 **čók* ‘pull off’); 2 include ghost forms (11 **?ičár* ‘canoe’, 53 **čám* ‘cord’); 1 has a problem of sampling (115, **kičé* ‘knife’); 2 display incorrect correspondences (56 **čéj* ‘wash’ 59 **čiβ* ‘rub’); 3 interact with independent or poorly understood phonetic developments (167 **pičaču* ‘new’, 63 **čuʔú* ‘bite’, 116 **čikiyé* ‘fear’) and 1 likely involves unsystematic morphological analysis (64 **čún* ‘black’). Table 6 displays, in a vertically aligned manner, the correspondences for the two PTG affricates in the set of languages examined, the correspondence for **ts-* in absolute word-initial position (represented here by the third person, class II prefix **ts-*) and the correspondence for the affricate(s) in palatal context, that is, marked by a preceding **i/*j*.

	<i>*ts</i>	<i>*ts-</i> ‘3’	<i>*tʃ</i>	<i>*iTS</i>
Avañe’ẽ	<i>h</i>	<i>h-</i>	<i>s</i>	<i>ʃ</i>
Old Guaraní	<i>h</i>	<i>h-</i>	<i>s</i>	<i>ʃ</i>
Mbyá	∅	<i>h-</i>	<i>ʃ</i>	<i>ʃ</i>
Old Tupi	<i>s</i>	<i>s-</i>	<i>s</i>	<i>ʃ</i>
Tocantins Asurini	<i>h</i>	<i>h</i>	<i>h</i>	<i>s</i>
Kayabí	∅	∅-	∅	∅

Table 6. Summary developments for the two PTG affricates.

In the two leftmost columns, PTG **ts* has two reflexes in Mbyá, probably due to two independent changes, since **ts > h* takes place generally but *h (< *ts)* was later lost in word-medial

position only. PTG *ʃf and *ʃs show different reflexes in the Guaranian branch (above the solid dark horizontal line in table 9) but have non-distinct (merged) reflexes in Northern/Amazonian languages. Distinct reflexes are found for the PTG affricates in the context of a preceding *i or *j, though in tautomorphic/medial contexts the identity of the affricate at the PTG level cannot be established. In cases of morpheme boundaries, further lexical reconstruction at the PTG level will be necessary before a clearer picture emerges.

For the proper evaluation of the final column where the palatalization reflexes are indicated, the reader should recall, as noted at the start of section 3, that, since the present contribution is concerned with phonological matters only, the issue of the phonetic interpretation of the two reconstructed segments has a secondary role. Here, too, I have opted to keep the traditional interpretation, noting, however, that the palatalization developments have implications which, once addressed, may force a revision of the reconstruction of *ʃs and *ʃf. In particular, the agnostic and purely formulaic representation of the palatalized proto-segment as *TS* is related in part to the difficult problem of deciding which phonetic segment could have yielded the attested reflexes while being simultaneously differentiated from the postalveolar affricate *ʃf. For the time being, we leave this as an open problem for a fuller approach to the reconstruction of PTG phonology, one of the concerns of ongoing investigations by the present author.

References

- Almeida, Antônio, Irmãzinhas de Jesus, Luiz G. de Paula. 1983. *A língua tapirapé*. Rio de Janeiro: Biblioteca Reprógráfrica Xerox.
- Anchieta, José de. 1595. *Arte de grammatica da lingoa mais usada na costa do brasil*. Coimbra: Antonio de Mariz.
- Betts, LaVera. 2012. *Kagwahiva dictionary*. Goiânia, Brasil: Summer Institute of Linguistics (SIL).
- Bybee, Joan, Shelece Easterday. 2019. Consonant strengthening: A cross-linguistic survey and articulatory proposal. *Linguistic Typology* 23 (2): 263–302.
- Cabral, Ana S. A. C. 1998. Prefixos relacionais no Asuriní do Tocantins. *Moara* 8: 7–24.
- Cabral, Ana S. A. C., Aryon D. Rodrigues. 2003. *Dicionário asurini do tocantins-português*. Belém: UFPA.
- Carvalho, Fernando O. de. 2022. A new sound change for Guarani(an): glottal prothesis, internal classification, and the explanation of synchronic irregularities. *Folia Linguistica Historica* (DOI: 10.1515/flin-2022–2026).
- Carvalho, Fernando O. de. Forthcoming, a. Proto-Tupi-Guarani did not have a palatalized velar stop. *Boletim do Museu Paraense Emilio Goeldi*.
- Carvalho, Fernando O. de. Forthcoming, b. *A Comparative Reconstruction of Proto-Tupi-Guarani Phonology* (provisional title). Topics in Phonological Diversity. Berlin: Language Science Press.
- Carvalho, Fernando O. de., Joshua Birchall. 2022. A comparative reconstruction of Proto-Tupi-Guarani kinship terminology. *LIAMES* 22: 1–49.
- Cerno, Leonardo. 2018. Variedad estándar y lengua común reduccional. Sobre el léxico del cuerpo humano y la medicina en la lexicografía jesuítica y en el ms. *Pohã Nãnanã* (1725). In: Franz Obermeier (ed.). *Jesuit Colonial Medicine in South America*: 129–154. Kiel: Christian-Albrechts-Universität zu Kiel.
- Chamorro, Graciela. 2014. Phrases Selectas: Un diccionario manuscrito Castellano-Guarani anónimo. *Corpus* 4 (2): 1–23.
- Combès, Isabelle. 2017. Etnohistoria, etnocidio, y etnogénesis en la frontera: La trayectoria de los Itatines. *Memoria Americana. Cuadernos de Etnohistoria* 25 (2): 11–28.
- De Canese, Natalia K. 1983. *Gramática de la lengua guarani*. Asunción: Colección Ñemity.
- Dietrich, Wolf. 1990. *More evidence for an internal classification of tupi-guarani languages*. Berlin: Gebr. Mann Verlag.
- Dietrich, Wolf. 2013. *A língua apapokúva-guarani registrada por nimuendajú*. *Tellus* 24: 77–98.
- Dobson, Rose M. 1973. Notas sobre substantivos do Kayabí. *Série Linguística* 1: 30–56.
- Dooley, Robert A. 1991. *Apontamentos preliminares sobre o Nãndéva Guarani contemporâneo*. Brasília: Summer Institute of Linguistics (SIL).
- Dooley, Robert A. 1998. *Léxico Guarani, dialeto Mbyá*. Porto Velho: Sociedade Internacional de Linguística (SIL).

- Edelweiss, Frederico. 1947. *Tupís e guaraní: estudos de etnonímia e linguística*. Salvador: Publicações do Museu da Bahia nº 7.
- Estigarribia, Bruno. 2020. *A Grammar of Paraguayan Guarani*. London: UCL.
- Figueira, Luis de. 1621. *Arte da Lingua Brasilica*. Lisboa: Manoel da Silva.
- Fox, Anthony. 2000. On simplicity in linguistic reconstruction. In: John C. Smith, Delia Bentley (eds.) *Historical Linguistics 1995*: 99–110. Amsterdam: John Benjamins.
- Gerardi, Fabricio F., Stanislav Reichert. 2021. The Tupi-Guarani language family: A phylogenetic classification. *Diachronica* 38 (2): 151–188.
- Grannier Rodrigues, Daniele. 1974. *Fonologia do Guarani Antigo*. MA Thesis. UNICAMP, Brazil.
- Gregores, Emma, Jorge Suárez. 1967. *A Description of Colloquial Guarani*. The Hague: Mouton.
- Guedes, Marymarcia. 1983. *Subsídios para uma análise fonológica do Mbyá*. MA Thesis. UNICAMP, Brazil.
- Hoeller, Alfred. 1932. *Diccionario guarayu-castellano*. Ascensión de Guarayus: COPNAG.
- Ivo, Ivana P. 2014. *Característica fonéticas e estatuto fonológico de fricativas e africadas no Guarani-Mbyá*. MA Thesis. UNICAMP, Brazil.
- Jensen, Cheryl. 1984. *O desenvolvimento histórico da língua Wayampi*. MA Thesis. UNICAMP, Brazil.
- Jensen, Cheryl. 1998. Comparative Tupí-Guaraní morphosyntax. In: D. Derbyshire, G. K. Pullum (eds.). *Handbook of Amazonian Languages, vol. 4*: 487–618. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Jensen, Cheryl. 1999. Tupí-Guaraní. In: R. M. W. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). *The Amazonian Languages*: 125–163. Cambridge University Press.
- Lemle, Miriam. 1971. Internal classification of the Tupi-Guarani linguistic family. In: David Bendor-Samuel (ed.). *Tupi studies I. Summer Institute of Linguistics Publications in Linguistics and Related Fields, vol. 29*: 107–129. Norman: Summer Institute of Linguistics of the University of Oklahoma.
- Meliá, Bartomeu. 1979. Breve introducción para aprender la lengua Guarani por el P. Alonso de Aragona. *Amerindia* 4: 23–61.
- Meliá, Bartomeu. 1983. La lengua Guarani del Paraguay. In: Bernard Pottier (ed.). *America Latina en sus Lenguas Indígenas*: 43–59. Madrid: Monte Avila Editores.
- Meira, Sérgio, Sebastian Drude. 2015. A summary reconstruction of Proto-Maweti-Guarani segmental phonology. *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi, Ciências Humanas* 10 (2): 275–296.
- Mello, Antônio Augusto Souza. 2000. *Estudo histórico da família lingüística tupí-guaraní: aspectos fonológicos e lexicais*. Doctoral dissertation. Universidade Federal de Santa Catarina (UFSC), Brazil.
- Michael, Lev, Natalia Chosou-Polydouri, Keith Bartolomei, Erin Donnelly, Vivian Wauters, Sérgio Meira, Zachary O'Hagan. 2015. A Bayesian phylogenetic classification of tupi-guarani. *LIAMES* 15 (2): 193–221.
- Montoya, Antonio Ruiz de. 1639. *Tesoro de la lengua guarani*. Madrid: Juan Sanchez.
- Montoya, Antonio Ruiz de. 1640. *Arte de la Lengua Guarani*. Madrid: Juan Sanchez.
- Mowrey, Richard, William Pagliuca. 1995. The reductive character of articulatory evolution. *Revista di Linguistica* 7(1): 37–124.
- Nikulin, Andrey, Fernando O. de Carvalho. 2022. A revised reconstruction of the Proto-Tupian vowel system. *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi v. 17, n. 2*: 1–38.
- Peralta, Anselmo J., Tomas Osuna. 1950. *Diccionario guarani-español y español-guarani*. Buenos Aires: Editorial Tupã.
- Ramirez, Henri, Valdir Vegini, Maria Cristina França. 2017. O Warázu do Guaporé (Tupi-Guarani). *LIAMES* 17 (2): 411–506.
- Restivo, Pablo. 1722 (1893). *Lexicon Hispano-Guaranicum*. Stuttgart: Wilhelm Kohlhammer.
- Rodrigues, Aryon D. 1984/1985. Relações internas na família tupí-guaraní. *Revista de Antropologia* 27/28: 33–53.
- Rodrigues, Aryon D., Wolf Dietrich. 1997. On the linguistic relationship between Mawé and Tupí-Guaraní. *Diachronica* 14 (2): 265–304.
- Schleicher, Charles O. 1998. *Comparative and internal reconstruction of the Tupi-Guarani language family*. Doctoral dissertation. University of Wisconsin.
- Taylor, John, Audrey Taylor. 2010. *Statement of Kaiowá Grammar from Clause to Morpheme Level (original edition of 1966)*. Summer Institute of Linguistics (SIL).
- VLB = Carlos Drumond (ed.). *Vocabulário na Língua Brasilica. 1952 edition in two volumes of the anonymous 16th century Old Tupi vocabulary*. Faculdade de Filosofia, Ciências e Letras, Universidade de São Paulo (USP), Boletim 137. São Paulo: Brazil.
- Weiss, Helga E. 2005. *Dicionário kayabi-português*. Summer Institute of Linguistics (SIL): Brasília.

Appendix: COMPARATIVE SETS

Orthographic conventions of the sources are retained in the comparative data below, with the following adjustments between source orthographies and IPA symbols: (1) for Old Guarani: <h> = *h*, <ç> = *ʃ*, <ch> = *ʃ*, <ĩ> = *i*, <ê> = *ê*, <y> = *j*; (2) for Old Tupi: <ç> = *ʃ*, <x> = *s*, <i>, <í>, <y> = *j*, <c> = *k*, <coV> = *kwV*; (3) for Kayabí and Tocantins Asurini <> = *?*, <y> = *i*. Sources for each comparandum are given in accordance to the following conventions: **Avañe'ê**: de Canese 1983 = C83, Peralta & Osuña 1950 = PO50; **Old Guarani**: Restivo 1722 = R22, Montoya 1639 = M39, Montoya 1640 = M40; **Mbyá Guarani**: Dooley 1998 = D98; **Tocantins Asurini**: Cabral 1998 = C98, Cabral & Rodrigues 2003 = CR03; **Kayabí**: Dobson 1973 = D73, Weiss 2005 = W05; **Old Tupi**: Anchieta 1595 = A95, *Vocabulário na Língua Brasileira* = VLB.

PTG	Avañe'ê	Old Guarani	Mbyá	Asurini	Kayabí	Old Tupi
* <i>ts-</i> '3.II'	<i>h-</i> (C83: 49,52)	< <i>h</i> -> (M40: 40-43)	<i>h-</i> (D98: xii)	<i>h-</i> (C98: 17)	∅- (D73)	ʃ- (A95: 12v-13)
* <i>tso</i> 'go'	<i>-ho</i> (C83: 151)	< <i>ho</i> > (M39: 165v)	<i>-o</i> (D98: lxxxiii)	<i>-ha</i> (CR03: 84)	<i>-o</i> (W05: 79)	<i>Açô</i> (VLB, I, 15)
* <i>watsēm</i> 'arrive'	<i>-wañhē</i> (C83: 155)	< <i>abañhē</i> > (R22: 368)	<i>-vaē</i> (D98: cxi)	<i>-wañém</i> (CR03: 249)	<i>-waem</i> (W05: 111)	<i>Aguacem</i> (VLB, I, 72)
* <i>tsikije</i> 'fear'	<i>-kijje</i> (C83: 161)	< <i>quññe</i> > (M39: 332v)	<i>-kyje</i> (D98: lxiv)	<i>-kysé</i> (CR03: 114)	<i>kye</i> (W05: 53)	<i>Açiquigüé</i> (VLB, II, 125)
* <i>pitsik</i> 'grab'	<i>-pihi</i> (C83: 169)	< <i>aypñhē</i> >, < <i>aypññe</i> > (R22: 520)	<i>-py</i> (D98: xcvi)	<i>-pyñjk</i> (CR03: 199)	<i>-pyyk</i> (W05: 97)	<i>Açpigeçc</i> (VLB, II, 13)
* <i>tsej</i> 'wash' ²⁴	<i>-johej</i> (C83: 159)	< <i>ayohēy</i> > (R22: 357)	<i>-ei</i> (D98: xxxi)	<i>-héj</i> (CR03: 85)	<i>-poei</i> (W05: 155)	<i>Ajocey</i> (VLB, II, 19)
* <i>jatsuk</i> 'bathe'	<i>-yahú</i> (PO50: 162)	< <i>ayahú</i> > (R22: 125)	<i>-jau</i> (D98: xlvi)	<i>-sahók</i> (CR03: 206)	<i>-jauk</i> (W05: 34)	<i>Ajaçuc</i> (VLB, II, 19)
* <i>jatsēto</i> 'yell'	<i>yahe'ó</i> (PO50: 330)	< <i>ayahēo</i> >, < <i>ayahēo</i> > (R22: 369)	<i>-jae'ó</i> (D98: xlvi)	<i>-sa'á</i> (CR03: 208)	<i>-joo'ó</i> (W05: 135)	<i>Ajaceô</i> (VLB, I, 73)
* <i>tsaitsup</i> 'love' ²⁵	<i>-hañhu</i> (C83: 156)	< <i>ahañhu</i> > (R22: 72)	<i>-ayvu</i> (D98: xxix)	–	–	<i>Açauçub</i> (VLB, I, 33)

²⁴ The root of this verb is **tsej* but cognates involve further material such as the allomorph *jo-* of the third person object marker (*jo-* being used with monosyllabic verb roots, *-j* with verb roots of two or more syllables), in the Old Guarani and Old Tupi comparanda, and the incorporated noun *-po* 'hand', in the Kayabí form.

²⁵ The meaning 'to love' is very tentative and based on the testimony of the classical languages. Note that reconstruction on the PTG level is made possible by the discovery of cognates among Northern or Amazonian TG languages, such as members of the Kagwahiva cluster: *-ayhuo* 'dream' (Betts 2012: 63).

PTG	Avañe'ê	Old Guarani	Mbyá	Asurini	Kayabí	Old Tupi
* <i>pi(ts)/ntsu</i> 'new' ²⁶	<i>piahu</i> (C83: 169)	<P <i>iahu</i> > (M39: 289)	<i>-pyau</i> (D98: xcvi)	–	<i>pyau</i> (W05: 93)	<i>Piçaçú</i> (VLB, II, 55)
* <i>potsij</i> 'heavy'	<i>poñij</i> (C83: 169)	<P <i>oñij</i> > (M39: 313)	<i>poyi</i> (D98: xciv)	<i>-poñój</i> (CR03: 192)	<i>-poyi</i> (W05: 92)	<i>Xepociy</i> (VLB, II, 75)
* <i>motsapit</i> 'three'	<i>mbohapi</i> (C83: 164)	<P <i>mbohapi</i> > (R22: 526)	<i>mboapy</i> (D98: lxx)	–	<i>muapyt</i> (W05: 73)	<i>Mocapir</i> (VLB, II, 136)
* <i>kwaratsi</i> 'sun'	<i>cuarahĩ</i> (PO50: 400)	<P <i>quaraçt</i> > ~ <P <i>quarahĩ</i> > (R22: 500)	<i>kuaray</i> (D98: lxi)	<i>kuarahĩ</i> (CR03: 116)	<i>kuaray</i> (W05: 55)	<i>Coaracig</i> (VLB, II, 120)
* <i>potsãij</i> 'medicine'	<i>poñã</i> (C83: 169)	<P <i>oñãng</i> > (M39: 312)	<i>poã</i> (D98: xcii)	<i>-poñãng</i> (CR03: 191)	<i>fuağ</i> (W05: 29)	<i>Moçanğa</i> (VLB, II, 37)
* <i>kwetse</i> 'yesterday'	<i>kwelhe</i> (C83: 161)	<P <i>kwelhe</i> > (M39: 103v)	<i>kwee</i> (D98: lxii)	<i>sekwelhe</i> (CR03: 216)	–	<i>Coece</i> (VLB, II, 57)
* <i>pitsare</i> 'night'	<i>pihare</i> (C83: 169)	<P <i>ihã.r</i> > (M39: 294)	<i>pyãcy</i> (D98: xcvi)	–	<i>pyãaje</i> (W05: 157)	<i>Pigçarê</i> (VLB, II, 50)
* <i>apĩfã</i> 'ear hole'	<i>apĩsã</i> (PO50: 353)	<P <i>apĩçã</i> > (R22: 407)	<i>-apĩxa</i> (D98: xxv)	<i>-apĩhã</i> (CR03: 48)	<i>-apĩya</i> (W05: 12)	<i>Apigçã</i> (VLB, II, 61)
* <i>piĩapê</i> 'toenail'	<i>piĩapê</i> (PO50: 416)	<P <i>ĩapê</i> > (R22: 531)	<i>pyxã</i> 'dedo do pé' (D98: cxlv)	–	<i>-pyãpe</i> (W05: 93)	<i>Migçapê</i> (VLB, II, 139)
* <i>aĩfi</i> 'pain'	<i>huasi</i> (C83: 156)	<P <i>aĩfi</i> > (M39: 16)	<i>-axy</i> (D98: xxxviii)	<i>-ahĩj</i> (CR03: 30)	<i>-ay</i> (W05: 19)	<i>Çaçĩç</i> (VLB, I, 105)
* <i>ĩĩfapi</i> 'dew'	<i>ĩsapĩ</i> (PO50: 390)	<P <i>ĩçapĩ</i> > (R22: 481)	<i>yxapy</i> (D98: cxxi)	–	<i>'yapy</i> (W05: 115)	<i>Yçapig</i> (VLB, II, 59)
* <i>taiãfũ</i> 'peccary'	<i>taiyasú</i> (PO50: 141)	<P <i>taiãfũ</i> > (M39: 353)	<i>taiãxu</i> (D98: clv)	<i>tasahóa</i> (CR03: 238)	<i>taiãu</i> (W05: 101)	<i>Taiãçú</i> (VLB, II, 82)
* <i>fũũu</i> 'bite'	<i>suũu</i> (C83: 173)	<P <i>ayçũũu</i> > (R22: 391)	<i>-xu'ũu</i> (D98: cxvi)	<i>-o'ó</i> (CR03: 168)	<i>-ũ'ũu</i> (W05: 110)	<i>Aixuu,</i> <i>çuuaguera</i> (VLB, II, 42)

²⁶ Although a form with two affricates has been reconstructed (e.g., in Mello 2000: 193), only Old Tupi provides evidence for an affricate at the onset of the medial syllable, which is, for this reason, included between parentheses in the corresponding etymon. External evidence from Awetí, a Tupian non-TG language, where we find *myiatu*, supports the conservative nature of the Old Tupi form, but leaves the loss of the medial **ts* in the other languages unexplained.

PTG	Avañe'ë	Old Guarani	Mbyá	Asurini	Kayabí	Old Tupi
*- <i>f</i> ĩrĩk 'flow'	<i>sĩrĩ</i> (PO50: 133)	<ocĩrĩ> (R22: 192)	- <i>xiry</i> (D98: clvi)	–	- <i>yryk</i> (W05: 119)	<i>Acigrĩc</i> (VLB, I, 82)
* <i>ts-af</i> ĩap 'pass'	<i>h̄asa</i> (C83: 156)	< <i>ahaça</i> > (R22: 420)	- <i>axa</i> (D98: xxviii)	- <i>ahap</i> (CR03: 30)	- <i>aap</i> (W05: 1)	<i>Açaçab</i> (VLB, II, 67)
* <i>ts-ef</i> ĩaraj 'forget'	<i>hesaraj</i> (C83: 156)	< <i>chereçaraj</i> > (R22: 409)	- <i>exarai</i> (D98: xxxviii)	- <i>chá</i> (CR03: 62)	–	<i>Xereçarai</i> (VLB, I, 127)
*- <i>f</i> ĩm 'leave'	<i>sẽ</i> (C83: 173)	< <i>acẽ</i> > (R22: 486)	- <i>xẽ</i> (D98: cxvi)	- <i>hẽm</i> (CR03: 85)	- <i>em</i> (W05: 22)	<i>Acem</i> (VLB, II, 111)
* <i>ts-af</i> ĩm 'cry'	<i>rasẽ</i> (C83: 170)	< <i>cheracẽ</i> > (R22: 369)	–	- <i>ahẽm</i> (CR03: 30)	- <i>waem</i> (W05: 111)	<i>Xeracem</i> (VLB, I, 150)
*- <i>f</i> ĩm 'slippery' ²⁷	<i>sĩj</i> (C83: 173)	< <i>yĩtĩcĩj</i> > (R22: 475)	–	–	- <i>ym</i> (W05: 117)	<i>Xecigm</i> (VLB, I, 123)
* <i>ts-ef</i> ĩa 'eye'	<i>r-esa</i> (C83: 171)	< <i>Teçã</i> > (M39: 369)	- <i>exa</i> (D98: xxxvii)	- <i>ehá</i> (CR03: 62)	- <i>ea</i> (W05: 19)	<i>Teçã</i> (VLB, II, 56)
*- <i>f</i> ĩ 'mother'	<i>sĩ</i> (C83: 173)	< <i>hecĩ</i> > (R22: 371)	- <i>xy</i> (D98: cxvi)	<i>hỹkẽ</i> (CR03: 87)	- <i>y</i> (W05: 115)	<i>Cig</i> (VLB, II, 28)
*- <i>af</i> ĩ- <i>pe</i> 'left hand'	<i>asupe</i> (C83: 153)	< <i>açũ</i> > (M39: 17)	- <i>axũ</i> (D98: xxxviii)	- <i>sahó</i> 'canhoto' (CR03: 206)	- <i>ajau</i> (W05: 157)	<i>Açũ</i> (VLB, II, 32)
*- <i>af</i> ĩ 'moon'	<i>iasĩ</i> (C83: 159)	< <i>yacĩ</i> > (R22: 366)	<i>jaxy</i> (D98: xlviiii)	<i>sahỹ</i> (CR03: 206)	<i>jay</i> (W05: 35)	<i>Jacig</i> (VLB, II, 25)
*- <i>wa</i> ĩũ 'big'	<i>ĩwasũ</i> (C83: 154)	< <i>Guaçũ</i> > (M39: 128)	- <i>guaxũ</i> (D98: xxxix)	–	–	<i>goaçũ</i> (A95: 13)
*- <i>i-T</i> Supẽ '3.DAT'	<i>fũpe</i> (C83: 154)	< <i>chũpẽ</i> > (M39: 406v)	<i>ixupẽ</i> (D98: xlvi)	- <i>opẽ</i> , - <i>sopẽ</i> (CR03: 169)	- <i>upe</i> (W05: 109)	<i>Ixupẽ</i> (F21: 74)
* <i>T</i> Se 1SG.PRO	<i>fe</i> (C83: 153)	< <i>Chẽ</i> > (M39: 119v)	<i>xee</i> (D98: cxvi)	<i>isẽ</i> (CR03: 92)	<i>je</i> (W05: 147)	<i>Yxe</i> (VLB, I, 131)
*- <i>aj</i> TSe 'aunt'	–	<i>yaichẽ</i> (M39: 187v)	- <i>jaixẽ</i> (D98: xlvi)	<i>sasẽ</i> (CR03: 210)	<i>jaje</i> (W05: 33)	<i>aixẽ</i> (VLB, II, 127)

²⁷ The Avañe'ë form in this set is not certainly cognate. Nasalization is compatible with the regular loss of PTG *-*m* in the language, but the final -*j* is unexplained.

PTG	Avañe'ê	Old Guarani	Mbyá	Asurini	Kayabí	Old Tupi
* <i>t-aj</i> TSo 'mother-in-law'	<i>taichó</i> (PO50: 403)	<i>taichó</i> (M39: 352v)	<i>-raixo</i> (D98: xix)	–	<i>-ojo</i> (W05: 79)	<i>taixo</i> (VLB, II, 120)
* <i>ʃān</i> 'rope'	<i>sā</i> (PO50: 253)	<çá> (R22: 200)	<i>xā</i> (D98: cxv)	<i>-hom</i> (CR03: 86)	<i>-ām</i> (W05: 7)	<i>Çâma</i> (VLB, I, 82)
* <i>kiʃe</i> 'knife'	<i>kise</i> (C83: 161)	<Quicé> (M39: 332)	<i>kyxe</i> (D98: lxv)	<i>kyhé</i> (CR03: 111)	<i>kye</i> (W05: 53)	<i>Quigcê</i> (VLB, I, 133)
* <i>-poi</i> TŠi 'angry' ²⁸	<i>pochi</i> (PO50: 280)	< <i>che-pochi</i> > (R22: 275)	<i>-poxy</i> (D98: xciv)	–	–	<i>aicó-poxi</i> (A95: 10v)

²⁸ The medial **-j-* preceding the consonant is reconstructed on the basis of external evidence from Mawé, a non-TG Tupian language that is closely related to PTG, where the cognate *pojji* 'dangerous' is attested (Rodrigues & Dietrich 1997: 273).

Фернанду де Карвалью. Реконструкция двух аффрикат в пратупи-гуарани согласно данным языков гуарани

В последнее время высказываются сомнения относительно необходимости «канонической» реконструкции двух аффрикатных сегментов на уровне пратупи-гуарани (ПТГ), основанные на якобы хаотичном отражении этих сегментов в языках-потомках. Согласно альтернативной гипотезе, ПТГ следует реконструировать с одной-единственной аффрикатой, а множественность рефлексов объяснять позднейшими междиалектными заимствованиями. В данной статье приводится детальный анализ этой точки зрения, которая в конечном итоге отвергается в связи с тем, что наблюдаемые соответствия на самом деле не так хаотичны, как может показаться на первый взгляд, и что данные как минимум по языкам ветви гуарани однозначно указывают на необходимость восстанавливать на ПТГ уровне две аффрикаты. Отдельные отклонения от регулярных рефлексов, наблюдаемые в некоторых языках гуарани (и в родственных языках семьи тупи-гуарани), легко объясняются как результат параллельных процессов, таких, как палатализация, междиалектные заимствования и спорадические или регулярные утраты сегментов в составе композитов.

Ключевые слова: тупи-гуарани языки; звуковые изменения; фонологическая реконструкция.

Статья В. М. Иллич-Свитыча «Картвельский вокализм в свете внешнего сравнения»: краткое предисловие

Текст представляет собой краткий вводный комментарий к ранее неопубликованной рукописи В. М. Иллич-Свитыча, посвященной вопросам реконструкции картвельского вокализма; предложена краткая оценка статьи с точки зрения достижений современной картвелистики.

Ключевые слова: пракартвельский язык; ностратическая гипотеза; реконструкция вокалических систем; фонологическая реконструкция.

Представленная ниже к печати и не датированная статья В. М. Иллич-Свитыча, несомненно, относится к 1964 г. — в ней упоминается доклад Гиви Мачавариани 1964 г., в котором кратко излагалась его реконструкция пракартвельских гласных и теория сонантов и аблаута в пракартвельском, но не монография Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани 1965 г. (Gamkrelidze, Machavariani 1965), в которой результаты Мачавариани были изложены полностью. Судя по тексту статьи, а также рецензии на монографию Гамкрелидзе и Мачавариани (Иллич-Свитыч 1966) и по таблице соответствий для картвельских гласных в «Опыте сравнения ностратических языков» (Иллич-Свитыч 1971: 156), Иллич-Свитыч разрабатывал свою версию реконструкции картвельских гласных, сонантов и аблаута и, возможно, увидел типологическую параллель между индоевропейским и картвельским праязыками независимо от Мачавариани. Работа Мачавариани по созданию сравнительно-исторической фонетики картвельской семьи должна была стать известна Иллич-Свитычу не позже 1960 г. (Мачавариани 1960), но исследователи, оба рано ушедшие из жизни, — Иллич-Свитыч в 31 год в 1966 г., Мачавариани в 40 лет в 1968 г. — по-видимому, не были лично знакомы.

В начале статьи обсуждается статус слогообразующих узких пракартвельских (ПК) гласных **u* и **i*, которые, согласно Мачавариани, как в праиндоевропейском, представляют собой позиционную реализацию фонем-сонантов **/j/* и **/w/* в позиции между согласными. Гамкрелидзе и Мачавариани под влиянием классической структуралистской фонологии стремились исключить для гласных и согласных аллофонов ПК сонантов **/j~i/*, **/u~w/*, **/r~r/*, **/l~l/*, **/m~m/* и **/n~n/* любые позиции различия — тогда считалось, что наличие даже одной-единственной позиции различия меняет свойства сегментных единиц, поскольку меняется вся структура. Поэтому все случаи противопоставления гласных и согласных вариантов сонантов в языках-потомках Гамкрелидзе и Мачавариани пришлось, нередко прибегая к натяжкам, объяснять парадигматическим выравниванием.

Иллич-Свитыч на это возражает, почти не аргументируя, что начальный глайд **j-* в позиции перед гласным можно считать отдельной фонемой и симметрии в позиционном распределении двух предполагаемых сонантов нет; полную аргументацию см. в Иллич-Свитыч 1966: 127. К замечанию Иллич-Свитыча можно добавить, что, по-видимому, слабая оппозиция была и между ПК **u* и **w*, которые различались в начале слова. Например, привативный префикс **u-* или префикс сравнительной степени **u-* ни в одном картвельском языке не реализуется как *w-* перед гласным (др.-груз. *u-eklo* ‘без колючек’,

а не **w-eklo, u-arejsi* ‘хуже’, а не **w-arejsi*; мегр. *u-uškure* ‘без яблок’, а не **v-uškure, u-epaši* ‘дешевле’, а не **v-epaši*; в сванском личный субъектный префикс 1 лица **xw-* и соответствующий ему префикс **w-* в грузинско-занских языках не имеют алломорфов **xu-* и **u-* перед начальным согласным, ср. сван. *ṭixwe* ‘возвращаю’ < {*xw-ṭixē*}, но не **xu-ṭixe*, как предсказывает теория Гамкрелидзе и Мачавариани, и т. п. (здесь и ниже все сванские примеры из верхнебальского диалекта).

После знакомства с Gamkrelidze, Machavariani 1965 Иллич-Свитыч изменил точку зрения на пракартвельские долгие гласные и не только признал убедительность их реконструкции, но и указал, что **ō* должно было выступать не исключительно в глаголе как ступень чередования, но и в целом ряде имен (Иллич-Свитыч 1966: 135); можно сравнить таблицу соответствий для гласных в статье и в Иллич-Свитыч 1971: 156, где реконструируются все три долгих коррелята для несонатических гласных *a, e* и *o*. Отражение пракартвельских долгих гласных в занских языках (мегрельском и лазском) удастся еще прояснить, если допустить вторичное удлинение занских **e* и **o* в открытом слоге (Тестелец 1991).

Предлагаемая Иллич-Свитычем реконструкция ПК глагольного аблаута на основе древнегрузинских и сванских парадигм (в занских языках это явление отсутствует), проецирует на ПК уровень ступень **i-* в 3 лице аориста. В свете того, что сегодня известно о морфологии сванских аблаутных глаголов, это скорее поздний умлаут $\partial > i$ при выпадении следующего гласного переднего ряда, ср. 2 л. {*ad-x-ṭx > ad-x-ṭəx*} > *a-ṭəx* ‘ты вернул’ и 3 л. {*ad-ṭx-e > ad-ṭəx-e*} > *a-ṭix* ‘он вернул’.

Более или менее надежно реконструируется только ПК аблаут с нулевой ступенью у переходных глаголов и ступенью *-e-* у соответствующих непереходных, ср. сван. *ṭix-e* < {*ṭəx-ē < ṭx-ē*} ‘возвращает’ vs. *ṭex-ni* < {*ṭex-enī*} ‘возвращается’; др.-груз. *dr-ek-* ‘сгибать’ — *der-ḳ-* ‘сгибаться’. Реконструкция ПК аблаута затрудняется тем, что сванско-грузинские параллели чисто структурные, и этимологически тождественные основы не принадлежат к общим морфологическим типам — в сванском почти все аблаутные глаголы обозначают действия и процессы прекращения, повреждения и уничтожения (*kwice* ‘режет’, *ḳwiše* ‘ломает’, *dige* ‘тушит’, *xipe* ‘рвет’, *šixe* ‘жжет’ и т. п.), что, по-видимому, является поздней семантической мотивацией словоизменительной парадигмы с последующим перераспределением основ по типам спряжения. В качестве параллели аористой ступени **i-* в грузинском можно было бы предположить ступень **ī-* аблаутных глаголов в сванском, которая выступает в перфекте переходных глаголов и в словообразовании (*u-dīg-a* ‘неугасимый’). Более убедительным, однако, выглядит предположение Иллич-Свитыча, что **i-* в грузинском отражает нулевую ступень дифтонга **ie* перед суффиксом, содержащим гласный (1966: 132).

Литература

- Иллич-Свитыч, В. М. 1966. Рецензия на Gamkrelidze, Machavariani 1965. *Вопросы языкознания* 4: 125–137.
- Иллич-Свитыч, В. М. 1971. *Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — ḳ)*. Москва: Наука.
- Мачавариани, Г. И. 1960. О трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в картвельских языках. В кн.: XXV *Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР*: 5–9. Москва: Изд-во восточной литературы.
- Тестелец, Я. Г. 1991. К реконструкции пракартвельского несонантического вокализма. В кн.: Р. В. Булатова, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев (ред.). *Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо»*. Тезисы докладов: 66–70. Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

Тестелец, Я. Г. 1991. К реконструкции пракартвельского несонантического вокализма. В кн.: Р. В. Булатова, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев (ред.). *Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо»*. Тезисы докладов: 66–70. Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

References

- Gamkrelidze, Tamaz, Givi Machavariani. 1965. *Sonanṭa sistema da ablauṭi kartvelur enebši. saerto-kartveluri sṭruṭuris ṭipologia*. Tbilisi: Mecniereba.
- Illich-Svitych, V. M. 1966. Review of: Gamkrelidze, Machavariani 1965. *Voprosy jazykoznanija* 4: 125–137.
- Illich-Svitych, V. M. 1971. *Opyt sravnenija nostraticheskix jazykov. Vvedeniye. Sravnitel'nyj slovar' (b — Ḳ)*. Moscow: Nauka.
- Machavariani, G. I. 1960. О тр'ох r'adax sibil'antnyx spirantov i affrikat v kartvel'skix jazykax. In: *XXV Mezhdunarodnyj kongress vostokovedov. Doklady delegacii SSSR*: 5–9. Moscow: Vostochnaja literatura.
- Testelecs, Ja. G. 1991. К реконструкции пракартвельского несонантического вокализма. In: Р. В. Булатова, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев (eds.). *Konferencija «Slavistika. Indoeuropeistika. Nostratika. K 60-letiju so dn'a rozhdenija V. A. Dybo»*. *Tezisy dokladov*: 66–70. Moscow: Institut slav'novedenija i balkanistiki AN SSSR.

Yakov Testelecs. V. M. Illich-Svitych's paper on "Kartvelian vocalism in light of external comparison": a brief preface

A brief introductory commentary is given here to a formerly unpublished paper by Vladislav M. Illich-Svitych, dealing with issues of reconstruction of Proto-Kartvelian vocalism; the author adds a short evaluation of the paper in light of contemporary views on the issue in Kartvelian historical linguistics.

Keywords: Proto-Kartvelian language; Nostratic hypothesis; reconstruction of vocalic systems; phonological reconstruction.

Картвельский вокализм в свете внешнего сравнения

Публикуемый впервые текст из архива выдающегося советского лингвиста, основателя школы ностратического языкознания В. М. Иллич-Свитыча (1934–1966) посвящен вопросам реконструкции общекартвельской системы гласных (включая морфологически значимые чередования гласных внутри глагольных основ) и установлению регулярных соответствий между ее элементами и гласными в родственных основах в т.н. «восточноностратических» языках. Хотя в целом статья представляет собой скорее исторический интерес, поскольку в более поздних работах автора представлена несколько уточненная картина перечисленных соответствий, максимально подробный разбор подкрепляющего точку зрения автора сравнительного материала придает ей дополнительную значимость.

Ключевые слова: пракартвельский язык; ностратическая гипотеза; реконструкция вокалических систем; фонологическая реконструкция.

Для картвельского языка-основы восстанавливается система из 5 гласных: *a, *e, *o, *i, *u (таблица 1). На протокартвельском уровне гласный *u, вероятно, следует рассматривать как слогаобразующий аллофон сонанта *w (в позиции между согласными)¹.

	др.-грузинский	мегрельский	чанский	сванский
*a	a	o, u	o, u	a, ä
*e	e	a	a	e
*we	we	we, wa	we, wa	we
*o	o	u, i, ə	u, i	o, ö, we
*u	u	u	u, i	u, ü, wi
*i	i	i	i	i

Таблица 1. Рефлексация гласных по языкам

¹ Ср. Мачавариани 1964: 1. В древнегрузинском, повидимому, *u* следует рассматривать уже как самостоятельную фонему, поскольку в позиции между согласными возможен *w*, проникший сюда по аналогии, ср. *leḡwtan//leḡwi* при *guli*. Аналогичная система создана в сванском, где *w* стал возможен в позиции между согласными в слогах, подвергшихся редукции (частично введен также по аналогии), а *u* представлен в этой позиции в нередуцированных слогах. Отношение гласного *i и сонанта *j нельзя считать аналогичным отношению *u и *w, как полагает Г. И. Мачавариани (там же). Здесь крайне редкий в картвельском сонант *j, выступающий лишь в начальной позиции перед гласным, следует, повидимому, считать самостоятельной фонемой, или (если считать древнее чередование *j~i* в случае сванского *ja* вопросительное местоимение, Gen. *iša*) неслоговым аллофоном гласной фонемы *i, выступающей параллельно с другими гласными фонемами в морфологических чередованиях. Едва ли оправдано восстановление для картвельского соответствующих долгих гласных фонем, как это делает Г. И. Мачавариани. Сванские долготы, на которые опираются такие реконструкции, в подавляющем большинстве случаев оказываются комбинаторного происхождения (удлинение в результате утраты согласных в сванском) — см. Климов 1964: 20–28. Нельзя признать удавшимися попытки найти остающиеся необъясненными сванские долготные соответствия в других картвельских языках — в тембре гласного (Polák 1955: 80–81) или в его качестве (отсутствие редукции в грузинском — Vogt 1938: 326; Oniani 1962: 225–226).

Для картвельского, вероятно, было характерно несущее морфологическую функцию чередование вокализма в глагольных корнях (аблаут). На такое состояние указывают сопоставимые, но не идентичные факты чередования в сванском и древнегрузинском.

В сванском определенная часть непроеизводных глаголов (2-й класс по классификации В. Т. Топуриа)² выражает чередование гласных корня противопоставлением по переходности — непереходности и противопоставлением времен презентной серии — временам аористной серии. Первоначальное сванское состояние может быть реконструировано для этих глаголов так: переходный глагол, аористная серия — вокализм *i*: сван. лашх. *a-ṭix* < **ad-ṭix* ‘он возвратил’; переходный глагол, презентная серия — вокализм *ø* > сван. *ə*: сван. лашх. *ṭax-e* < **ṭx-e* ‘возвращает’, непереходный (мед.-пасс.) глагол аористная и презентная серия — вокализм *-e*- Аор. сван. н.-бал. 2 sg. *aṭex* < **ad-x-ṭex* ‘он возвратился’ (в 3 л. sg. по-видимому вторичный вокализм *-a*-³), Pres. сван. лашх. *ṭex-ni* < **ṭex-en-i* ‘он возвращается’⁴.

В древнегрузинском отмечается ряд случаев реликтового чередования *a* : *e*, причем вокализм *-a*- характеризует презентную серию непереходных глаголов (глаголы состояния), а вокализм *-e*- соответствующую аористную серию: Pres. *v-sav* ‘я бодрствую’ — Аор. *v-sev* ‘я бодрствовал’. В одном случае аорист соответствующих переходных глаголов обнаруживает вокализм *-i*-: Аор. *v-i-č̣in-e* ‘я показал’ ~ непереходный презенс *č̣an-s* ‘показывается’. В другой группе глаголов со структурой корня CVCC чередование⁵ принимает более сложный вид: здесь огласовка CeCC характеризует аорист непереходных глаголов (*v-derḳ* ‘я наклонился’, ср. *v-sev*), огласовка CSeC — презенс переходных глаголов (*vdreḳ* ‘нагибаю’) и огласовка CSiC — аорист переходных глаголов (*v-driḳe* ‘я нагнул’, ср. *v-i-č̣in-e*)⁶. При присоединении к глагольному корню формантов, начинающихся с гласного, в грузинском выступает нулевая ступень огласовки (*v-drḳ-eb-i* ‘я наклоняюсь’), не являющаяся собственно морфологической.

На основании этих данных для пракартвельского можно предполагать существование в глаголе морфологических чередований гласных **i* : *e* : *a* (: *ø*). Случаи спорадических чередований вокализма вне описанной выше категории в грузинском и сванском указывают, по-видимому, на то, что чередования первоначально не были ограничены упомянутыми глагольными классами.

Вероятная функциональная нагрузка чередований гласных в глаголе такова (таблица 2):

Непроеизводные имена и местоимения представляют на протокартвельском уровне стабильный вокализм. Именно для этих основ с постоянной огласовкой, обнаруживаем регулярные соответствия в вокализме восточно-ностратических языков.

² См. Topuria 1931: 41.

³ Возможно влияние утраченного показателя 3 л. **a*, ср. Deeters 1930: 200.

⁴ Предлагаемая реконструкция сванского состояния исходит из анализа соответствующих форм в работах В. Т. Топуриа (Topuria 1931: 41, 145–165) и Г. Деетерса (Deeters 1930: 48–49, 111, 200). Нулевой вокализм в презенсе переходных глаголов восстанавливается на основании показаний лашхских форм, представляющих (*ə*); вокализм *i*, обнаруженный в других диалектах (*ṭixe* и т.п.), непервоначален, т.к. при редукции этого *i* не отмечен умлаут предшествующего гласного Topuria 1931: 155): *i* здесь вероятно является результатом умлаута сван. *ə*, (ср. Mach'avariani 1963: 145–149). В аористе переходных глаголов, напротив, мы считаем первичным *i*, сохранившийся в форме 3 л., где (первоначально второй от конца слог оказывался ударным (ср. сохранение долгого гласного в этой же позиции, см. Topuria 1931: 153–154), в отличие от форм 1–2 л., где в конечном слоге *i* редуцируется: 2 sg. **adxṭix* > *aṭx* > *aṭax*, но 3 sg. **adṭixe* > *aṭix*, ср. **adxlāš* > *alāš*, но **adlāše* > *alāš*.

⁵ Ср. Deeters 1930: 117–118.

⁶ [В рукописи в этом месте проставлена сноска, оставшаяся пустой].

	древнегрузинский	сванский
*i Аорист переходных глаголов	<i>v-i-č'in-e</i> 'я показал' <i>v-driḳ-e</i> 'я нагнул' <i>v-cwit</i>	<i>aḫix</i> 'он возвратил'
*e Презенс переходных глаголов	<i>vdreḳ</i> 'я наклоняю' <i>vcwet</i> <i>vcev</i> 'я бодрствовал'	<i>ḫəxə < ḫxə < *ḫexə</i> с редукцией при присоединении гласного
*e Аорист непереходных глаголов	<i>vderḳ</i> 'я наклонился' <i>vcwet</i>	<i>aḫex</i> 'он возвратился'
*a Презенс непереходных глаголов	<i>vcav</i> 'я бодрствую'	Заменен формой <i>ḫexni < ḫexeni</i> (под влиянием аориста <i>ḫex?</i>)
*∅ Фонетическая редукция гласных при присоединении аффикса, начинающегося с гласного	<i>vdrḳebi</i> 'я наклоняюсь'	<i>ḫxə < *ḫexə</i> 'я возвращаю'

Таблица 2. Чередования гласных в глаголе

1. Восточно-ностратический *a ~ картвельский *a.

(1) картв. **marçqw-* 'земляника' (др.-груз. *marçqw-*, сван. *başqi-*) ~ урал. **marja* 'ягода' (фин. *marja*, саам. *mior'je*, морд. *mar* 'яблоко', (в словосложениях) 'ягода');

(2) картв. **қаҫ₁-* 'человек, мужчина' (груз. *қаҫ-*, чан. *қоҫ-*) ~ урал. **kajčl* 'молодой мужчина' (мар. вост. *kačə*, запад. *käčə*, венг. *hős* 'жених, ухажор', ненец. *xāsaḡwā* 'человек, мужчина');

(3) картв. **lām-* 'ил, сырость' (груз. *lam-*, ср. отым. *lam-* 'омочить, проливать слезы') ~ алт. **lāmi* 'болото, море', урал. **lāmpre-* 'болото, водоем', драв. **naml-* 'влажный';

(4) картв. **aze* 'куст' (груз. лечхум. *aze < сван. *ažə*) ~ алт. **ača* 'ветка, развилка' (монг. *ača*, кирг. *ača*);

(5) картв. *karba* 'живот' (чан. *korba*, мегр. *kora*, *kvara < *korba*) ~ алт. */k/arbл 'брюхо, подкожный жир', драв. **karл* 'внутренности';

(6) картв. **қарқар-* (редупликация) 'утес' (груз. *қарқар-*, *қарқарован*) ~ драв. **karai-* 'берег, край';

(7) картв. **tal-* 'кремень' (груз. *ḫal-* 'кремень', мегр. *ḫor-* > осет. *dor* 'камень') ~ алт. *t'al'a* 'камень' (монг. *čilagin*, тур. *taş*, туркм. *dāš*);

(8) картв. **mqar-* 'плечо, рука', вероятно < **maqr-* (др.-груз. *mqar-*, сван. *meqar-* 'рука (до локтя)') ~ алт. *ḫālā* 'рука' (эвенк. *ḫālā*, нан. *ḫala*);

(9) картв. **қалмах(w)-* (возможно, первоначально сложение с неясной 2-ой частью **-махw*) 'рыба' (сван. н.-бал. *қалмахw*, в.-бал., лашх., лент. *қалмах*) ~ урал. **kala* 'рыба' (фин. *kala*, морд. *kal*, венг. *hal*);

(10) картв. **zal(a)* 'тной' (груз. *zala*, *çala*) ~ алт. **žaly-* 'слюна', драв. **ca!* 'сопли';

(11) картв. **cal(a)* 'ровное место' (груз. н.-имер. *çala* 'низменность, ровное место', хевсур. *çala* 'подножие горы, место, расположенное по течению реки') ~ алт. **čala-* 'широкий, просторный' (монг. *čalaji-* 'расстилаться', якут. *čāl* 'большой');

(12) картв. **māre* 'человек, мужчина' (сван. *māre*) ~ драв. **maṛi* 'детеныш животного, ребенок' (тамил. *maṛi* 'детеныш овцы, козы, оленя', брахуи *mār* 'сын');

(13) картв. **da* 'и' союз (груз. *da*, чан. *do*) ~ алт. **dā* 'и, также' (эвенк. *da*, нан. *da*).

В следующих случаях можно предположить изменение вокализма под влиянием предшествующего согласного, утраченного в картвельском *i*:

(14) карт. **непа-/ена-/ина-* 'язык' (груз. *ena-*, чан. *непе-*, мегр. *pine*, сван. *nin-*) при урал. *ḫaṅkčl* 'язык' (лап. *nj'uk'čama-*, ост. *n'ahšem*).

В глагольных основах в соответствии с вокализмом *-а- восточноностратических языков в картвельском представлено морфологическое чередование гласных, ср., например:

(15) картв. **per-/pr-* ‘летать’ (сван. лашх. презенс *per-*, *per-* ‘птица’) ~ алт. **pār-* ‘парить’, драв. **pār-/par-l-* ‘летать’;

(16) картв. **cel-/cl-/cil-* ‘резать, рвать’ (груз. *cel-* ‘косить’, чан. *cal-* ‘ид’, сван. *cil-*, Аог. *cl-* ‘рвать, разрывать’) ~ урал. **śala* ‘резать’, алт. *čali-* ‘острие’, драв. **cal-l-* ‘разрывать, расщеплять’;

(17) картв. **ḳāp-/ḳep-/ḳp-* ‘резать, рубить’ (груз. *ḳap-/ḳep-* ‘рубить’, чан. *ḳap-/ḳep-* ‘рвать, драть’, сван. лашх. *ḳāp-* ‘резать, сечь’, *ḳp-ən-* ‘ид’) ~ драв. *ḳapp* ‘рыть, отверстие’ (каннада *ḳarri* ‘копать’, телугу *kāvu* ‘дыра’);

(18) картв. **tar-/ter-/tr-/tir-* ‘тащить’ (груз. *ter-/tr-*, хевсур. *tar-*, чан. *tir-/tor-*, сван. *tir-/tor-*) ~ алт. **tal’u* ‘тащить, переносить’ (туркм. *daşy*, тув. *dažy*).

2. Восточноностратический *ä ~ картвельский *a, *e.

(19) картв. **kal-* ‘женщина’ (груз. *kal-*) ~ алт. **kālin* ‘свояченица, свояк’, урал. **kālew* ‘свояченица’, драв. **kal-l* ‘родственница’;

(20) картв. **ara-* отрицательно-запретительная частица (груз. *ara*) ~ урал. **älä* запрети- тельная частица, драв. **al(l)* отрицательный глагол;

(21) картв. **qal-/qel-* ‘рука’ (сван. *qal* ‘длина руки’, др.-груз. *qel-*, мегр. *xe*, умлаут pl. *xel-ere*) ~ алт. **äl* ‘рука’ (азерб. *äl-*, туркм. *el-*, чуваш. *alâ-*);

(22) картв. *mena-* ‘жилище’ (груз. *mena-*) ~ алт. *m/ā/nā-* ‘жить оседло’, драв. **mañ* ‘сто- ять на месте, проживать’;

(23) картв. **cera-* ‘бесплодная, грубая земля’ (чан. *cara-*) ~ урал. **čärä-* ‘твердый, шеро- ховатый’, драв. **car-l* ‘твердый, шероховатый’;

(24) картв. *mena* ‘я’⁷.

В глагольных основах в соответствии с вокализмом *ä восточно-ностратических языков в картвельском представлено морфологическое чередование гласных, ср.:

(25) картв. **ḳar-/ḳer-/ḳir-/ḳr-* ‘связывать’ (груз. *ḳar* (Аог.), *ḳr-av* (Pres.) ‘связывать’, *ḳer-* ‘шить’, чан. *ḳor-*, мегр. *ḳir-* ‘связывать’, сван. *čar-/čr-* ‘связывать’) ~ алт. **k/ä/rä-* ‘связывать’, урал. **kärl* ‘связывать’;

(26) картв. **ḫeb-/ḫib-/ḫb-* ‘греть(ся)’ (др.-груз. *-ḫep* (Аог. intr.), *ḫp-oba* (Pres. intr.), чан. *ḫub-*, мегр. *ḫib-* ‘греться’, сван. *ḫeb-di* ‘теплый’, *ḫb-id-* ‘греть’) ~ алт. **t/ä/bl-* ‘быть теплым’ (сев.- кор. *ḫeb-*, кор. *ḫep-*).

3. восточно-ностратический *e ~ картвельский *e, *i.

(27) картв. **e-* указательное местоимение (груз. *e-*, мегр. *e-*, сван. *e-*) ~ урал. **e-* указатель- ное местоимение, алт. **e-* указательное местоимение, драв. **e-* указательное местоимение;

(28) картв. **er-* ‘народ’ (др.-груз. *er-* ‘народ, войско’) ~ алт. **el* ‘народ, страна’, урал. **elä-* ‘жить’;

(29) картв. **berq-* ‘нога, ступня’ (др.-груз. *perq-* ‘нога’, мегр. *o-bax-e* ‘место для ноги’; не- яснен вокализм *а в сван.: *bārq*, *bāq* ‘шаг’; вторичное отыменное образование *nabarq-* ‘след’) ~ урал. **pel’kä* ‘нога, ступня’ (морд. *pil’ge*, манс. *konga poäl’kant* ‘ложное копыто’);

(30) картв. **ker-*, *kerk-* ‘кора’ (груз. *kerečan-* ‘сосновая кора’, *kerk-* ‘кора, кожа’, *kerkli* ‘чешуя, перхоть’) ~ алт. **k’er-l-* ‘кора’, урал. **kere* ‘кора’;

(31) картв. **ked-* ‘затылок’ (груз. *ked-*) ~ алт. **gedä* ‘задняя часть, затылок’ (хорезм. тюрк. *kedin* ‘назад’ < *ged-*, монг. *gede* ‘затылок’, нан. *gädämuk* ‘затылок’);

⁷ [Остальная часть абзаца в рукописи отсутствует].

(32) картв. **pina* ‘самка, маленькая собака’ (груз. *pina* ‘малорослая собака’, чан. *pina* ‘самка’) ~ урал. **penä* ‘собака’, драв. **pep* ‘самка’;

(33) картв. **pir-* ‘край’ (др.-груз. *pir* ‘рот, лицо, край’, мегр. *piṣ* то же) ~ алт. **perä-* ‘задняя оконечность’, урал. **perä-* ‘задний край’, драв. **pir-l-* ‘задний край’.

В глагольных основах представлено морфологизированное чередование гласных, ср.:

(34) картв. **kel-/kal-/kl-* ‘недоставать, нехватать’ (груз. *kel-/kl-*, хевсур. *kal-*, мегр. *kor-* ‘нуждаться, желать’) ~ урал. **kelke-* ‘нуждаться’ (саам. *gâl'gâ-* ‘долженствовать’, венг. *kelle-* ‘быть необходимым’);

(35) картв. **tel-/tl-* ‘тесать, строгать’ (др.-груз. *tal-/tl-*, мегр. *tol-*) ~ алт. **tel-* ‘расщеплять, прокалывать’ (азерб. *deš-* ‘дырявить’, монг. *delberkei* ‘расколотый’ эвенк. *dälkä-* ‘разделять’).

4. восточно-ностратический **i* ~ картвельский **i*, \emptyset .

(36) картв. **i-*, указательное местоимение, ‘тот’ (груз. *i-*, мегр. *i-*, сван. *i-*) ~ алт. **i-* указательное местоимение, драв. **i-* указательное местоимение, ‘этот’;

(37) картв. **si-* ‘ты’ (чан. *si(n)*, сван. *si-*) ~ алт. **si-* ‘ты’ (эвенк. *si*, косв. *sin*, маньч. *si*, косв. *sin-*, др.-уйг. Кашг. *sīn*, в тюрк. **sän* изменение вокализма под влиянием **bän* < **män-*);

(38) картв. **mi(n)* ‘кто’ (мегр. *mi(n)*, чан. *min*) ~ урал. **mi* ‘что’;

(39) картв. **bič-* ‘ребенок’ (груз. *bič* ‘мальчик, парень’, чан. *biš-* ‘ребенок’) ~ алт. **biči-* ‘маленький’, драв. **pīc* ‘маленький’;

(40) картв. **lip-* ‘скользящий’ (груз. *lip-* ‘скользящий, гладкий, гололедица’, ср. отыменной глагол *lip-* ‘делать гладким, прилипать’) ~ алт. **lypa* ‘липкий’ (эвенк. *lipa-* ‘облизывать’; маньч. *lifa-* ‘увязать в грязи’, монг. *niya* ‘прилипать’);

(41) картв. *lia-* ‘топь, грязь’ (груз. *lia*) ~ урал. **līwa* ‘грязь’ (фин. *liiva*, хант. сев. *lōwi*);

(42) картв. **zitx-* ‘грязь’ (груз. *zitx*) ~ урал. **sittä* ‘грязь’ (фин. *sitta*, коми *sit*, нганасан. *tida-*);

(43) картв. **dila* ‘утро’ (груз. *dila*) ~ алт. **dil(a)* ‘солнце’ (эвенк. *dilačā* ‘солнце’, туркм. *jyl*, якут. *syl* ‘год’);

(44) картв. **kva* ‘камень’ (др.-груз. *kva*, чан. *kwa-*) ~ урал. **kiwe* ‘камень’ (фин. *kivi*, морд. эрз. *kev*, коми *iz-ki* ‘жернов’);

(45) картв. **pula* (вероятно < **plwa*) ‘облако, пар’ (мегр. *pula* ‘пар’, чан. *pula* ‘облако’) ~ урал. **pilwe* ‘облако’, алт. **pilu/pylu* ‘облако’;

(46) картв. **pxa* или **pqa* ‘острие’ (груз. *pxa* ‘рыбья кость, ость злака’, сван. *pxa* ‘рыбья кость, игла’) ~ урал. **piyl-* ‘кремень, камень’, алт. **pī* ‘точить, острие’.

В глагольных основах представлены морфологические чередования в корне.

(47) картв. **bič-/beč-/bč-* ‘разламывать, крошить’ (груз. *bič*, сван. *bičkw-* (aor. trans.) *bečkw-* (Intr.) / *bčkw-*) ~ драв. **pīc-l-* ‘размалывать, ломать, раздавливать’ (тамил. *pīcai*, каннада *pisuku* ‘месить, жать’, парджи *pīc* ‘молоть, размалывать’);

(48) картв. **zirt-/zert-* ‘скользить’ (мегр. *zirt-*, сван. *zert-*) ~ алт. **žyly-* ‘ползти, скользить, тащиться’ (монг. *žilu* ‘удаляться, тащиться прочь’, *žilga* ‘скользящий’, кирг. *žyl-* ‘ползти’, якут. *syl* ‘ходить на лыжах, ползти’);

(49) картв. **čarx-/črx-* ‘капать’ (сван. *čarx* ‘капля’, *črx-* ‘капать’) ~ урал. **čipra* ‘капля’, алт. **čip* ‘капля’;

(50) картв. **sar-/sr-* ‘скользить, крутиться’ (чан. *sur-* < **šar-* ‘крутиться’, груз. *srial* ‘скользить’, мегр. *rs-iol* ‘крутиться’) ~ урал. *lš/ilä* ‘гладкий’ (фин. *sileä*, селькуп. *šeläl*);

(51) картв. **bir-/bar-* ‘петь, кричать’ (мегр. *bir* ‘петь’, чан. *bir*, груз. хевсур. *bar-* ‘позвать, крикнуть’; в сван. представлена вторичная нулевая ступень *br-jal-* ‘петь’) ~ драв. **pił-l-* ‘реветь, кричать’ (тамил. *piłiru*, телугу *piluci* ‘звать’, куи *pri*).

5. восточно-ностратический *o ~ картвельский *o (?), *we.

(52) картв. **ḡonk-* ‘впадина’ (груз. *ḡonk-* ‘свод, таз’, *ḡonkut-* ‘раковина’) ~ алт. **kōŋl-* ‘углубление, подмышка’ (орок. *xāŋgājā* ‘подмышка’, эвенк. *oŋonī, āŋānī*, монг. *kōŋke-ji-* ‘быть выдолбленным, полым’);

(53) (?) картв. **hoḡer-* ‘оконечность, конец’ (сван. в.-бал. *foḡer*, н.-бал. *hoḡer*, лент. *voḡer*) ~ алт. **oqu* ‘острие, верхняя точка’ (монг. *oki*, туркм. *oq*, др.-тюрк. *oq* ‘стрела’);

(54) картв. **ḡwer-* ‘круглый’ (груз. *ḡwer* ‘круглая лепешка, круг сыра, сахара’, мегр. *ḡwar-* ‘колобок, лепешка’) ~ алт. **qol’l-* ‘вертеть(ся)’, урал. **kol’a* ‘круг’;

(55) картв. **mṭwe/r/-* ‘пыль’ (др.-груз. *mṭwer-*, чан. *mṭwer*) ~ алт. **tor’l* ‘пыль’ (монг. *toro*, туркм. *tozan*, др.-уйг. Кашг. *tōz*);

(56) картв. **bywer-* ‘пыль’ (груз. легхум. *byweri-* < сван. **bywer-*, ср. сван. *birɣw* ‘пыль’ с метатезой **bwyr-*) ~ алт. **bōr* ‘пыль’, урал. **porl* ‘пепел, пыль’;

(57) картв. **qwere-* ‘слепой’ (мегр. *’were*) ~ алт. **k’ōr* ‘слепой’ (туркм. *kor*, тур. *kör*).

Исходную рефлексацию *we в картвельском можно предполагать также в следующих двух случаях:

(58) картв. **mwer-* ‘озеро, влажное место’ > зан. **mer-* с упрощением необычного сочетания (мегр. *tere* > груз. зап. (гурийск.) *tere* ‘низменное плодородное пахотное место’, исходное **tere* дало бы зан. **mare*) ~ алт. **mōrā* ‘река, море, вода’ (ср. монг. *mōren* ‘река, море’, др.-кор. *mul, mij* ‘вода’);

(59) картв. **leḡw-* ‘щенок, детеныш хищника’ (др.-груз. *leḡw-*, мегр. *laḡv-*), вероятно, метатеза необычного **lweḡ-* ~ алт. **lok/luka* ‘рысь, песец, собака’, урал. **lo/kk/a* ‘лиса, куница’, драв. **nakk* ‘шакал’.

В глагольных основах, по-видимому, было представлено морфологическое чередование гласного с предшествующим сонантом *w*: на такое состояние указывают случаи с различной огласовкой глагольных основ.

(60) картв. **qwip-* ‘сдирать кору’ (сван. *qwip-*) ~ алт. **k’obl-* ‘кора, сдирать кору’, урал. **kora* ‘кора’;

(61) картв. **qwil-* ‘убивать’ (чан. *qwil-*, мегр. *’wil-*) ~ урал. *kōle* ‘умирать’, драв. **kol* ‘убивать’;

(62) картв. **ḡwesit-/ḡusit-* ‘сечь, резать’ (груз. *ḡwet-/ḡut-*, чан. *ḡwat-*, сван. *ḡwešd-/ḡwšd-*) ~ драв. **kott* ‘рубить, резать’ (тамил. *kottu-* ‘выкапывать, клевать, кусать’, курух *ḡhot-* ‘рубить, наносить рану’);

(63) картв. **ḡur-* ‘цедить, выжимать’ (груз. *ḡur-*, мегр. *ḡur-*, сван. *nḡur-*) ~ драв. **cōr-* ‘капать, просачиваться’ (тамил. *cōr* ‘капать’, тулу *sōru* ‘просачиваться’, парджи *cōrp-/cōrt-* ‘отцеживать’);

(64) картв. **zwey-/zwy-* (> *zeɣw-/zɣw-*) ‘вести, предшествовать’ (груз. хевсур. *zwey, z-zɣwa*, Аог., др.-груз. *zeɣw, -zɣwa*, сван. *ḡwey*, лашх. *ḡoɣw*) ~ алт. **žō-//*žū-* ‘везти, перетаскивать’ (ср.-монг. *žō’e-* ‘перевозить’, эвенк. *zigū-* ‘ид’//монг. *žūge-*, др.-тюрк. *jūk* ‘груз’).

6. Восточно-ностратический *u ~ картвельский *u, ø.

(65) картв. **kud-* ‘хвост’ (груз. *ḡud-*, чан. *ḡud-el-*; в сван. *haḡwäd* вторичное изменение вокализма вероятно, под влиянием приставки *ha-*) ~ алт. **k’udl-* ‘хвост’ (монг. *qidurga* ‘хвостовой ремень’, тув. *kuduruk*, туркм. *qujruk*);

(66) картв. **dura* ‘глухой’ (чан. *dura, durani*) ~ алт. **dүүл-* (монг. *dülei*);

(67) картв. **ḡuṭl* ‘маленький’ (чан., мегр. *ḡuṭu* ‘penis (детский)’; мегр. *ḡuṭulo* ‘мальчик’ > зап. груз. *ḡuṭa* ‘мальчик’ в сван. представлен вокал -ō-: *ḡōṭ-ol, ḡoṭ-ol* ‘маленький’) ~ драв. **kuṭṭl* ‘маленький’ (тамил. *kuṭṭam* ‘небольшой размер’, *kuṭ* ‘короткий, маленький’);

(68) картв. **dud-* ‘кончик, оконечность’ (чан. *dud-* ‘темя, вершина, кончик’, сван. *dudül-* ‘сосок (грудь)’) ~ урал. **tud’ka* ‘оконечность’, драв. **tutl* ‘оконечность’;

(69) картв. */s/un- ‘запах’ (груз. *sun-*, ср. отыменное *sun-* ‘нюхать, пахнуть’) ~ урал. **suŋl* ‘запах’ (коми *zyn*, удм. *ziŋ, zjm*);

(70) картв. **burɣw-* ‘метель’ (сван. лашх. *burɣwina* ‘метель’, ср. исходную основу в глаголе *burɣw-* ‘кадить’) ~ алт. **burga* ‘вьюга, метель’, урал. **purka* ‘вьюга’.

В тех случаях, когда в корне в картвельском представлен \emptyset рефлекс, следы исходного лабиального обычно так или иначе представлены наличием варианта с *u*, (см.) или лабиальный обнаруживается в исходе корня (см.), что делает вероятной метатезу неслогового *w* после редукции *u > w*.

(71) картв. **ɬba/ɬuba* ‘озеро’ (груз. *ɬba*, чан. *ɬoba, ɬiba < *tba*, сван. в.-бал., н.-бал. *twib*, Dat. *ɬuba-s*) ~ урал. **tuwl* ‘озеро’ (коми *tu*, венг. *tava*, хант. вах. *tõy*);

(72) картв. **glu-* ‘гладкий’ (груз. *glu*) ~ урал. **kütl* ‘гладкий’ (коми *gylyd*, хант. *kõti*);

(73) картв. **sxw-* ‘острие’ (мегр. *osxwosxvinia*, редупликация ‘иголки у хлебных растений’ сван. *sxwi* ‘стрела’) ~ алт. **čijä* ‘острие’ (эвенк. *čijä* ‘опавшая хвойная игла’, татар. *čöj* ‘твоздь, клин’).

В глагольных основах представлено морфологическое чередование гласных с предшествующим сонантом *-w-*.

(74) картв. **kwes₁-/*kwis₁-/*kus₁-* ‘ломать, высекать огонь’ (др.-груз. *kwes-* ‘высекать огонь’, сван. *kwes̄-* (Intr.), *kwis̄-/kwš̄-* ‘ломать’) ~ алт. **k'usl-* ‘скрести, добывать огонь трением’ (монг. *qusi* ‘скрести’, *qusudag* ‘палочка для высекания огня’);

(75) картв. **gwan-/gun-* ‘оплакивать, плакать’ (сван. лашх. *gwān-/gwn-*) ~ алт. **guni-* ‘грустить’ (монг. *guni-*, чагат. *quniq-*);

(76) картв. **ɬwar-/ɬur-* ‘зажигать, гореть’ (сван. **ɬwr-* ‘зажигать’, *me-ɬwār* ‘горящий’) ~ алт. **t'ülä* ‘жечь’ (монг. *tüle-*, монгол. *tulie*);

(77) картв. **qwir-/qur-* ‘прогрызывать’ (сван. лашх. *qwir* ‘прогрызть, прогрызывать’, *quru* ‘щель, дупло’, др.-груз. *qwr-* ‘прогрызывать’) ~ алт. **url-* ‘рвать, яма’, драв. **url-* ‘прогрызывать’;

(78) картв. **kwel-* ‘прятать’ (мегр. *kwel-*) ~ алт. **k'ul-* ‘красть’, драв. **kuŋl* ‘тайный’;

(79) картв. **kwel-* ‘простудиться’ (сван. лашх. *kwel-*) ~ урал. **külmä* ‘холодный’, драв. **kuŋl* ‘холодный’);

(80) картв. **s₁wel-* ‘мочить, мокнуть’ (груз. *swel-*, чан. *šwel-*, сван. *šwel-* ‘сыворотка») ~ урал. **sula* ‘влажный’, алт. **sul* ‘влажный’;

(81) картв. **qwar-* ‘любить’ (др.-груз. *qwar-*, чан. *qor*, мегр. 'or-) ~ драв. **kūr-/kīr-* ‘любить’ (тамил. *kūr*, мал. *kūru*, телугу *kūrucu* ‘вызывать ухаживания’);

(82) картв. **pxwar-/pxwer-/pxwr-* ‘рвать, выдергивать’ (груз. *pxver*, диал. *pxwar(i)*, аог. trans., ср.-груз. *pxura*, мед.) ~ алт. **pür* ‘растирать, рвать, резать’ (маньч. *furu* ‘размельчать ножом’, ср.-монг. *hürü-* ‘тереть, обтачивать’, др.-тюрк. *üz-* ‘рвать’).

7. Особые случаи и аномалии.

Сочетанию гласного с сонантами **w* и **j* в восточно-ностратических языках в картвельском соответствуют, по-видимому, простые гласные, соответственно **u* и **i*, ср.:

(83) картв. **gul-* ‘сердце’ (груз. *gul-*, чан. *gur-*, сван. *gwi-/gu-*) ~ алт. **goul(ɔ) < *gowl(ɔ)* ‘середина’ (монг. *goul* ‘середина, русло реки’, маньч. *golo* ‘середина, русло реки, сердцевина дерева’, туркм. *göl* ‘равнина среди песков’);

(84) картв. **qur-* ‘ухо’ (груз. *qur-*, чан. *quži*, мегр. 'uži) ~ вост.-ностр. вероятно **k'iwle:* урал. **küle-* ‘слышать’, алт. **k'ul-* ‘ухо’, драв. **kel* ‘слушать’;

(85) картв. **čil-* ‘гнида’ (груз. *čil-*) ~ урал. **šaiyre* ‘гнида’, алт. **sirkä* ‘гнида’, драв. **cīr* ‘гнида’;

(86) картв. **ɬil/l-* ‘вошь’ (груз. *ɬil-*, мегр. *ɬi(j)*, сван. *ɬiš*) ~ урал. **täje* ‘вошь’, алт. **ti-* ‘искать вшей’).

В тех случаях, когда в картвельском, согласно описанным выше закономерностям, ожидается глагольный корень с одним согласным и морфологическим чередованием вокализма (первоначально односложные глагольные корни и двусложные корни, включающие один из согласных, утрачивавшихся в картвельском **c*, **h*, **j*), реально обычно представлен невокализованный корень (обобщена нулевая ступень вокализма), если в восточно-ностратических языках представлен вокализм **a*, **e*, (**ä*), **i*. Можно предположить, что корневой гласный открытого слога в этих случаях утрачен в результате морфологического переразложения основы при присоединении к корню аффиксов, начинающихся с гласных.

(87) картв. **g*- ‘приобретать, выигрывать’ (груз. *g*-, чан. *g*-) ~ алт. **ga* ‘брать, получать’ (эвенк. *ga*-, нан. *ga*-);

(88) картв. **b*- ‘привязывать’ (груз. *b*-, чан. *b*-, сван. *b*-) ~ алт. **bā*- ‘связывать’ (эвенк. *ba* ‘сватать’, кор. *pa* ‘веревка’, якут. *bāj*- ‘связывать’, туркм. *bāy* ‘связка’);

(89) картв. **r*- ‘быть’ (груз. *r*-, чан. *r*-, сван. *r*-) ~ урал. **le*- ‘быть’ (фин. *lie*-, саам. *loe*, мар. *li*-);

(90) картв. **h* ‘достичь, догнать’ (сван. в.-бал. *h*: масдар *li-h-i*, тә-*h-i* ‘спелый’, сван. лашх. *j* < **h*, мед. *lī* < *li-j-i*) ~ алт. **i* ‘приходить’, урал. **je*л, драв. **ē* < **je*л;

(91) картв. **d*- ‘класть’ (груз. *d*-, *dev*-, чан. **dw*-, сван. *d*-) ~ алт. **dī*- ‘класть, всовывать’ (эвенк. *dī*-), вероятно < **dī*Нл.

Губной гласный **u* в подобных случаях сохраняется в картвельском:

(92) картв. *pu*- ‘кипеть, подниматься (о тесте)’ (груз. *pu*-, сван. *pu*-) ~ урал. **pūj*л- ‘закипать’, алт. **pūj*л ‘закипать’.

Ряд случаев аномальной рефлексии гласного первого слога в картвельском был рассмотрен выше — они объясняются влиянием соседнего смягченного согласного, впоследствии утраченного (см.⁸ или устранением недопустимого для картвельского сочетания согласных (см.⁹).

Некоторые отклонения остаются не совсем ясными.

(93) картв. **gwel*- ‘змея’ (др.-груз. *gwel*-, мегр. *gver*-, сван. *wiž*-, пл. *už*-) вместо ожидаемого **gul*-, ср. алт. **kuly*- ‘змея, червь’, урал. **ku*л ‘червь’. Возможно, отклонение вызвано отталкиванием от картвельского **gul*- ‘сердце’;

(94) картв. **d(l)aqw*- ‘локоть’ (др.-груз. *ni daqw*-, *dlaqw*, мегр. *du*-, чан. *du(r)qu*) вместо ожидаемого **d(l)oq*-, ср. алт. **tok*л ‘локоть, изгиб’ (монг. *toqoi* ‘локоть’, эвенк. *tōkikān* < **tōkaikān* ‘изгиб, поворот реки’). Делабиализация в картвельском, по-видимому, компенсировалась изменением конечного *q* > *qw*;

(95) картв. *bale* ‘лист’ (сван. *bale*) вместо ожидаемого **bole* или **bele* < **bwele*, ср. драв. **poli*- ‘цвести, созреть, возрасть’ (тамил. *poli* ‘цвести, изобиловать’, кодагу *poli* ‘возрасть’);

(96) картв. **šr*- ‘сохнуть’ (груз. *šr*-, мегр. *skər*-, *skir*-, чан. *skur*-, *skir*- ‘гаснуть’) вместо ожидаемого **šur*-, ср. урал. */*š*/orwa ‘сохнуть’ (саам. *soar’ve* ‘сухая сосна’, коми *šural*- ‘высыхать’, ненец. *tyra*- ‘ид’). В картвельском возможно упрощение **šwr*- > *šr*-: на исходную форму с **šw*- указывает занское **sk*-, развившееся из *š* обычно в соседстве с лабиальным, ср. Климов 1964: 216.

Итак, сравнение вокализма картвельских образований с вокализмом соответствующих восточно-ностратических форм, обнаруживает, что стабильная огласовка имен и местоимений в картвельском отражает систему вокализма, сходную с восточно-ностратической. Глагольные основы представлены в восточно-ностратическом вокализмом *a*, *ä*, *e*, отраженным в картвельском нормальным морфологическим чередованием гласных. То же

⁸ [Нет в рукописи].

⁹ [Нет в рукописи].

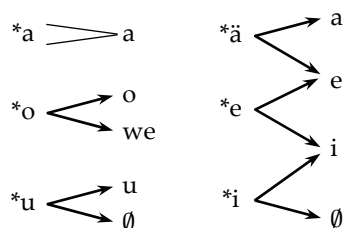
чередование с предшествующим сонантом j представлено в глаголах в соответствии с вокализмом i в восточно-ностратическом, чередование с предшествующим сонантом w — в соответствии с вокализмом $*o$ и $*u$. Представлены следующие соответствия (таблица 3):

вост.-ностратич.	картв.	
	имена	глаголы
*a	a	a/e/i/∅
*ä	a, e	
*e	e, i	
*i	i, ∅	e/i/i/∅
*o	o ?, we	wa/we/wi/wu
*u	u, ∅	

Таблица 3. Вокалические соответствия между картвельскими и вост.-ностратическими языками.

Двойное соответствие, засвидетельствованное для ряда фонем в картвельском (сван. $e \sim \ddot{a} < e - a$), возможно, находится в определенной связи с качеством исходного гласного основы, поскольку в ряде случаев, когда представлен более закрытый вариант соответствующих гласных (e, i), в картвельском сохраняется гласный 2-го слога, что предполагает его подударное положение (ср.¹⁰).

По-видимому, наличие регулярных соответствий между восточно-ностратической системой стабильного вокализма и той частью картвельских корневых морфем, в которой представлен стабильный вокализм (имя и местоимения), предполагает большую древность именно этой системы и вторичный характер системы морфологизированного вокализма, представленного в картвельских глагольных морфемах. Действительно, картвельский вокализм получает удовлетворительное объяснение из системы стабильного вокализма типа восточно-ностратического. Закономерные рефлексы 6 исходных гласных фонем представлены в картвельском в морфемах со стабильным вокализмом:

Подобное фонетическое развитие следует предполагать и для глагола. Дальнейшее развитие можно гипотетически восстановить так. В определенный период в глаголе было развито морфологическое ---¹¹ по характеру противопоставление гласных в корне (о возможных причинах этого процесса см.¹²

Естественно, что глаголы, первоначальный стабильный вокализм которых совпадал с одной из ступеней чередования $*a : *e : *i : (\emptyset)$ (т. е. в тех случаях, когда корневой вокализм содержит исходный гласный $*a, *ä, *e$ и $*i$), прежде всего были вовлечены в систему

¹⁰ [Нет в рукописи].

¹¹ [Нет в рукописи].

¹² [Нет в рукописи].

морфологических чередований: на основе вокализма *a, *e или *i, первоначально характеризовавшего все формы таких глаголов, были созданы формы с другими огласовками, распределенные уже по морфологическому принципу. После того как *o > картв. *we, аналогичный процесс стал возможен и для глаголов с такими огласовками, поскольку они стали характеризоваться вокализмом -e-; лишь наличие предшествующего сонанта w (we : wa : wi : u) указывает здесь на первоначально лабиальный характер гласного. Поскольку стабильный вокализм глаголов с *u совпал с нулевой ступенью огласовки глаголов с первоначальным вокализмом *o, сходное чередование было распространено и на эти глаголы, что привело к совпадению в картвельском глаголов с первоначальным вокализмом *o и *u.

Литература

- Климов, Г. А. 1964. *Этимологический словарь картвельских языков*. Москва: Издательство АН СССР.
- Мачавариани, Г. И. 1964. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях. В кн.: *Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*: 4–5. Москва: Наука.
- მაჭავარიანი, გ. 1963. ხმოვანთა სისტემის დახასიათებისათვის სვანურში, თსუ შრომები, 96: 139–150.
- ონიანი, ა. 1962. გრძელი ხმოვნების საკითხისათვის სვანურში. იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება 13: 209–226.
- თოფურია, ვ. ტ. 1931. სვანური ენა. 1. ზმნა. თბილისი: საქ. სახელმწ. პედ. ინ-ტის გამოც.

References

- Deeters, Gerhard. 1930. *Das kharthwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der südkaukasischen Sprachen*. Leipzig: Markert & Petters.
- Klimov, G. A. 1964. *Etimologicheskij slovar' kartvel'skix jazykov*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Mach'avariani, Givi. 1963. Khmovanta sis'emis dakhasiatebisatvis svanurshi. *Tsu shromebi* 96: 139–150.
- Machavariani, G. I. 1964. K probleme indoevropsko-kartvelskix (juzhnokavkazskix) tipologicheskix paralelej. In: *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskix i etnograficheskix nauk*: 4–5. Moskva: Nauka.
- Oniani, A. 1962. Grdzeli khmovnebis sak'itkhisatvis svanurshi. *Iberul-k'avk'asiuri enatmetsniereba* 13: 209–226.
- Polák, Václav. 1955. Contribution à la grammaire historique des langues kartvéliennes. *Archiv orientální* 23(1): 77–89.
- Topuria, V. T'. 1931. *Svanuri ena. 1. Zmna*. Tbilisi: Sak. sakhelmts'. p'ed. in-t'is gamots.
- Vogt, Hans. 1938. Armenien et caucasique du Sud. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap* 9: 321–338.

Vladislav Illich-Svitych. Kartvelian vocalism in light of external comparison.

This previously unpublished paper, recently discovered in the archive of the famous Soviet linguist Vladislav Markovich Illich-Svitych (1934–1966), the founder of the school of Nostratic linguistics, reflects Illich-Svitych's interest in the issue of the reconstruction of the Common Kartvelian vowel system (including morphologically significant vowel gradations within verbal stems) and in establishing regular correspondences between these vowels and their correlates in the so-called "Eastern Nostratic" language families. Although the general value of the paper is more historical than anything else (in his later research, the author would publish a somewhat amended and improved system of the respective correspondences), it includes a detailed listing and analysis of the supporting linguistic material, which adds a certain amount of additional significance to the text, as opposed to any later reworkings.

Keywords: Proto-Kartvelian language; Nostratic hypothesis; reconstruction of vocalic systems; phonological reconstruction.

Статья В. М. Иллич-Свитыча «Картвельский вокализм в свете внешнего сравнения»: актуальный комментарий¹

Статья В. М. Иллич-Свитыча, написанная до 1965 г., осталась неопубликованной автором. Ностратические (точнее, картвельско-восточноностратические) сопоставления из нее в основном вошли или планировались к вхождению в последующие авторские публикации ностратической лексики. С другой стороны, за прошедшие десятилетия значительно изменилась интерпретация приводимых когнатов в этимологических словарях дочерних семей. В настоящем комментарии (печатный вариант) приведены, во-первых, наиболее яркие примеры изменений, опровергающих этимологии В. М. Иллич-Свитыча; во-вторых, общие результаты по сопоставлениям, которые, согласно современным реконструкциям основ в дочерних семьях, в рамках системы реконструкции, изложенной в первом томе «Опыта сравнения ностратических языков», могут иллюстрировать соответствие между картвельским вокализмом и вокализмами восточноностратических языков. Полный анализ сопоставлений статьи приводится в онлайн-приложении.

Ключевые слова: пракартвельский язык; ностратическая гипотеза; реконструкция вокалических систем; фонологическая реконструкция.

Машинопись не вполне доработанной статьи В. М. Иллич-Свитыча была обнаружена М. Н. Саенко в коробке с архивом автора, лежащей в Отделе славянского языкознания Института славяноведения РАН. Коробка была собрана многолетней сотрудницей и другом В. М. Иллич-Свитыча и В. А. Дыбо Р. В. Булатовой в процессе работы по изданию 1-го тома «Опыта сравнения ностратических языков» (ОСНЯ I). Сама Римма Владимировна пишет по поводу этого текста: «В моей памяти ... не осталось воспоминаний об этой машинописи в 20 страниц. Решительно утверждаю, что она не прошла мимо нас с Володи Дыбо и вероятнее всего он меня просил сопоставить примеры из статьи с материалом Ностратического словаря, то есть она была использована нами при работе над Словарем. Явно статья писалась Славой в то время, когда он уже обладал всем ностратическим багажом, который позволил ему взглянуть и увидеть картвельский вокализм с иной позиции. То, что ему открылось, было для него ценно, поэтому он во время подготовки Ностратического словаря к печати зафиксировал это машинописанием, хотел отдать статью в печать до Словаря. Статья напечатана нашей уникальной машинисткой, жившей в центре Москвы, она бывшая балерина, единственная бравшая наши лингвистические тексты (имеется в виду Ольга Романовна Савушкина, жившая в «Доме Булгакова» — А. Д.), и первые 40 машинописных страниц Словаря, оставшиеся после гибели Славы, напечатаны ею. Последней прижизненной публикацией Славы была его рецензия на исследование на грузинском языке. Может быть, его картвельские интересы в это время были дороги ему?» (из личного письма от 04.09.2022).

¹ Сбор материала для комментария был проведен в рамках проекта РНФ 201800159 «Языковое родство и хронология этноязыковых разделений в исследованиях Московской школы компаративистики: историческая преемственность, новаторство, значение для смежных дисциплин и науковедения».

Действительно, таблица 3 в публикуемой статье и таблица на с. 153 в ОСНЯ I («Отражение ностратического вокализма в западноностратических языках») в ее картвельской части практически идентичны. Таблица соответствий картвельских гласных между собой в ОСНЯ отличается от таблицы 1 в публикуемой статье несколько большей подробностью. Самое существенное отличие в трактовке картвельского вокализма в ОСНЯ заключено в следующем: в статье гипотеза Фугта о том, что сванским долготам в грузинском соответствует отсутствие нулевой ступени в грузинском, охарактеризована как «неудавшаяся», в ОСНЯ же она принимается и дополняется утверждением, что в занских диалектах долготам соответствует полная ступень, а краткостям нулевая (в глагольных корнях); т. е. сванские долготы выводятся на пракартвельский уровень. Это, вероятно, следствие знакомства с работой Gamkrelidze, Machavariani 1965, где сванские долготы трактуются как вторичные, однако выстроены ряды соответствий, показывающие особое аблаутное поведение их соответствий в других картвельских языках. То же предположение мы видим в Иллич-Свитыч 1966, как поправку к реконструкции Гамкрелидзе и Мачавариани; еще одно предположение статьи, впоследствии выраженное и в этой рецензии (с. 133) и перекочевавшее в ОСНЯ — то, что часть случаев с нулевой ступенью огласовки следует трактовать как следствие фонологической редукции гласной корня при присоединении суффикса, начинающегося с гласной.

Таким образом, создается впечатление, что статья была написана после знакомства с работой Мачавариани 1964 как, во-первых, попытка построить реконструкцию картвельского глагольного аблаута и, во-вторых, дать соответствия реконструированного картвельского вокализма ностратическому. Когда автор познакомился с работой Gamkrelidze, Machavariani 1965, первая задача потеряла для него актуальность, вторая же, по-видимому, решалась подготовкой ОСНЯ. Видимо, поэтому автор не стал публиковать статью.

Мы снабдили ностратические сопоставления, иллюстрирующие соответствия картвельских гласных восточноностратическим, обзором того, как менялись эти сопоставления в работах В. М. Иллич-Свитыча, и какой статус имеют предложенные когнаты в современных этимологических словарях дочерних семей. В данном (печатном) варианте статьи приводятся лишь отдельные, наиболее наглядные, примеры на разные типы этимологий; полный разбор материала доступен в качестве онлайн-приложения к статье по адресу jolr.ru/jlr20/dybo.zip.

1. Примеры сопоставлений, которые должны быть отвергнуты

(а) Сопоставления, от которых автор отказался в последующих работах

(4) Картв. этимологии в ЭСКЯ, KEW нет (из-за слабой представленности). Следы ностратической этимологии сохранились в МССНЯ: 333: 'ветка' $\gamma/ol\zeta l$ (и.-е. ~ алт. (?) ~ с.-х.) и в ОСНЯ I: 276: ностр. $*\zeta l\zeta l$ 'ветка', но здесь уже нет ни картвельской, ни алтайской параллелей (с.-х. ~ и.-е.). Алт. сравнение, безусловно, выбывает: это монг. $*ha\zeta a$ 'fork, bifurcation', см. Nugteren 2011: 347–348 (h - в дагурском и шира-юйгу), к алт. $*p`a\zeta V$ 'to open, split up' (EDAL: 1116), кирг. параллель — монголизм.

(9) Картвельско-уральское сопоставление имеется в МССНЯ: 362, но с реконструкцией $*kol l$ (начальная придыхательная обеспечена сопоставлением с тунг.-маньч. $*xol-sa$ 'рыба'); соответственно, восстанавливается огубленная гласная и берется индоевропейская параллель $*(s)k^{w}al-$ (IEW: 958); желаемый вокализм отсутствует. В ОСНЯ I: 288–289 этимология составлена иначе, картвельского когната нет, в качестве алтайского используется тунг.-маньч. $*kalimu$ 'кит' (эвенк. значение: сахалинский, чумиканский 'кит; морж', аян-

ский 'ходовая рыба' — вопреки автору, вряд ли является реликтом старого значения 'рыба', т.к. 'ходовая' здесь = «ходящая на нерест», а не «широко используемая»), что обеспечивает соответствие алтайского и уральского вокализма. В настоящее время уральская этимология сохраняется (UEW: 119, *kala); алтайская (алт. *k'ùla 'род крупной рыбы', EDAL: 848) трактует тунг.-маньч. *kalimu 'кит' как заимствование из монг. и сравнивает сев.-монг. *kalimu 'кит' с тунг.-маньч. *xol-sa 'рыба' и ПЯп. *kàra- 'камбала'. Обычно сев.-монг. *kalimu 'кит' (только халха и бурятский; форма халим в ойратском Синьцзяна (Тодаева 2001: 381) определенно заимствована из халха, как рефлекс ожидалось бы хальм) считается по семантическим причинам маньчжуризмом.

Картвельская параллель не вошла в картвельские этимологические словари. В машинописи «Замечания автора к отзывам на статью 'Соответствия смычных в ностратических языках'» (с. 5) Иллич-Свитыч спорит с замечанием рецензента-картвелиста (Г. А. Климова): «Армянское название форели *qarmraxait* (буквально «красно-пёстрый») едва ли можно считать источником общесванского (во всех диалектах) названия рыбы (и форели как основной рыбы горных рек) *qalmax* (ср. многочисленные производные: *qalmxäš* «рыбный», *məqalmax* «рыбак» и т. д.; груз. *qalmaxi* «форель» вероятнее всего заимствовано из сванского). Об отношениях грузинского и сванского слов Г. А. Климов придерживался противоположного мнения, как мы видим в Климов, Халилов 2003: 243: «сван. *qalmax* из груз. *qalmax-i* 'форель'». Возможно, позднее при подготовке словаря В. М. Иллич-Свитыч все же более осторожно отнесся к этой параллели и не включил ее.

б) Сопоставления, отклоняемые из-за изменившихся реконструкций в других семьях

(8) Картв. этимологию см. в ЭСКЯ: 144, KEW: 256. Сопоставление не попало в МССНЯ и ОСНЯ. Алтайский когнат сейчас содержит сопоставление тунг.-маньч. с тюрк. *el-ig 'hand' и реконструируется как *ηàli (EDAL: 1024). Возможное ностратическое сопоставление см., например, в Дыбо 2017: 87: ностр. *η₁alV- 'рука': алт. *ηāli-g- 'hand' (EDAL: 1024); и.-е. *ole-k- 'локоть' (WP I: 156). Сопоставление с картв. трудно обосновать фонетически.

(13) Картвельскую параллель см. в ЭСКЯ: 68–69. Сопоставление присутствует в таблицах ОСНЯ I: 17 и в этимологиях ОСНЯ I: 214–215: *daHa. В ОСНЯ к тунг.-маньч. частице добавлены тюркская координативная частица *TA(:) (Räsänen 1957: 236), если не считать ее стяжением из координативной частицы/союза *Taki (Erdal 2004: 337, 349), хотя выпадение интервокального глухого не выглядит закономерным, а также монг. *dA. Алтайская реконструкция должна была бы выглядеть как *tā, т. е. с глухим непридыхательным, что не согласуется с картв. *d-; Иллич-Свитыч полагает, что *t- вместо *j- в тюркском возникает из-за обобщения одного из ассимилятивных вариантов в энклизе. Тюркская долгота отмечена только в тех языках, где бывают только вторичные долготы, но не в туркм. и як.; следовательно, все-таки там выпал какой-то согласный, и для ПТю. следует предполагать *-TAGA. Сопоставление не проходит по начальной согласной.

(17) Картв. когнаты не вошли в ЭСКЯ, в KEW разделены на фонетическом и семантическом основании, ср. KEW: 185–186 *qar- 'обрубить, обрезать' (груз., сван.; формы с долготой не приведено) и KEW: 190 *qer- 'рубить на мелкие кусочки' (груз., сван.); чанские формы не приведены. В МССНЯ: 362 ('рубить'³ *qalp/l: картв. + и.-е.) драв. параллели нет; в ОСНЯ I: 317–318 (*qalHPл 'рубить, копать') она сохранена под вопросом, отмечено отклоняющееся отсутствие долготы; в картв. отмечена долгота гласной (qāp-/qēp-). Дравидийская параллель: в DRAVET телугу *kāvu* 'дыра, источник' отделяется от ю.-драв. (?) *garpu- 'копать, рыть; яма' (DED #1223); оба вхождения не подходят для сопоставления с картв.

(18) Картв. см. в ЭСКЯ: 95 (+ мегр. *(n)ta/ir-*), KEW: 156. В МССНЯ и ОСНЯ сопоставление не вошло. В подготовленной картотеке сопоставление сохранено с реконструкцией **tal'i* ‘нести, тащить’. Тюрк. когнат значит скорее ‘перетаскивать, выносить наружу’, связан с ПТю. пространственным именем **daí* ‘наружный, снаружи’ и возводится в EDAL: 1352 к алт. **tálbà* ‘другая сторона, внешняя сторона’, семантически далекому от картв. Семантически ближе к картв. было бы ПТю. **dart-* ‘тащить’, возводимое в EDAL: 1367 к алт. **tert`a-* ‘тащить, тянуть’ (второй взрывной может быть старым каузативным аффиксом, см. EDAL: 181). Итак, картв. *a/e/∅* ~ алт. **e* (ностр. **ä?* Сейчас для алт. не реконструируется **ä*, и предложенные в ОСНЯ I: 171 критерии для такой реконструкции — чисто тюркские — уже нерелевантны; см. о реконструкции пратюркского различия открытого и закрытого *e* в СИГТЯ 2006: 200–206, Дыбо 2007: 53–59).

(21) Картв. праформа реконструирована в ЭСКЯ: 264 как **qe-*, в KEW: 562–563 как **qel-* (с вторичным отпадением **l* в мегр. и лаз.). Сравнение сохранено в МССНЯ: 362 (‘рука’² **qel:* картв.-алт.). В ОСНЯ и в подготовленную картотеку не вошло. Об алт. когнате см. выше (8).

2. Примеры сопоставлений, сохраняющих валидность (в том числе — при значительном редактировании)

(а) Восточно-ностратический **a* ~ картвельский **a*

(1) В МССНЯ: 373 (ягода **mar(j)l*); добавлено и.-е. **mor-* ‘ежевика, тутовая ягода’ (IEW: 749). В ОСНЯ II: 44 реконструкция та же, дополнение сохранено; картвельская этимология дополнена чанским *miru* (вслед за ЭСКЯ: 127). Трактуется как словосложение **mar-* + *mtqwa* (ОСНЯ II: 44). Уральский материал дополнен угорским. Уральская (собственно, финно-угорская) параллель (в том числе те же, что в ОСНЯ, хант. *murəp* ‘Beerendolde’, манс. *morin, morip* ‘Beere mit Traube’) и фонетическая реконструкция сохраняется в UEW: 264 (**marjz*). Предложенная в ОСНЯ II алтайская параллель **müri* не подходит по вокализму и скорее всего должна быть оспорена на алтайском уровне: тюрк. **bürü-lgen* скорее всего, судя по распространению, средневековый монголизм (а монгольская форма может быть более ранним тюркизмом, для источника которого следует выяснить отношения между основами **börül(t)-gen* и **böğürt-len*); аз. диал. (Куба) *müri* ‘земляника’ вряд ли сохраняет древнее пратюркское **m-*, а, скорее всего, является кавказским заимствованием (это район расселения носителей южнолезгинских языков; ср. при этом другие кавказизмы в тюркских, напр., балк. *муртку* ‘калина’, из осет. *муртгæ* из адыг. и т. п. — Шагиров I: 266).

Кстати, из алт. этимологии EDAL: 915 (**méra* ‘ягода’: тот же тюркский **bürü-lgen*) следует удалить монг.: только халха *марил* ‘гранат’ (скорее всего из какого-то новоинд. источника к **āmṛātaka-*, Turner 1962–1964: 57, или из ново-восточноиранского к **marna*, Эдельман 2015: 238; во всяком случае, гранат явно не входит в растения, характерные для монгольского хозяйства, ср. китайское название граната 安石榴 *ān-shí-liú*, где 安石 *ān-shí* = ‘Иран’). Сомнительна тунг.-маньч. этимология в EDAL: 915: она состоит из эвенк. *морощо* ‘морощка’ (ССТМЯ I: 547) — заимств. из самод. (нен.) *mārāŋga* ‘морощка’ (Аникин 2000: 392) — и нан. *mīrēŋkule* (Оненко 1980: 263) ‘рябина’; последнее скорее связывается с ульч. *милэктэ* ‘рябина’ и т. д. (ССТМЯ III: 536; в нан. стандартная метатеза с сонорным в суффиксе **-kure*). Возможно, в алтайском сравнении можно сохранить тюркско-среднекорейское (*mār'úi* ‘виноград’) сопоставление с иной реконструкцией вокализма. Картв. **a* ~ урал. **a*.

(10) Грузинские формы не попали в картвельские этимологические словари и в Климов, Халилов 2003: 70. Картв. когната нет в сопоставлении в МССНЯ 365 (‘слизь’⁴ **za/l/l*),

сохранены алтайский и дравидийский, добавлен и.-е. *sal- ‘слюна, грязь’ (IEW: 879). То же в подготовленной к публикации картотеке. Алтайский когнат в EDAL: 1527 реконструируется как *žālV; дравидийский в DRAVET как южно-драв. (тамилский, малайлам) *Caḷ-i. Сопоставление с груз. zala в принципе допустимо по соответствиям В. М. Иллич-Свитыча (ср. Dybo 2004). Картв. *a ~ алт. *a ~ ю.-драв. *a.

(12) Сванской формы нет в картвельских этимологических словарях (но есть в Климов, Халилов 2003: 40). МССНЯ: 373 (юноша *marl; добавлено урал. *mar(j)l ‘самец’, и.-е. *merio- ‘юноша’, IEW 739); ОСНЯ II: 39-40 (*majra ‘молодой самец’; картвельская и уральская параллели под вопросом; дравидийская сохранена, добавлено алт.: тунг. *mi(a)re- ‘выйти замуж’). Драв. формы в DRAVET возведены к реконструкции *mād- ‘сын’; эта прадрavidийская фонема в системе Иллич-Свитыча соответствует r. Уральская параллель — только в ненецком и не попала к Редее и Янхунену. Алтайская — см. EDAL: 923, *mjàrà (~ *r-) ‘male, mature’: тунг.-маньч. *miare- ‘to marry’; ПЯп. *màrà ‘penis’. Во всяком случае, соответствие гласных первого слога сохраняется. Картв. *a ~ драв. *a (~ алт. *a).

(15) Картвельский этимон есть в ЭСКЯ: 152, 190, KEW: 348–349, но остальные картвельские формы (груз., сван., лаз.) отклоняются от приведенного по первому согласному (p-). Сопоставление сохранено в МССНЯ: 346 (летать *parl), дополнено урал. *p/alrl (хант. p̄r- /p̄r- ‘летать’) и и.-е. (s)per- ‘лететь, перо, крыло’. В ОСНЯ сравнение не вошло; в подготовленной картотеке устранена уральская параллель; сохранены и.-е., картв., алт. и драв., реконструкция *par(j)l ‘летать’. Алт. параллель — это сев.-тунг. hāri- ‘парить в воздухе (о птице)’ (ССТМЯ II: 317); алт. может быть восстановлено как *p`ār-; в EDAL не вошло. Дравидийский когнат валиден; праформа в DRAVET восстанавливается как *pād- ‘летать’, что в системе В. М. Иллич-Свитыча позволяет сохранить сопоставление. Картв. *a ~ алт. *a ~ драв. *a.

(б) Восточноостратический *ä ~ картвельский *a, *e

(19) Картв. формы нет в ЭСКЯ и KEW. МССНЯ: 363 (‘свойственница’¹ *käl; картв. под вопросом). ОСНЯ I: 295–296: *kälU ‘свойственница’, картв. также под вопросом. Урал. параллель представлена в UEW: 135–136: *kälz-wz ‘Schwägerin’ (ср. Sammalahti 1988: 485 *käläw). Алт. параллель представлена в EDAL: 659 в виде *kele (~ -i, -o) ‘невестка’. Драв. параллель: DRAVET *kal-, сев.-драв. *qalī ‘сестра матери ~ жена младшего брата отца’. (?) Картв. *a ~ урал. *ä ~ алт. *e ~ драв. *a.

(22) Картв. параллель отсутствует в ЭСКЯ и KEW. Этот когнат опущен в МССНЯ: 367 (‘стоять (оставаться на месте)’ *mānl: и.-е. + алт. + драв. + с.-х.). В ОСНЯ II: 51–52 он приводится как «заслуживающий внимания», но с примечанием редактора о возможности иранизма. Алт. параллель представлена в EDAL: 913: meñ[o] ‘жилище, деревня’. Драв. реконструируется в DRAVET как *man- ‘to be’. (?) Картв. *e ~ алт. *e ~ драв. *a.

(16) В картв. смешаны, видимо, два разных корня, с чередованием и без: картв. *cal-/cel-/-cil- ‘отрывать, сдирать’ (ЭСКЯ: 225; KEW: 444) и картв. *cel- ‘косить, коса’ (ЭСКЯ: 223, KEW: 445-446), ср. NCED: 859, где последняя картв. глагольная основа считается отыменной, а именная выводится из ПВК *(?ō)cV̄V ‘коса’ < *=ōcV ‘косить’. Наиболее близкая к картв. форма представлена в ПН *cēl. Впрочем, предположение о кавк. заимствовании необязательно, поскольку сам инструмент неолитический, а корни соответствующего вида со значением ‘коса, косить’ представлены и в ностратических языках, ср. тюрк. *čal-gi ‘коса’ (VEWT: 97). Сопоставление сохранено в МССНЯ: 360 (‘расщеплять’¹ *cal: + и.-е., с.-х.), ОСНЯ I: 195–196 (*calu ‘расщеплять, резать’, в том же составе; к уральской параллели *śale ‘отщеплять’ добавлено предположительное развитие той же основы *śälä-

‘резать, расщеплять’). Уральская параллель представлена в UEW тремя несвязанными вхождениями: UEW: 459–460 **śale* ‘резать, расщеплять’ (только ФУ); UEW: 470 **śälä*- (? ~ **čälä*-) ‘schneiden’ (только ФУ); UEW: 484 **śolče* ‘Pfahl, Stange’ (сюда отнесена самодийская параллель к **śale* в ОСНЯ: нен. *sal* ‘пень, кол’ < ПСам. **sälca* ‘Baumstumpf, Pfahl’, см. SW: 132). Алтайская параллель представлена в EDAL: 413–414 (алт. **č`àlù* ‘sharp, to cut’, тюрк. **čal*-, скорее, ‘резко ударять’; монг. реально только **čalir* ‘лом, пешня’ («Сокровенное сказание» и сев.-монг.; видимо, также производный от него сев.-монг. глагол **čalij*- ‘быть остроконечным, конусообразным’; тунг.-маньч. **čal*- — реально скорее **čōli*- ‘вырезать’; ПЯп. **türü(n)ki* ‘меч’. Дравидийская параллель в DRAVET делится по двум вхождениям: ПДрав. **sel*- (**c*-) ‘to split, crack’ (ю.-драв., телугу, сев.-драв., брауи) и ПДрав. **žal*- ‘broken stone’ (телугу, центр.-др.); первая указывает на первичную огласовку **e*, вторая не проходит как сравнение с картв. по начальной согласной. В системе В. М. Иллич-Свитыча ностратическое сравнение можно переключить как пример на гласную **ä*, сохранив картв., урал. и драв. когнаты: картв. *a/e/∅* ~ урал. **ä* ~ (? драв. **e*).

(25) Картв. см. в ЭСКЯ: 106, KEW: 185 (оба без сванской формы). Сравнение есть в МССНЯ: 363 (‘связывать’¹ **kärɫ*: в том же составе + и.-е. + с.-х.). В ОСНЯ I: 321–323 тот же состав и та же реконструкция. Урал. параллель ОСНЯ (прибалто-фин. ‘связка’, саам. ‘веревка’, перм. ‘связывать’, об.-уг. ‘связка; вплетать’) в UEW разбита на две этимологии: UEW: 139 *kärz*- ‘связывать, сплетать’ (морд. *kär*- ‘связка, пучок; нанизывать’, мари *kerA*- ‘втыкать, протыкать’, перм. *kärt*- (Rédei 1988: 375 *kärtti*- < *kertte*-) ‘вязать, связывать’, об.-уг. *käre* ‘натягивать, вплетать’) и UEW: 147 *kerä* ‘пучок, связка’ (прибалто-фин. *kerä*- ‘клубок, связка’ SSA I: 348 (заимств. в саам.), морд. *kirä* ‘клубок’; об.-уг.: хант. *kerə*, манс. *kwärəx* ‘связка, клубок’); но Саммалаhti их объединяет (Sammalahti 1988: 490: *kelärä* ‘связка’). Алт. параллель см. в EDAL: 669: **kèra* (~ *-r-*) ‘связывать, обвивать’, сев.-монг. *kerü*- ‘сплетать, связывать сплетением; соединять верёвкой (например, стреноженных лошадей одну с другой, выючных животных одного за другим)’ ЭСМЯ II: 120 ~ тунг.-маньч. *kergi* ‘связка, пучок’, *kergi-ge*- ‘связывать, обматывать’ ~ (?) ПЯп. *kàrà-m*- ‘обвиваться, цепляться’. Драв. см. DRAVET: ю.-драв. *kar*- ‘bundle’. Алт. отклоняется от картв. по начальной согласной. Картв. *a/e/∅* ~ урал. *e/ä* ~ (?) алт. *e* ~ драв. *a*.

(26) Картв. см. ЭСКЯ: 179–180 (**tab*-/*ṭb*- ‘греться’, **ṭbid* ‘теплый’), KEW: 326 (**ṭep*-/*ṭp*-, со ссылкой на Гамкрелидзе, Мачавариани 1965: 115–117 о вторичности **b*). Сравнение сохранено в МССНЯ: 338 (‘греть(ся)’ **t/ä/pɫ*, + и.-е., + с.-х.). В подготовленной картотеке **täpɫ* ‘теплый, греться, гореть’: с.-х. + карт. + алт. *t/äp/p’ɫ*- ‘гореть’ > маньч. *tefe*-. Алт. параллель в EDAL: 1421 — *t`ep`V* ‘теплый, гореть’, тунг.-маньч. *tepe*- (ССТМЯ II: 238; маньч. *tefe*- ‘прогорать’, нан. *tepe*- ‘гореть, разгораться’) ~ кор. *təb*- ‘быть теплым’. Тюркская параллель в EDAL ложная: единичные тюрк. формы типа *tep(i)*- со значением ‘сохнуть’ являются спорадическими развитиями основы *kepi*- ‘сохнуть’ (ЭСТЯ 1997: 45–46). Таким образом, придыхательность начального согласного в алт. не определена. Совершенно непонятно соотношение вторых согласных в сравнении. (?) Картв. *a/e/∅* ~ (?) алт. *e*.

(27) Картв. см. в ЭСКЯ: 77 (**e*-), KEW: 576 (**he*-, по лазской форме *he*-/*e*-), префикс ближнего дейксиса. В ОСНЯ I: 8, 270 ностр. форма реконструируется как **?i* / (?) *?e*, в картв. когнате объединены *(*h*)*e* ‘указ. частица нейтрального значения (этот)’ и *(*h*)*i*- ‘тот’ (ЭСКЯ: 77–78), дальний дейксис. В словарях дочерних семей эти единицы разделены. Уральский когнат см. в UEW: 67 (**e*- ‘этот’, практически в том же составе, что в ОСНЯ), Raun 1988: 562 **e*- ‘this’. Алт. когнат **e*- ‘ближнее указание’ см. в EDAL: 487, **é*; этимология также нуждается в разделении на **e*- ‘ближнее указание’ (монг., тунг.-маньч.) и **A*- ‘дальнее указание’ (в частности, тюрк. **a-n* — косвенная основа местоимения дальнего дейксиса и личного 3 л.). Дравидийская параллель в DRAVET — только гонди-куи **e*- ‘that (nearer)’;

на прадравидийский уровень выводится ближее **i-*, которое, вероятно, должно сопоставляться с **i*, представленным, в частности, алт. основой местоимения 3 л. **i* (EDAL: 577). Картв. **e* ~ урал. **e* ~ алт. **e* ~ драв. **e*.

(28) Слова нет ни в ЭСКЯ, ни в KEW. В NCED: 249 предполагается заимствование в груз. из ЗК: абх. *a-r*, абаз. *rə* ‘войско’, ПЗК *ṛə*, ПСК *ṛwǰhri* id. В Шагиров I: 165 связь абх. слова с грузинским (предложенная в старой яфетической работе) отвергается (видимо, на фоне очевидного родства абх. с адыгским *дзэ*), но заимствование вполне вероятно, учитывая отсутствие параллелей в других картвельских языках. В Климов, Халилов 2003: 264 груз. *eri* приведено без комментариев. В МССНЯ: 341 (‘жить’¹ *eln*) сопоставление груз., алт. и урал. дополнено драв. *il* ‘жиле, дом’ и с.-х. В ОСНЯ I: 267–268 сохраняется тот же набор, картв. под вопросом, дополнен среднегрузинским XVII в. *el-* ‘страна, край’, груз. диал. *el-* ‘народ’; предполагается связь со сван. глаголом *l-* (связка ‘быть’) в Praes. 3 л. (эта основа не включается в этимологию картв. *r-* ‘быть’ в ЭСКЯ: 154 и KEW). Алт. параллель см. в EDAL: 501 (*élV* ‘мир’: тюрк. ~ монг. ~ тунг.-маньч.). Следует заметить, что ПТю. форма со значениями в языках-потомках ‘мир; народ; деревня’ по внутритюркским соответствиям реконструируется как *ējl* (Дыбо 2007: 56; см. там же возможные алтайские источники для таких тюркских кластеров). Соответственно, сев.-монг. *el* ‘согласие, дружелюбность’ (ЭСМЯ I: 211) практически наверняка тюркизм (см. подробно TMN II: 194–197). Калм. *элн* ‘родственник’, *элг-лэ-* ‘породниться’, ойрат. *элген* ‘родственники’, *элге-се-* ‘питать родственные чувства’ — в других монг. языках не засвидетельствовано; вероятно из крх., чаг. *elgün* ‘народ’, о котором см. Clauson 1972: 121–122. Тунг.-маньч. *elke* ‘осторожный, тихий’, маньч. ‘мир, спокойствие’: соотношение северных и амурских форм по значению и звучанию чрезвычайно напоминает распространение слова из маньч. языка (ср. в частности незакономерные рефлексы кластера типа *rk*). Отметим, что набор эвенкийских форм в ССТМЯ II: 447–448 (непский, баунтовский, т. е. к востоку от Байкала, территориально далеко от возможных маньчжурских контактов) может быть дополнен джелтулакской (приамурской) формой *элкэ* ‘тихий, осторожный’ (Болдырев и др. 2009), что облегчает сценарий заимствования через маньч. язык. Rozyski 1983: 100 полагает источником сев.-монг. *engke* ‘мир, спокойствие’, предположительно произведенное от *elke-n* и, вероятно, измененное под влиянием *eng* ‘самый’. Ср. дагур. *elke* ‘мир, спокойствие, благополучие’ (Тодаева 1986: 139), которое принято считать маньчжуризмом, но, возможно, и наоборот, это архаическая форма монгольского слова, источник маньчжурского. В Rozyski 1994: 68, впрочем, тунг.-маньч. *elke* отнесено к «pre-loan correspondences». Все же надежен только тюркский когнат. Урал. параллель см. в UEW: 73, ПУр. *elä-*, реконструкция в версии Sammalahiti 1988: 536 совпадает. Если брать картвельский когнат в версии ОСНЯ, то соответствие картв. (?) *e* ~ урал. *e* можно сохранить.

3. Примеры сопоставлений, сохраняющих валидность, но демонстрирующие непредусмотренные автором соответствия гласных (в частности, из-за изменения реконструированных вокалических систем в дочерних семьях)

(2) Картв. этимологию см. в ЭСКЯ: 106 (**kač-* ‘человек, мужчина’), KEW: 186. В статье допущена ошибка: второй согласный в картвельском не абруптивный. В МССНЯ: 349 (‘мужчина³ (молодой) **kačl* [с сохранением ошибки в картвельском]) сопоставление тождественно. В ОСНЯ I: 315 сопоставление сохранено, картвельская ошибка исправлена;

в самодийское сравнение введена еще селькупская форма, (по Alatalo 2004: 302) ПСельк. *kečá ‘Кнеcht; батрак, работник’, и урал. праформа восстанавливается как *kaСл. Передний ряд гласных в венг. и мари объясняется влиянием палатального согласного. В UEW: 110 уральская праформа *kaśa ‘young, unmarried man’ также восстанавливается, но в несколько ином составе: марийские формы отвергаются как чувашизм (см. также Bereczki 1992: 89; но с тюркской этимологией чувашского слова имеются фонетические проблемы); остается венгерская форма, к которой добавлена мансийская хот-хйś (КУ) ‘Arbeiter, Knecht’, kuś (Р), хйś (So.) ‘Diener; Bube (im Kartenspiel)’, которая в ОСНЯ I: 316 вслед за З. Гомбоцем трактуется как самодийское заимствование (неплохо и семантически, и фонетически; но Редее отвергает эту гипотезу, высказанную также Т. Лехтисало, по географическим причинам). Передний ряд гласных в венг. и сельк. также объясняется влиянием палатального согласного. Ненецкое сопоставление отвергается «по семантическим причинам». В словаре Янхунена возможность сопоставления с ненецким словом разрушена другим способом: соответствующие самодийские формы проинтерпретированы как ПСам. *kãśã ‘Mann, Mensch’ ? *kãśa ‘Sterblicher’, zu *kãś- ‘sterben’ (SW: 61). Итак, к настоящему моменту в уральском когнате, видимо, сохраняется угорско-селькупская параллель с не вполне ясным вокализмом (прасельк. *e как будто бы не возводится к ПУр. *a, см. соответствия в Sammalahti 1988: 495, 484).

(3) Картвельской этимологии в ЭСКЯ, KEW нет (из-за слабой представленности). Климов (1994: 201) считал груз. слово индоевропеизмом. Ностратическое сопоставление сохранено в МССНЯ: 331 (‘болото’ *la/H/ml), добавлено и.-е. *l/o/Hmo- ‘лужа, болото’ (IEW: 653–654), но картвельская параллель под вопросом. Тот же состав сохранен в ОСНЯ II: 29, реконструкция *LaHm/ul. Алтайская параллель представлена в EDAL: 866 в виде алт. lãtò (~ *a): тунг.-маньч. *lãtu ‘море’, монг. *namug ‘болото, топь, тряси́на’ (ЭСМЯ II: 188; только сев. + Сокровенное Сказание *namurqan* ‘лужа’; можно добавить бурят. *намарга* ‘болото, топь, тряси́на’, (?) халха *намарга* ‘роса на листьях’), добавлено ПЯп. *nãtì ‘волна’. Уральская параллель представлена в UEW: 235 в виде ПУр. *lampre ‘лужа, болото’, но самодийские параллели (те же, что в ОСНЯ) сейчас возводятся к ПСам. *lĩmpã | lĩmpã (SW: 83), так что в ПУр., если следовать за таблицей в Zhivlov 2014: 12, следует восстанавливать первую гласную как *j, а не как *a. Картв. *a ~ алт. *a ~ урал. *j.

(5) Картвельской этимологии в ЭСКЯ, KEW нет (видимо, из-за отсутствия в груз.). В МССНЯ: 334 (‘внутренности’ *qar(w)l) в то же сопоставление добавлен и.-е. *ker(y)- ‘живот’ (балто-слав.: праслав. *červo ‘чрево’, др.-прусс. *kērmens* м. ‘тело, живот’, см. Фасмер IV: 337); картв. под вопросом (несоответствие и.-е. начальной согласной). В ОСНЯ I: 338–340 (*qarb/il ‘живот, внутренности’) это сопоставление сохранено; отмечена неясность неабруптивного начального согласного в картвельском по сравнению с алт. придыхательным. Алтайская параллель в EDAL разделена на алт. *kéra ‘живот’ (тюрк. ‘живот’ + тунг.-маньч. ‘живот’ + ПЯп. ‘тело’, EDAL: 669) и алт. *k`iãrme ‘жир’ (монг. ‘брюшной жир’ + тюрк. ‘брюшной жир’ + тунг.-маньч. ‘жир, сало’, EDAL: 800); статус алтайских восходящих дифтонгов в рамках ностратического сопоставления пока неясен (ср. Dybo 2004: 93–95 о некоторых эффектах на сибилантах). В ОСНЯ объединены драв. *karb- ‘egg, foetus’ и ю.-драв. *kara!- ‘intestines’, которые разделены в DRAVET; семантически напрашивается сопоставление первого из них с и.-е. *g^wrebh- ‘Leibesfrucht, Kind, Junges’ (IEW: 485), звонкость первого согласного не позволяет сравнения с картв. в рамках реконструкции В. М. Иллич-Свитыча. Картв. *a ~ алт. *e (но ср. отклонение первой согласной по придыхательности) ~ ю.-драв. *a.

(6) Картвельской этимологии в ЭСКЯ, KEW нет (видимо, из-за отсутствия параллелей грузинской форме в других языках). В МССНЯ сопоставления нет. В ОСНЯ I: 340–341

восстанавливается ностр. **Qaral* 'скала, крутая возвышенность', где картв. форма приведена под вопросом. Дравидийская параллель сохранена, добавлена алтайская в реконструкции **kira*, оговорены отклонения по вокализму и консонантизму. В настоящее время прадревидийский когнат восстанавливается как **kar-* 'bank; bridge, border' (DRAVET); праалтайский как **kāre* (EDAL: 767) или **k'ïāre*, с нашей поправкой: замена тунгусской параллели на тунг.-маньч. **xiar-* 'осыпь, обрыв': эвенк. *êran* 'осыпь', эвен. *jāri* 'оползающий берег, обрыв' (ССТМЯ I: 291), нан. *siargino* 'горный водопад' (Оненко 1980: 358); таким образом, отклонение по консонантизму (и вокализму?) преодолено. Картв. **a* ~ алт. **ia* ~ драв. **a*.

(7) Картв. этимологию см. в KEW: 324. Сопоставление сохранено в МССНЯ: 343, с реконструкцией *t'ajl'a* 'камень'. В ОСНЯ сравнение отсутствует (поскольку словарь не дошел до этимологий на *Т-); в подготовленной для публикации картотеке В. М. Иллич-Свитыча сохранено с реконструкцией **tajlHa-* 'камень' и добавлением кор. *tōl* в алтайский когнат. Алтайская параллель в настоящее время реконструируется как алт. **tjōlī* 'stone' (EDAL: 1373–1374), с несомненно непридыхательным согласным в анлауте (ср. тунг.-маньч. **žola* 'камень' и ПЯп. *(*d*)isī id.), что не согласуется с реконструкцией тройки смычных по В. М. Иллич-Свитычу; отклоняется и вокализм. Картв. **a* ~ (?) алт. **io*.

(14) Картв. см. в ЭСКЯ: 147, KEW: 264. В МССНЯ: 373 ('язык' **ñan/g/l*) к картвельско-уральскому сопоставлению добавлено и.-е. **dn̥ghū/-dn̥ghū* 'язык' (IEW: 233); уральская реконструкция уточнена как **ñan̥kém* (Collinder 1955: 40). В ОСНЯ сопоставление не вошло; в подготовленной картотеке реконструкция **ñ[a]n̥l* 'язык' (тот же состав, что в МССНЯ + с.-х. **nl̥nl* 'лизать; рот, губа' + камас. *nēni* 'нёбо' как отражающее несuffиксальную урал. форму). Уральскую параллель находим в UEW: 311 в виде **ñan̥kécé* 'твердое нёбо; жабры' (ПУр.: ФУ + самодийские формы, не попавшие в SW: юрак. *ñiñci?*, камас. *nēni*, койб. *ñani*); в реконструкции Саммалаhti (Sammalahti 1988: 488) **ñik̥imi* 'gill, mouth'. Соотношение вокализма, таким образом, по современной реконструкции отклоняется от предложенного. Картв. **a* ~ урал. **i*.

(20) Картв. форма не попала в ЭСКЯ и KEW. См. ОСНЯ I: 17, 263–264 (**älä* 'частица категорического отрицания'; картв. под вопросом; добавлено алт.: монг. **üle*). Урал. параллель присутствует как отдельный вход в Collinder 1955: 4–5, но ее нет в UEW. Ср. Sammalahti 1988: 565: «In prohibitive expressions an **l-* may have occurred, cf. Finnish *älä juo* 'don't drink'». А. Айкио (Aikio 2021: 13–14) полагает, что прохибитив **älä-* ~ **elä-* может быть произведен от отрицательной связки **e-* «с неизвестным словообразовательным суффиксом **-lA-*» (в ОСНЯ, наоборот, предполагается, что вариант **elä-* появляется вторично из **älä-* под влиянием отрицательной связки **e-*). Алт. параллель см. в EDAL 1493 (алт. *ule* (~ **i*); только монг.). Драв. параллель см. в DRAVET: **al-* 'negative morpheme' (DED #234). (?) Карт. **a* ~ (?) урал. *ä* ~ (?) алт. **u* ~ драв. *a*.

Из приведенных примеров, как нам кажется, довольно очевидно, что установление соответствий вокализма между западными и восточными ностратическими языками маловероятно до получения устойчивых реконструкций вокализма восточно-ностратических дочерних систем, в которых, хотя и был достигнут значительный прогресс в последние десятилетия, все же пока остается много неясного. В особенности это касается рефлексии первых гласных основы в условиях различных вторых гласных, не установленной окончательно ни для уральского, ни для алтайского. В алтайской реконструкции возможна значительная модификация с уточнением вторых гласных в пратюркском (что частично выясняется при реконструкции морфонологии) и вокалических соответствий в неодносложных основах в пратунгусоманьчжурском.

Сокращения названий языков

абаз. — абазинский; абх. — абхазский; адыг. — адыгский; аз. — азербайджанский; алт. — алтайский; балк. — балкарский; балто-слав. — балто-славянский; бурят. — бурятский; венг. — венгерский; дагур. — дагурский; диал. — диалектный; др.-прусс. — древнепруссский; ЗК — западно-кавказский; и.-е. — индоевропейский; кавк. — кавказский; калм. — калмыцкий; камас. — камасинский; картв. — картвельский; кирг. — киргизский; койб. — койбальский; кор. — корейский; крх. — караханидско-тюркский; манс. — мансийский; маньч. — маньчжурский; монг. — монгольский; морд. — мордовский; нан. — нанайский; нен. — ненецкий; новоинд. — новоиндийский; ностр. — ностратический; об.-уг. — обско-угорский; ойрат. — ойратский; осет. — осетинский; ПВК — правосточнокавказский; ПЗК — празападнокавказский; ПДрав. — прадравидийский; перм. — пермский; ПН — пранахский; праслав. — праславянский; прибалто-фин. — прибалто-финский; ПСам. — прасамодийский; ПСельк. — праселькупский; ПСК — пра-северокавказский; ПТю. — пратюркский; ПУр. — прауральский; ПЯп. — праяпонский; с.-х. — семито-хамитский; саам. — саамский; самод. — самодийский; сев.-драв. — севернодравидийский; сев.-монг. — северномонгольский; сев.-тунг. — севернотунгусский; тунг.-маньч. — тунгусо-маньчжурский; туркм. — туркменский; ульч. — ульчский; урал. — уральский; ФУ — финноугорский; хант. — хантыйский; чаг. — чагатайский; эвен. — эвенский; эвенк. — эвенкийский; ю.-драв. — южнодравидийский; юрак. — юракский; як. — якутский.

Библиографические сокращения

ОСНЯ I = Иллич-Свитыч 1971; ОСНЯ II = Иллич-Свитыч 1976; ЭСКЯ = Климов 1964; МССНЯ = Иллич-Свитыч 1967; СИГТЯ 2006 = Тенишев и др. 2006; ССТМЯ = Цинциус 1975–1977; ЭСМЯ = Санжеев, Орловская, Шевернина 2015–2016; ЭСТЯ 1997 = Левитская, Дыбо, Рассадин 1997; DED = Burrow, Emeneau 1984; DRAVET = Starostin 2006; EDAL = Starostin, Dybo, Mudrak 2003; IEW = Pokorny 1959; KEW = Fähnrich 2007; NCED = Nikolaev, Starostin 1994; SSA = Itkonen & Kulonen 1992–2000; SW = Janhunen 1977; TMN = Doerfer 1963–1967; UEW = Rédei 1988–1991; VEWT = Räsänen 1969; WP = Walde 1926–1932.

Литература

- Gamqrelize, Tamaz, Givi Mačavariani. 1965. *Sonanṭa siṣṭema da ablauṭi kartvelur enebṣi. saerto-kartveluri ṣṭruṭuris ṭipologia* (Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры). Tbilisi: Mecniereba.
- Аникин, А. Е. 2000. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Москва / Новосибирск: Наука.
- Болдырев, Б. В., Г. В. Быкова, Г. И. Варламова, Т. Е. Андреева, Р. Е. Мальчакитова. 2009. *Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области*. Благовещенск: Изд-во БГПУ.
- Дыбо, А. В. 2007. *Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период*. Москва: Восточная литература.
- Дыбо, А. В. 2017. Праалтайский и ностратический: изменения в реконструкции консонантизма. В кн.: М. Н. Саенко (ред.). *Памяти В. М. Иллич-Свитыча: материалы круглого стола*: 68–92. Москва: Институт славяноведения РАН.
- Иллич-Свитыч, В. М. 1966. Рецензия на Gamqrelize, Mačavariani 1965. *Вопросы языкознания* 4: 125–137.
- Иллич-Свитыч, В. М. 1967. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. В кн.: Л. А. Гиндин и др. (ред.). *Этимология 1965*: 321–373. Москва: Наука.
- Иллич-Свитыч, В. М. 1971. *Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — Ʒ)*. Москва: Наука.
- Иллич-Свитыч, В. М. 1976. *Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (l — ʃ)*. Москва: Наука.
- Климов, Г. А. 1964. *Этимологический словарь картвельских языков*. Москва: Издательство АН СССР.
- Климов, Г. А. 1994. *Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков*. Москва: Наука.
- Климов, Г. А., М. Ш. Халилов. 2003. *Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики*. Москва: Восточная литература.

- Левитская, Л. С., А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. 1997. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ»*. Москва: Языки русской культуры.
- Мачавариани, Г. И. 1964. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях. В кн.: *Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*: 4–5. Москва: Наука.
- Оненко, С. Н. 1980. *Нанайско-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- Санжеев, Г. Д., М. Н. Орловская М. Н., З. В. Шевернина. 2015–2016. *Этимологический словарь монгольских языков. Т. 1-2*. Москва: Институт востоковедения РАН.
- Тенишев, Э. Р. и др. 2006. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка*. Москва: Наука.
- Тодаева, Б. Х. 1986. *Дагурский язык*. Москва: Наука.
- Тодаева, Б. Х. 2001. *Словарь языка ойратов Синьцзяна*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Фасмер, Макс. 1964–1973. *Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах*. Москва: Прогресс.
- Цинциус, В. И. (ред.). 1975–1977. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II*. Ленинград: Наука.
- Шагиров, А. К. 1977. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I (А–Н); Т. II (П–I)*. Москва: Наука.
- Эдельман, Д. И. 2015. *Этимологический словарь иранских языков. Том V*. Москва: Наука.

References

- Aikio, Ante. 2021. Proto-Uralic. In: Marianne Bakró-Nagy, Johanna Laakso, Elena Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic languages*: 3–27. Oxford University Press.
- Alatalo, Jarmo. 2004. *Sölkupisches Wörterbuch: aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae.
- Anikin, A. E. 2000. *Etimologičeskij slovar' russkix dialektov Sibiri. Zaimstvovanija iz ural'skix, altajskix i paleoaziatskix jazykov*. Moscow / Novosibirsk: Nauka.
- Bereczki, Gábor. 1992. *Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Studia Uralo-Altica*. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József Nominata.
- Boldyrev, B. V., G. V. Bykova, G. I. Varlamova, T. E. Andreeva, R. E. Mal'chakitova. 2009. *Slovar' dzheltulakskogo govora evenkov Amurskoj oblasti*. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU.
- Burrow, Thomas, M. B. Emeneau. 1984. *Dravidian Etymological Dictionary. 2nd edition*. Oxford: Clarendon Press.
- Clauson, Gerard. 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.
- Collinder, Bjorn. 1955. *Fenno-Ugric Vocabulary: An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Doerfer, Gerhard. 1963–1967. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I-III*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.
- Dybo, Anna. 2004. Some Peculiarities of Altaic Reflexes of Nostratic Sibilants. In: Irén Hegedűs, Paul Sidwell (eds.). *Nostratic Centennial Conference. The Pécz Papers*: 85–114. Pécz: Lingua Franca Group.
- Dybo, A. V. 2007. *Lingvističeskije kontakty rannix t'urkov. Leksičeskij fond. Prat'urkskij period*. Moscow: Vostochnaja literatura.
- Dybo, A. V. 2017. Praaltajskij i nostraticheskij: izmenenija v rekonstrukcii konsonantizma. In: M. N. Saenko (ed.). *Pam'ati V. M. Illich-Svitycha: materialy kruglogo stola*: 68–92. Moscow: Institut Slav'anovedenija RAN.
- Edelman, D. I. 2015. *Etimologičeskij slovar' iranskix jazykov. Vol. V*. Moscow: Nauka.
- Erdal, Marcel. 2004. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill Publishers.
- Fährnich, Heinz. 2007. *Kartvelisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden / Boston: Brill Publishers.
- Fasmer, Maks. 1964–1973. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Vols. I-IV*. Moscow: Progress.
- Gamkrelidze, Tamaz, Givi Machavariani. 1965. *Sonanṭa siṣtēma da ablauṭi kartvelur enebṣi. saerto-kartveluri sṭruḱṭuris ṭipologia*. Tbilisi: Mecniereba.
- Illich-Svitych, V. M. 1966. Review of: Gamkrelidze, Machavariani 1965. *Voprosy jazykoznanija* 4: 125–137.
- Illich-Svitych, V. M. 1967. Materialy k sravnitel'nomu slovar'u nostraticheskix jazykov. In: L. A. Gindin et al. (eds.). *Etimologija 1965*: 321–373. Moscow: Nauka Publishers.
- Illich-Svitych, V. M. 1971. *Opyt sravnenija nostraticheskix jazykov. Vvedeniye. Sravnitel'nyj slovar' (b — Ḷ)*. Moscow: Nauka.
- Illich-Svitych, V. M. 1976. *Opyt sravnenija nostraticheskix jazykov. Sravnitel'nyj slovar' (l — ṣ)*. Moscow: Nauka.

- Itkonen, Erkki, Ulla-Maija Kulonen (eds.). 1992–2000. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus & Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Janhunen, Juha. 1977. *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki.
- Klimov, G. A. 1964. *Etimologičeskij slovar' kartvel'skix jazykov*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Klimov, G. A. 1994. *Drevnejšije indoevropeizmy kartvel'skix jazykov*. Moscow: Nauka.
- Klimov, G. A., M. Sh. Khalilov. 2003. *Slovar' kavkazskix jazykov. Sopostavlenije osnovnoj leksiki*. Moscow: Vostochnaja literatura.
- Levitskaja, L. S., A. V. Dybo, V. I. Rassadin. 1997. *Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obsh'et'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy «K», «K»*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.
- Machavariani, G. I. 1964. K probleme indoevropejsko-kartvelskix (južnokavkazskix) tipologičeskix paralelej. In: *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologičeskix i etnografičeskix nauk*: 4–5. Moscow: Nauka.
- Nikolaev, S. L., S. A. Starostin. 1994. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk Publishers.
- Nugteren, Hans. 2011. *Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht: LOT.
- Onenko, S. N. 1980. *Nanajsko-russkij slovar'*. Moscow: Russkij jazyk.
- Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II*. Bern / München: Francke Verlag.
- Räsänen, Martti. 1957. *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*. Helsinki: Societas Orientalis Fennica.
- Räsänen, Martti. 1969. *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türkischen Sprachen*. Helsinki: Societas Orientalis Fennica.
- Raun, Alo. 1988. Proto-Uralic Comparative-Historical Morphosyntax. In: Denis Sinor (ed.). *The Uralic Languages. Description, history and foreign influences*: 555–574. Leiden / New York: Brill Publishers.
- Rédei, Károly. 1988. Geschichte der permischen Sprachen. In: Denis Sinor (ed.). *The Uralic Languages. Description, history and foreign influences*: 351–394. Leiden / New York: Brill Publishers.
- Rédei, Károly. 1988–1991. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Rozycki, William. 1983. *Mongol Elements in Manchu. Ph.D. thesis*. Bloomington: Indiana University.
- Rozycki, William. 1994. *Mongol Elements in Manchu*. Bloomington, Indiana: Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies.
- Sammallahti, Pekka. 1988. Historical Phonology of the Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric and Permic. In: Denis Sinor (ed.). *The Uralic Languages. Description, history and foreign influences*: 478–554. Leiden / New York: Brill Publishers.
- Sanzheev, G. D., M. N. Orlovskaja, Z. V. Shevernina. 2015–2016. *Etimologičeskij slovar' mongol'skix jazykov. Vols. 1–2*. Moscow: Institut vostokovedenija RAN.
- Shagirov, A. K. 1977. *Etimologičeskij slovar' adygskix (cherkesskix) jazykov. Vol. I (A–N); Vol. II (P–I)*. Moscow: Nauka.
- Starostin, George. 2006. *Dravidian Etymology*. Database available at: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&basename=data\drav\dravet>.
- Starostin, Sergei A., Anna V. Dybo, Oleg A. Mudrak. 2003. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill Publishers.
- Tenishev, E. R. et al. 2006. *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov. Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo ètnosa po dannym jazyka*. Moscow: Nauka.
- Todaeva, B. Kh. 1986. *Dagurskij jazyk*. Moscow: Nauka.
- Todaeva, B. Kh. 2001. *Slovar' jazyka ojratov Sin'dz'ana*. Elista: Kalmytskoje knizhnoje izdatel'stvo.
- Tsintsius, V. I. (ed.). 1975–1977. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'žurskix jazykov. Vols. I–II*. Leningrad: Nauka.
- Turner, Ralph L. 1962–1964. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Fasc. I–IV*. London: Oxford University Press.
- Walde, Alois. 1926–1932. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Hrsg. u. bearb. von J. Pokorny. Bd. I–III*. Berlin / Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Zhivlov, Mikhail. 2014. Studies in Uralic vocalism III. *Journal of Language Relationship* 12: 113–148.

Anna Dybo. V. M. Illich-Svitych's paper on «Kartvelian vocalism in light of external comparison»: an up-to-date commentary

The analyzed paper by V. M. Illich-Svitych, which was written in 1965, has hitherto remained unpublished by the author. The Nostratic (more accurately, Kartvelian — Eastern Nostratic)

comparanda included therein have mostly been included or planned for inclusion into the author's subsequent publications on Nostratic etymology. In the meantime, over the past decades many of the supposed cognates in daughter languages have received different etymological interpretations. In this up-to-date commentary (print version) we list some of the more obvious examples of such changes that invalidate Illich-Svitych's etymologies, as well as present certain general results of comparison between the system of phonological reconstruction as presented in Illich-Svitych's Nostratic dictionary and the modern day reconstructions of the relevant stems in daughter families, to see how this reflects on the established correspondences between vocalic systems in Proto-Kartvelian and in the families that make up «Eastern Nostratic» (Indo-European, Uralic, Altaic, Dravidian). A more complete analysis of Illich-Svitych's data as a whole is presented in the online supplement to the paper.

Keywords: Proto-Kartvelian language; Nostratic hypothesis; reconstruction of vocalic systems; phonological reconstruction.

Глагольные корни и видовая оппозиция в даргинских языках¹

Для даргинского глагола характерна категория вида (совершенный vs. несовершенный), выражаемая противопоставлением двух вариантов глагольного корня. Варианты, образующие видовую пару, обладают фонологическим сходством, но соотносятся нерегулярным образом. При этом в даргинских языках действуют весьма жесткие ограничения на фонологическую структуру глагольного корня.

В данной работе делается попытка разобраться в формальных особенностях выражения глагольного вида в даргинских языках, построить классификацию глагольных корней с точки зрения выражения вида, исследовать связь структуры корня и словоизменительного класса глагола. В более отдаленной перспективе работа направлена на понимание того, как возникла и сформировалась современная система выражения вида в даргинских языках.

Ключевые слова: даргинские языки; глагольный корень; глагольный вид; развитие категории вида.

1. Предварительные замечания

Для даргинского глагола характерна категория вида, выражаемая противопоставлением двух вариантов глагольного корня. Большинство даргинских глагольных корней образуют видовые пары — корень совершенного вида и корень несовершенного вида. Например, у глагола *baq'ara/biq'ara*² 'услышать/слышать' (муиринский идиом) корень совершенного вида (далее СВ) *CL-aq'*, корень несовершенного вида (НСВ) *CL-iq'*:

(1) a. b-aq'-ib	b. b-iq'-u-li=sa·b·i
N-слышать.PFV-AOR	N-слышать.IPFV-PRS-CVB=COP<N>
'услышал'	'слышит'

Категория вида — в отличие от вида, например, в славянских языках — характеризует не лексемы, а отдельные словоформы и их корни, так как глагольные формы разных видов относятся к одной лексеме. Так, в приведенном примере форма аориста (1a) относится к совершенному виду, форма презенса (1b) — к несовершенному. Некоторые формы могут быть образованы от обоих видов; например, от того же глагола можно образовать две формы оптатива (3 лица):

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22–28–01648. Автор выражает искреннюю признательность коллегам, высказавшим ряд ценных замечаний и советов и указавшим на ряд ошибок и неточностей в нашей работе, — прежде всего анонимному рецензенту журнала «Вопросы языкового родства», а также В. Ф. Выдрину, Т. А. Майсаку и Г. С. Старостину. Отдельно хочется поблагодарить О. А. Мудрака, который поделился с нами языковыми данными, которые он собрал и обработал в ходе работы над книгой (Мудрак 2016). Хотя его данные непосредственно для данного исследования использованы не были, сам труд О. А. Мудрака оказал большое влияние на наши результаты.

² Здесь и далее формы инфинитива приводятся с показателем неличного класса единственного числа (префикс *b-*).

(2) с. b-aq'-ab	d. b-iq'-ab
N-слышать.PFV-ОПТ	N-слышать.IPFV-ОПТ
‘пусть услышит’	‘пусть слышит’

Корни, образующие видовую пару, обладают фонологическим сходством (подробнее см. ниже), но соотносятся нерегулярным образом. Посмотрим, например, на примеры видовых вариантов корней в муиринском идиоме (3).

(3) Муиринский			
Значение	Корень СВ	Корень НСВ	Инфинитив СВ/НСВ
‘находить’	CL-ark:	CL-urk:	b-ark:-ara / b-urk:-ara
‘писать’	CL-elk'	luk'	b-elk'-ana / luk'-ana
‘бросать’	ih ^w	irh ^w	ih ^w -ara / irh ^w -ara
‘ломать’	CL-urʔ	uʔ	CL-urʔ-ara / uʔ-a ¹ ra
‘шить’	CL-ep:	ip:	b-ep:-ara / ip:-ara
‘сеять’	CL-aʔ	CL-alʔ	b-aʔ-ana / b-alʔ-ana
‘измерять’	umc	umc	umc-ara / umc-ara

Ни предсказать форму одного вида по форме другого вида, ни даже определить направление деривации (СВ > НСВ или НСВ > СВ) в общем случае невозможно. Тем более непонятно, как могла возникнуть такая категория.

Семантика категории вида в даргинских языках, насколько нам известно, не изучалась подробно. Ясно, что мы имеем дело с противопоставлением перфектива/имперфектива (Dahl, Viveka Velupillai 2013), которое носит обязательный характер: хотя в даргинских языках есть глаголы, имеющие только один видовой вариант корня (см. ниже), этот вариант всегда однозначно относится к тому или иному виду. Категория вида тесно связана с категорией времени; частично эти отношения носят характер импликаций. Так, формы будущего времени могут быть только несовершенного вида; то же верно для форм презенса. Однако многие другие формы, особенно модальные, легко образуются от корней обоих видов, как оптатив в примере (2).

В этой работе мы делаем попытку разобраться прежде всего в формальных особенностях выражения вида в даргинских языках. В частности, мы постараемся ответить на следующие вопросы:

- одинакова ли система видовых противопоставлений в разных языках даргинской группы?
- какие соотношения корней внутри видовых пар встречаются в даргинских языках и какие из них наиболее частотны?
- можно ли разбить глагольные корни на классы по способу выражения вида?
- есть ли связь между словоизменительным классом глагола и структурой его корня в СВ и НСВ?
- можно ли установить историческое направление деривации внутри видовой пары хотя бы в части случаев? Одинаково ли оно для всех глаголов?

В более отдаленной перспективе работа направлена на понимание того, как возникла и сформировалась современная система выражения вида в даргинских языках. На данном этапе эта цель кажется слишком амбициозной, однако мы все же попытаемся высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Работа устроена следующим образом: в разделе 2 дается необходимая информация о даргинских языках, включая базовые сведения по фонологии и глагольной морфологии. В разделе 3 подробно описываются использованные в исследовании данные, их ис-

точники, а также способы их отбора и представления. Раздел 4 посвящен так называемым «расширителям корня» — особым показателям, след которых сохраняется в корнях и в некоторых словоизменительных глагольных суффиксах современных даргинских языков. В разделе 5 приводится основной результат нашего исследования: информация о классах глагольных корней с точки зрения их формальной структуры. В следующем разделе мы обсуждаем вопрос о том, как исторически могла быть устроена деривация одного вида от другого в разных классах корней. Наконец, в разделе 7 мы предлагаем некоторую гипотезу относительно путей возникновения категории вида в даргинских языках.

2. Исходные сведения

2.1. Общие сведения о даргинских языках

Даргинские языки — это группа близкородственных языков в составе нахско-дагестанской языковой семьи (общее число говорящих превышает 500 тыс. человек). Традиционно на даргинских языках говорят жители селений в центральной части Республики Дагестан; в настоящее время заметная часть говорящих переместилась в города Дагестана и в другие регионы России.

Генетически даргинские языки образуют самостоятельную ветвь нахско-дагестанской семьи (Алексеев 1998; Friedman 2010); наиболее близким к даргинским считают лакский язык. В большинстве лингвистических и учебно-методических публикаций, а также в официальных источниках мы встречаем не даргинские языки, а единый *даргинский язык*, хотя, как правило, упоминается его чрезвычайно сильная диалектная раздробленность. Глубина родства даргинских идиомов (более 2000 лет; см. Коряков, Сумбатова 2007) и степень грамматических и лексических различий между ними дают серьезные основания для того, чтобы говорить о различных даргинских языках. Этот подход, который встречался в ряде работ и раньше (например, в классических грамматиках Услар 1892 и Магомедов 1963 речь идет о хюркилинском и кубачинском языках соответственно), в последнее время становится доминирующим (см., например, Daniel, Dobrushina & Ganenkov 2019). Мы также будем придерживаться этого подхода. При этом мы будем опираться на классификацию даргинских языков из работы Коряков 2021, основанную на данных лексикостатистики³:

(4) Северно-центрально-даргинская группа

Севернодаргинский язык (**акушинское наречие**⁴; урахинское наречие; верхнемулебкинское наречие; мюрего-губденское наречие; мугинское наречие; **кадарское наречие**)

Цудахарский язык

³ Ю. Б. Коряков предлагает считать отдельными языками любые идиомы, имеющие не более 90% совпадающих лексем в стословных списках Сводеша — Старостина (Старостин 2007: 784). Этот подход не всегда хорошо соотносится с социолингвистическими характеристиками даргинских идиомов. Анонимный рецензент привлек наше внимание к более поздней классификации даргинских языков, предложенной в работе Муталов 2021. Однако основания классификации Р. О. Муталова представляются нам в значительной степени произвольными и не вполне последовательными, вследствие чего мы предпочитаем пользоваться работой Ю. Б. Корякова.

⁴ Жирным шрифтом выделены названия идиомов, материал которых будет использован в нашем исследовании, подробнее см. раздел 3.

- Усиша-бутринский язык
- Гапшиминский язык
- Муиринский язык**
- Мегебский язык**
- Южнодаргинская группа
 - Юго-западно-даргинский язык (**тантынское наречие**; сирхинское наречие; верхневуркунское наречие)
 - Санжи-ицаринский язык
 - Санакари-чахрижский язык
 - Амузги-ширинский язык
 - Кубачинский язык**
 - Аштынский язык
- Чирагская группа
 - Чирагский язык**
- Кайтагская группа
 - Кайтагский (хайдакский) язык**
 - Шаринский язык

Свойства даргинских языков в целом типичны для нахско-дагестанской группы; это морфологически эргативные языки с богатой, в основном агглютинативной морфологией, левым ветвлением, свободным порядком слов. Как и большинство нахско-дагестанских языков, даргинские языки обладают системой именных классов и классным согласованием. Они имеют также развитое и своеобразное согласование по лицу/числу. Одна из морфологических особенностей даргинских языков — структура глагольного корня — является предметом данной работы.

Помимо информации о глагольной морфологии, нам понадобятся базовые сведения о фонологии даргинских языков. Система *гласных* в даргинских языках включает четыре «простых» гласных — /i/, /e/, /a/, /u/ — и одну или несколько фарингализованных фонем (в литературном языке, например, есть только фарингализованная /a^h/, в других идиомах фарингализованных гласных может быть от одной до четырех). Признак фарингализации, как кажется, не имеет отношения к проблемам, рассматриваемым в данной работе, поэтому в дальнейшем мы не будем учитывать его в наших рассуждениях. Иначе говоря, в тех случаях, когда мы будем говорить, допустим, о гласных *a* или *u*, мы будем иметь в виду как простые, так и фарингализованные гласные — /a/, /a^h/, /u/, /u^h/⁵.

Типичная даргинская система согласных приведена в Таблице 1 (муиринский идиом). Смычные шумные согласные образуют четверки, противопоставленные по способу образования: звонкий — глухой простой (аспирированный) — глухой геминированный (неаспирированный) — абруптивный, например *b p p' p'*. Группы аффрикат устроены аналогично, но не имеют звонкого элемента (например, *c c' c'*); фрикативные согласные образуют тройки из звонкого, глухого простого и глухого геминированного (*z s s'*). Помимо согласных, приведенных в таблице, в большинстве идиомов, включая муиринский, представлены лабиализованные шумные согласные. В части языков северно-центральной группы, включая даргинский литературный язык, геминированных и лабиализованных согласных нет.

⁵ В некоторых идиомах имеются также долгие гласные. В нашей работе представлено два таких идиома — ицаринский и кубачинский. Долгота ицаринских гласных не влияет на исследуемые в этой работе проблемы. Кубачинские долгие гласные возникают на месте выпавшего согласного *r*, об этом см. подробнее раздел 3.

b p p: p'			m, w
d t t: t'	c c: c'	z s s:	n, l, r
		ž š š:	j
g k k: k'	č č: č'	x x:	
q q: q'	ʁ χ χ:		
ʔ	ħ		
ʔ	h		

Таблица 1. Согласные фонемы муиринского языка

2.2. Структура глагольного корня в даргинских языках

С точки зрения морфологической структуры даргинские глаголы можно разделить на простые и производные. Простые глаголы состоят из корня, который может присоединять классный показатель, и словоизменительных морфем (за исключением префикса отрицания, все словоизменительные морфемы — это суффиксы). Собственно глагольные корни (и, соответственно, простые глаголы) в современных даргинских языках представляют собой закрытый класс (200-250 корней).

Производные глаголы могут образовываться путем присоединения суффикса каузатива или глагольных префиксов (= превербов), которые в большинстве случаев имеют пространственное значение. Кроме того, к числу производных относятся сложные глаголы, которые образуются путем сложения основ и содержат, помимо собственно глагольного корня, еще один корень (точнее, основу), которая всегда располагается слева от глагольного корня.

(5) Тантынский⁶

- корень: *CL-irk* ‘падать’⁷
 простой глагол: *CL-irč-iž*⁸ ‘падать’
 превербный глагол: *gu-ti-CL-irč-iž* ‘проигрывать’ (превербы *gu-* ‘под’ и *ti-* ‘за’)
 сложный глагол: *han-CL-irč-iž* ‘вспоминать’ (корень *han* расположен слева от глагольного корня)

Дополнительная основа в составе сложного глагола может представлять собой основу существительного, прилагательного, числительного, другого глагола, а также идеофон (6). Это также может быть некоторый корень, который не употребляется вне состава сложных глаголов, как корень *han* в примере (5).

(6) Тантынский (Сумбатова, Ландер 2014: 108)

- taman-CL-irq* ‘заканчивать’ < *taman* (существительное) ‘конец’ + *CL-irq* ‘делать’;
haʔdur-CL-irq ‘собирать, готовить’ < *haʔdur* (прилагательное) ‘готовый’ + *CL-irq* ‘делать’;
qeħ-CL-ik ‘кашлять’ < *qeħ* (идеофон) + *CL-ik* ‘говорить’

В даргинских языках действуют довольно жесткие ограничения на фонологическую структуру глагольного корня (о проблеме даргинского глагольного корня см. также Му-

⁶ В примерах (5) и (6) все формы относятся к несовершенному виду, о категории вида см. далее.

⁷ Символы ‘CL-’ здесь и ниже указывают на позицию показателя согласования по именному классу. Полный список сокращений см. в конце работы.

⁸ *CL-ič/CL-irč* получается из *CL-ik/CL-irk* в результате палатализации перед *i*, см. раздел 3.

талов 2002: 13–28; о структуре корня в чирагском языке даргинской группы — Кибрик, Кодзасов 1988; в мегебском языке — Daniel 2018; 2019). Абсолютное большинство корней принадлежат к одному из следующих пяти типов (примеры в (3)):

- (7) AC
 CL-AC
 ARC
 CL-ARC
 RUC,

где С — согласная (кроме сонорных), будем называть ее *опорной*; А — любая гласная; U — узкая гласная (*i* или *u*); R — согласная, принадлежащая к небольшому закрытому классу, чаще всего *r* или *l* (возможны также *w*, *š*, *ž*, *j*, *m*, *n*, *b*)⁹. В дальнейшем мы будем для удобства называть согласную R *сонантом* корня, хотя для части корней такое обозначение неверно (впрочем, корней с «сонантами» *b*, *ž* и *š* немного, см. Таблицу 7 ниже). Большинство корней требуют присутствия перед ними показателя согласования по именному классу, что обозначается у нас символами ‘CL’.

Как было сказано в самом начале, глагольные корни образуют видовые пары, то есть существуют в двух вариантах, противопоставленных по виду (примеры см. в 1 и 3). Как видно из примеров в (3), корни разных видов в составе видовой пары могут отличаться (а) наличием/отсутствием согласной R, (б) местом ее расположения (в начале или в середине корня), (в) выбором гласной и/или (г) наличием классного показателя¹⁰. Опорный согласный С у двух членов видовой пары совпадает. Если у обоих членов видовой пары есть сонант R, то он тоже совпадает.

Некоторые корни не имеют видовой пары (чаще это корни НСВ, редко СВ); например, в тантынском идиоме не имеют видовой пары корни СВ *ag* ‘уйти, случиться’ и ? ‘сказать’ (корень нестандартной структуры); корни НСВ: *ic*: ‘болеть’, *CL-ic*: ‘работать’, *CL-is*: ‘плакать’, *CL-ax* ‘идти’, *итс* ‘искать’. Встречаются также корни, в которых СВ и НСВ совпадают, например *итс* ‘мерить, измерить’ (СВ и НСВ).

Ниже мы цитируем глагольные корни в двух вариантах через косую черту (СВ/НСВ); если цитируется только один элемент видовой пары (или если глагол имеет только один вариант корня), то рядом с ним в скобках указывается вид. Например (муиринский): *CL-ark*:/*CL-urk*: ‘находить’, *CL-ik*:/*luk*: ‘давать’, *CL-is*: (НСВ) ‘плакать’. За исключением специально оговоренных случаев, указывается наличие у корня слота для классного показателя.

3. Материал исследования

В нашем исследовании представлено девять даргинских идиомов, а именно: литературный даргинский язык, созданный на базе акушинского диалекта и близкий к нему; кадарский; мегебский; муиринский; тантынский; ицаринский; чирагский; кайтагский. Наши девять идиомов, как показывает классификация Ю. Б. Корякова (4), представляют все ветви даргинской группы: литературный, кадарский, мегебский и муиринский пред-

⁹ Мы приняли эти обозначения вместо более стандартного V для гласных для удобства запоминания и произношения структур глагольных корней, так как в дальнейшем (начиная с раздела 3) эти структуры будут выступать как названия классов корней.

¹⁰ Описание средств выражения категории даргинского вида представлено в работах Мусаев 1980: 30–35 и Муталов 2002: 51–63.

ставляют северно-центральные даргинские языки; тантынский, ицаринский и кубачинский — южнодаргинские языки; чирагский и кайтагский образуют отдельные ветви даргинской группы. Акушинский и кадарский классифицируются как наречия севернодаргинского языка; кадарский идиом, однако, находится под сильным влиянием кумыкского языка и отличается очень своеобразной морфологией, поэтому вполне заслуживает отдельного рассмотрения. Ицаринский идиом является одним из вариантов санжи-ицаринского языка.

Хотя даргинский литературный язык представляет собой идиом, искусственно созданный в 20-е годы XX века, мы позволили себе использовать словарь литературного языка, посчитав, что он может представлять акушинский диалект или, шире, группу близкородственных диалектов севернодаргинского языка. Чтобы убедиться в этом, мы сопоставили словарь литературного языка (Юсупов 2017) с акушинским словником из работы van den Berg 2001: 263–322 и обнаружили практически полное совпадение тех глагольных лексем, которые были представлены в словнике.

Часть использованных нами данных получена в ходе полевых исследований, часть взята из ранее опубликованных работ¹¹. Все источники перечисляются ниже:

- даргинский литературный язык — словарь Юсупов 2017, содержащий около 40000 слов и выражений; для сверки использовался также словарь Абдуллаев 2017;
- кубачинский язык — словарь Магомедов, Саидов-Аккутта 2017, около 7000 слов;
- тантынский идиом — словник из работы Сумбатова, Ландер 2014 с некоторыми дополнениями, всего около 1400 лексем, в том числе около 450 глаголов;
- ицаринский идиом — словник из работы Sumbatova, Mutalov 2003 и словник, собранный Р. О. Муталовым (Mutalov 2020), всего около 1100 лексем, 320 глаголов;
- кадарский идиом — словарь, собранный Н. А. Вагизиевой (неопубликован), объемом около 1800 лексем, включая 666 глаголов; частично пересекается с данными в работе Вагизиева 2018;
- чирагский язык — использован список глагольных лексем из работы Кибрик, Кодзасов 1988, содержащий 220 лексических значений (число чирагских лексем больше из-за возможности нескольких способов передачи одного значения);
- мегебский язык — словарь, собранный экспедициями НИУ ВШЭ (Musaev, Morozova, Daniel 2020), около 1100 лексем, примерно 290 глаголов;
- муиринский язык — полевые данные, собранные в 2018—2021 году в экспедициях РГГУ¹²; всего около 1400 лексем, в том числе около 390 глаголов;
- кайтагский язык — словарь Гасанова 2011, около 4300 лексем¹³.

¹¹ Наш набор языков пересекается с материалом О. А. Мудрака (Мудрак 2016), где использованы данные семи даргинских идиомов: литературного, урахинского, мегебского, ицаринского, кайтагского, кубачинского, чирагского. Однако конкретные источники данных у О. А. Мудрака другие (см. Мудрак 2016: 6–7), за исключением чирагского и частично ицаринского. В частности, О. А. Мудрак не имел возможности пользоваться большими словарями литературного и кубачинского языка (Юсупов 2017; Абдуллаев 2017; Магомедов, Саидов-Аккутта 2017), которые ко времени создания его работы еще не вышли.

¹² Руководитель экспедиций — Н. Р. Сумбатова; в сборе данных участвовали (в алфавитном порядке): Олег Валиулин, Софья Гайдученко, Маргарита Иванова, Иван Калякин, Виктория Позднякова, Александр Ряпосов, Елена Сокур, Софья Ярошевич. Особенно большой вклад внесли Виктория Позднякова и Диана Пчелинцева.

¹³ В аннотации указано, что словарь содержит 7000 лексем, однако по нашим подсчетам их существенно меньше. Кроме того, в этом словаре глаголы даны только в одном виде. Для части из них в словаре можно найти пару, для других нет. Из-за этого многие кайтагские корни представлены у нас только в одном виде.

Для каждого идиома мы рассматривали все глагольные корни, которые встретились в указанных словарях и словниках. Большая часть корней обнаруживается в составе простых глаголов, однако есть и такие корни, которые встречаются исключительно в составе провербных и/или сложных глаголов. Например, корень *CL-иq/CL-иlq* зафиксирован во всех рассмотренных идиомах в составе разнообразных глаголов движения (8), однако в большинстве из них не используется как корень простого глагола.

- (8) Кадарский (глаголы цитируются в форме инфинитива СВ)
dura-CL-иq-as ‘выходить, выступать’
galhad-CL-иq-as ‘спускаться, идти вниз’
pars-CL-иq-as ‘прыгать’
xare-CL-иq-as ‘приземляться’
duc’-CL-иq-as ‘бежать’

В нашей базе учтены как корни простых глаголов, так и те собственно глагольные корни, которые в составе простых глаголов не зафиксированы.

Всего в девяти языках выборки обнаружено более 300 различных глагольных корней, среди которых мы выделили компаративные серии (см. ниже). Большинство корней обнаруживается в нескольких языках. В то же время довольно много корней не образуют компаративных серий, так как либо эти корни засвидетельствованы только в одном-двух языках выборки, либо отношения родства между ними не устанавливаются достаточно надежно. Поэтому в базу данных для предлагаемого исследования мы включили только 170 компаративных серий. Мы опирались на следующие критерии отбора: (1) корень должен быть засвидетельствован не менее чем в трех языках выборки и (2) родство корней в составе серии должно быть достаточно надежным. Наблюдения, обобщения и гипотезы, которые излагаются в разделах 4–7, сделаны на основании этих 170 серий. С полным вариантом базы можно ознакомиться в онлайн-приложении к статье по адресу: jolr.ru/jlr20/sumbatova.zip.

При установлении родства глагольных корней мы опирались на фонологический состав корней (в обоих видах) и на их значение. Эта процедура требует некоторых комментариев.

Во-первых, мы учитывали действие синхронных фонетических и морфонологических правил. Во многих языках выборки действует синхронное правило палатализации, в соответствии с которым велярные шумные фонемы /k/, /k:/, /k’/, /g/, /x/, /x:/ перед гласными переднего ряда заменяются на /č/, /č:/, /č’/, /ž/, /ž:/, /š:/ соответственно. В примерах (9) и (10) сопоставляются формы деепричастия настоящего времени и аориста в двух идиомах — тантынском (где происходит палатализация перед показателем аориста *-ib*) и кадарском, где палатализации в аналогичных формах нет:

- (9) Тантынский
a. ka-b-irk-u-le	ka-b-ič-ib
DOWN-N-падать.IPFV-PRS-CVB	DOWN-N-падать.PFV-AOR
‘падая’	‘упал’
b. ka-b-irx-u-le	ka-b-iš-ib
DOWN-N-класть.IPFV-PRS-CVB	DOWN-N-класть.PFV-AOR
‘кладя’	‘положил’
c. ka-b-irg-u-le	ka-b-iž-ib
DOWN-N-садиться.IPFV-PRS-CVB	DOWN-N- садиться.PFV-AOR
‘садясь’	‘сел’

(10) Кадарский

a. kar k-u-le	ka- jk -ib
DOWN+M+падать.IPFV-PFV-CVB	DOWN-(M)падать.PFV-AOR
‘падая’	‘упал’
b. b-ir x-u-le	b- ix -ib
N-класть.IPFV-PRS-CVB	N-класть.PFV-AOR
‘кладя’	‘положил’
c. b-ir g-u-le	b- arg -ib
N-находить.IPFV-PFV-CVB	N-находить.PFV-AOR
‘находя’	‘нашел’

Замена велярного согласного на переднеязычный не является признаком СВ, так как в других формах СВ от тех же корней палатализация не происходит, ср., например, оптатив СВ от того же глагола *CL-ik/CL-irk* ‘падать’ в тантынском идиоме: *b-ik-ab* ‘пусть упадет’. Корни, подверженные действию палатализации, представлены в базе в виде их основного, непалатализованного алломорфа.

Во-вторых, мы учитывали результат сравнительно недавних фонетических изменений, характерных для отдельных языков выборки. Фактически речь идет о двух процессах: выпадении *r* в кубачинском и выпадении некоторых опорных согласных в языках северно-центрально-даргинской группы.

В кубачинском языке согласный *r* регулярно выпадал в позиции после гласного перед согласным, оставляя после себя долготу гласного. В результате корням, которые в большинстве даргинских идиомов имеют сонант *r* и соответственно структуру (CL-)ArC, в кубачинском соответствуют корни без сонанта, но с долгим гласным, ср. тантынские и кубачинские глаголы в (11). Кубачинские корни с долгим гласным мы рассматриваем как аналоги корней с сонантом *r*.

(11) Тантынский

a. b-erc' -iž	/	b-uc'-iž	Кубачинский	b-ec' -i(j)	/	b-uc'-i(j)
N-жарить.PFV-INF		N-жарить.IPFV-INF		N-жарить.PFV-INF		N-жарить.IPFV-INF
‘печь, жарить’				‘печь, жарить’		
b. b-arq' -iž	/	b-irq'-iž	b-a:q' -i(j)	/	b-i:q'-i(j)	
N-делать.PFV-INF		N-делать.IPFV-INF		N-делать.PFV-INF		N-делать.IPFV-INF
‘делать’				‘выполнять, делать’		
c. b-ac -iž	/	b-alc-iž	b-as -i(j)	/	b-als-i(j)	
N-пахать.PFV-INF		N-пахать.IPFV-INF		N-пахать.PFV-INF		N-пахать.IPFV-INF
‘пахать’				‘пахать’		

Еще один, менее регулярный процесс — выпадение опорных согласных *g*, *ʔ* и *h* в некоторых языках северно-центрально-даргинской группы. В нашей выборке это литературный, кадарский и муиринский идиомы (подробно об этом явлении в муиринском см. Сумбатова 2021). В результате этого процесса некоторые корни вместо структуры (CL-)ARC или (CL-)AC имеют структуру (CL-)AR или даже (CL-)A (примеры в Таблице 2). Таким корням мы приписываем «исходную» структуру с опорным согласным.

В-третьих, из трех фонем, которые максимально может содержать корень, при установлении родства мы в первую очередь опирались на соответствия опорных согласных *C*, в меньшей степени на соответствия гласных. Мы исходили из предположения, что гласные и сонанты могут оказаться средством выражения аспектуального значения и представлять собой след исторически существовавших морфем, выбор которых мог не

	Литературный		Тантынский	
	Корень	Инфинитив	Корень	Инфинитив
‘знать’	CL-ah / CL-al	b-ah-es / b-al-es	CL-aχ / CL-alχ	CL-aχ-iž / CL-alχ-iž
	Муиринский		Тантынский	
	Корень	Инфинитив	Корень	Инфинитив
‘сидиться’	CL-i / CL-ir	ka-CL-era (< ka-CL-i-ara) / ka-CL-ir-ara	CL-ig / CL-irg	b-iž-iž / CL-irž-iž
‘видеть’	CL-a / CL-i	či-CL-ara (< či-CL-a-ara) / či-CL-era (< či-CL-i-ara)	CL-ag / CL-ig	CL-až-iž / CL-iž-iž
‘оставаться’	al / ul	kal-ana (< ka-al-ana) / ka-wl-ana (< ka-ul-ana)	elg / ulg	k-alž-iž / k-ulž-iž

Таблица 2. Примеры корней структуры (CL-)AR и (CL-)A (литературный и муиринский на фоне тантынского)

совпадать даже для близкородственных языков. Поэтому не исключено, что родственные корни имеют не соответствующие друг другу гласные и/или сонанты.

В действительности при составлении нашей базы выяснилось, что, как правило, и гласные, и сонанты так же регулярно соотносятся в языках выборки, как и опорные согласные. Однако все же встретились случаи, когда в корнях, которые мы сочли родственными, между гласными или сонантами нет регулярных соответствий:

(12) Расхождение сонантов

- a. ‘делить’: литературный, муиринский, тантынский, ицаринский *CL-ut’/CL-urt’ (r)*, но кадарский *CL-ut’/CL-ult’ (l)*
- b. ‘уствовать’: кадарский, литературный, муиринский *CL-ams/CL-ums*, тантынский *CL-ams:/CL-ums: (m)*, но ицаринский, чирагский *CL-arc:/CL-urc: (r)*

(13) Расхождение гласных

- a. ‘резать’: ицаринский *CL-ič:/CL-irč*, кубачинский *CL-ič:/CL-ič: (i/i)*, но мегебский *CL-erč/CL-urč (e/u)*
- b. ‘драться, ссориться’: литературный, тантынский *CL-a^h/CL-ir^h*, ицаринский *CL-a^h/CL-i^h (a/i)*, но муиринский *CL-i^h/CL-ir^h (i/i)*

Что касается значений, приписываемых тем или иным корням, то следует признать, что в большом числе случаев значения в базе представлены неточно. У этого обстоятельства несколько причин. Во-первых, в большей части наших данных значения описаны недостаточно подробно. Качественные описания семантики есть только в больших словарях литературного и кубачинского языка; для остальных идиомов мы располагаем, как правило, только одним или несколькими переводными эквивалентами некоторого даргинского глагола. Во-вторых, часть глагольных корней обычно или всегда употребляется только в составе превербных или сложных глаголов, так что значение корня как такового вычленяется с трудом.

Сознавая неточность описания значений в нашей базе, мы объединили в компаративные серии только те корни, значение которых совпадало или было очень близко (например, ‘резать’ — ‘стричь’, ‘стрелять’ — ‘попадать в цель’, ‘ругаться’ — ‘драться’ — ‘воевать’ и т. п.). Из этого, в частности, следует, что для некоторых корней мы, возможно, не нашли серию, к которой они относятся, из-за чего объем наших данных несколько меньше, чем мог бы быть.

4. «Расширители корня» и их корреляция с сонантом корня

В большинстве даргинских языков некоторые грамматические значения могут выражаться при помощи двух или трех разных показателей (суффиксов), распределенных лексически. В первую очередь это относится к категории аориста (прошедшего времени совершенного вида), который в большинстве языков маркируется одним из следующих четырех суффиксов: *-ib*, *-ub*, *-ur*, *-un*.

(14) Тантынский

b-arč:-ib	b-iχ-ub	b-at-ur	b-elč'-un
N-находить.PFV-AOR	N-становиться.PFV-AOR	N-оставлять.PFV-AOR	N-читать.PFV-AOR
‘нашел’	‘бросил’	‘оставил’	‘прочитал’

Суффикс *-ub* является фонетическим вариантом суффикса *-ib* в позиции после лабиализованного согласного, ср. формы аориста и инфинитива СВ в тантынском: *CL-iχ-ub* ‘стал’ — *CL-iχ^w-iž* ‘стать’, но *abχ-ib* ‘расчесал’ — *abχ-iž* ‘расчесать’. Даже если в каком-то языке это правило уже не действует синхронно, оно имело место исторически. Поэтому мы будем говорить о трех показателях аориста — *-Vb* (соответствует *-ib* и *-ub*), *-ur*, *-un*.

Наряду с показателями аориста, в даргинских языках есть и другие лексически распределенные показатели, маркирующие некоторое грамматическое значение, но все такие показатели, насколько это известно, коррелируют с показателями аориста (Таблица 3 ниже). Противопоставление лексически распределенных морфем позволяет говорить о существовании трех словоизменительных классов (спряжений) даргинского глагола. Глагольные формы, в которых выражено противопоставление глаголов по словоизменительным классам, будем называть *диагностическими*¹⁴ (примеры в 15abc).

Подчеркнем, что далеко не все грамматические формы глагола выражаются с помощью двух или трех разных показателей, многие формы (или даже большинство из них) имеют только один показатель, то есть диагностическими не являются. Например, показатель оптатива *-ab* сочетается со всеми глагольными корнями в обоих видах (15de).

(15) Тантынский: аорист, деепричастие презенса, 3 л. будущего времени (переходные глаголы), оптатив

a. b-arč:-ib	ha-b-iq'-ur	b-elč'-un
N-находить.PFV-AOR	UP-N-жечь.PFV-AOR	N-читать.PFV-AOR
‘нашел’	‘зажег’	‘прочитал’
b. b-urč:-u-le	ha-b-ilq'-u-le	b-uč'-un-ne
N-находить.IPFV-PRS-CVB	UP-N-жечь.IPFV-PRS-CVB	N-читать.IPFV-PRS-CVB
‘находит’	‘зажигает’	‘читает’
c. b-urč:-u	ha-b-ilq'-u	b-uč'-a
N-находить.IPFV-TH	UP-N-жечь.IPFV-TH	N-читать.IPFV-TH
‘найдет’	‘зажжет’	‘прочитает’
d. b-ark:-ab	ha-b-iq'-ab	b-elč'-ab
N-находить.PFV-OPT	UP-N-жечь.PFV-OPT	N-читать.PFV-OPT
‘пусть найдет’	‘пусть зажжет’	‘пусть прочитает’

¹⁴ Диагностическими принято называть формы некоторой лексемы, по которым можно восстановить всю ее словоизменительную парадигму. Мы употребляем этот термин несколько шире, применяя его ко всем формам, имеющим лексически мотивированные показатели. Всю глагольную парадигму можно восстановить только по тем из них, где противопоставлено три показателя (аорист и любые формы, находящиеся с ним в одно-однозначном соответствии).

e. b-urk:-ab	ha-b-ilq'-ab	b-uč'-ab
N-находить.IPFV-ОПТ	UP-N-жечь.IPFV-ОПТ	N-читать.IPFV-ОПТ
‘пусть находит’	‘пусть жжет’	‘пусть читает’

Сам набор диагностических форм и маркирующие их показатели варьируют по даргинским языкам, однако наиболее частотными формами такого типа являются формы аориста, императива (СВ), а также формы будущего времени (в некоторых идиомах соответствующие им формы имеют значение настоящего общего времени или совмещают значения настоящего общего и будущего). Встречаются также случаи, когда лексически противопоставленные показатели представлены в основе презенса (производным от нее является деепричастие презенса, образующее в сочетании со связкой форму настоящего времени) и/или хабитуального прошедшего.

В некоторых случаях показатели диагностических форм различаются согласными в своем составе. Так, показатели аориста во многих даргинских языках — это *-un*, *-ur*, *-Vb*; в ряде языков есть частично сходные с ними показатели императива непереходных глаголов (например, в ицаринском: *-in*, *-ir*, *-i*). Те же согласные мы видим в суффиксах *-an* и *-ar*, представленных в форме 3 лица будущего времени, а в некоторых языках (в нашей выборке это муиринский и кайтагский) — в показателях инфинитива *-ana* и *-ara*, и т. д. Однако бывает, что в диагностических показателях представлен только согласный *n* (например, основа презенса в тантынском имеет показатели *-u* и *-un*) или же они вовсе не содержат согласных, как, например, тематические элементы¹⁵ 1 и 2 лица: либо *-a* (у глаголов с аористом на *-un*), либо *-u/-i*¹⁶ (у всех остальных глаголов).

Часть диагностических показателей представлена в Таблице 3. Пустым клеткам таблицы соответствуют формы, отсутствующие в некотором языке или не являющиеся диагностическими¹⁷.

	аорист			императив СВ			будущее время (непереходные глаголы, 3 л.)			будущее время (переходные глаголы, 3 л.)			инфинитив		основа презенса	
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1+2	3	1+2	3
литературный	-Vb	-ur	-un	-i/-a ¹⁸	-i	-en	-ur, -ar	-an		-u	-a					
мегебский	-Vb	-ur	-un													
муиринский	-Vb ¹⁹	-ur	-un	-i/a		-in							-ara	-ana		
тантынский	-Vb	-ur	-un	-e/a		-en	-ar		-an	-u		-a			-u	-un
ицаринский	-Vb	-ur	-un	-i/a	-ir	-in	-ar		-an							
кайтагский	-iw	-ur	-un				-u	-ar	-an				-ara	-ana	-u	-un
кубачинский	-e/-aj	-ij	-in	-e/a	-ij	-in	-u	-u	-an	-a	-a(j)	-an			-u	-un

Таблица 3. Показатели диагностических словоформ

¹⁵ Тематические элементы — это суффиксы, следующие непосредственно за основой в формах будущего времени, условного наклонения и некоторых других. Их особенность в том, что они выбираются в зависимости от соотношения лица и числа аргументов глагола, а также от его словоизменительного класса.

¹⁶ Распределены в зависимости от соотношения лиц субъекта и объекта.

¹⁷ В абсолютном большинстве случаев диагностические морфемы коррелируют между собой, как это проиллюстрировано в Таблице 3. Однако есть немногочисленные случаи, когда корреляция нарушена; см. раздел 6.4.

¹⁸ Здесь и далее в Таблице 3 показатели, данные через косую черту, выбираются в зависимости от переходности глагола (непереходный/переходный).

¹⁹ В муиринском идиоме, помимо суффиксов *-ib* и *-ub*, в эту клетку попадает суффикс *-aʃ*.

В (16)-(17) приводятся примеры диагностических форм из ицаринского и муиринского идиомов, см. также примеры в (15) выше.

(16) Ицаринский: аорист и императив СВ

a. kejž-ib DOWN+M+садиться.PFV-AOR 'сел'	ag-ur уходить.PFV-AOR 'ушел'	b-elk'-un N-писать.PFV-AOR 'написал'
b. kejž-i DOWN+M+садиться.PFV-IMP 'сядь'	až-ir уходить.PFV-IMP 'уйди'	b-elk'^w-in N-писать.PFV-IMP 'напиши'

(17) Муиринский: аорист и инфинитив СВ

a. b-arč:-ib N-находить.PFV-AOR 'нашел'	w-ams-ur M-уставать.PFV-AOR 'устал'	b-elč'-un N-читать.PFV-AOR 'прочитал'
b. b-ark:-ara N-находить.PFV-INF 'найти'	w-ams-ara M-уставать.PFV-INF 'устать'	b-elč'-ana N-читать.PFV-INF 'прочитать'

Диагностическими являются также все формы, производные от других диагностических форм. Например, во многих даргинских языках от основы аориста путем присоединения атрибутивного показателя образуются причастия, которые наследуют от аориста лексически распределенные показатели:

(18) Тантынский

b-arč:-ib-se N-находить.PFV-AOR-ATR 'найденный'	ha-b-iq'-ur-se UP-N-жечь.PFV-AOR-ATR 'зажженный'	b-elč'-un-se N-читать.PFV-AOR-ATR 'прочитанный'
--	---	--

Можно предположить, что противопоставление показателей в диагностических формах наследует какой-то сегментный признак глагольных корней, существовавший в период, когда эти показатели возникали. Это могла быть финальная часть корня или, возможно, какой-то показатель, непосредственно следовавший за корнем²⁰. О. А. Мудрак называет соответствующие формативы «расширителями основы» (Мудрак 2016: 74) и выдвигает предположение о том, что в протодаргинском существовало два расширителя, *-n* и *-r*. Мудрак не разбирает современные морфемы, возникшие под влиянием расширителей основы, и упоминает лишь показатели инфинитива *-ara* и *-ana*, а также «причастный аффикс *-n* в противопоставлении с *-b* и *-r* формами в северных языках» (Мудрак 2016: 74). По-видимому, имеются в виду показатели, которые мы разбираем здесь как показатели аориста, — во многих идиомах формы аориста могут выступать и в роли причастий. Поэтому можно заключить, что глаголы с *n*-расширителями, по Мудраку, — это наши глаголы с показателем аориста *-un* (в Таблице 3 колонки с номером 3), а глаголы с *r*-расширителями — это глаголы с аористами на *-ur* и *-Vb* (колонки с номерами 1 и 2).

Важное наблюдение, которое сделано в работе О. А. Мудрака (2016: 72–79), — связь расширителя корня с корневым сонантом: сонанту *l*, как правило, соответствует расширитель корня *-n*, а сонанту *r* — расширитель *-r*. Соответственно, в современных языках глаголы с корневым сонантом *l* имеют аорист на *-un* и другие диагностические морфемы,

²⁰ В предисловии к словарю Nikolaev, Starostin 1994: 86–89 предлагается следующая реконструкция структуры правосточнокавказского глагольного корня: *(H)V(R)CV(R). Если принять эту реконструкцию, то даргинские расширители корня восходят к двум финальным элементам корня V(R).

показанные в Таблице 3 в колонках с номером 3 (часть из них содержит согласный *n*). Глаголы с сонантом *r* имеют диагностические суффиксы с согласным *r*, например, инфинитив на *-ara* в муиринском и кайтагском.

Наши данные показывают, что корреляция корневых сонантов и диагностических морфем действительно существует, однако имеет несколько более сложный характер, чем показано в работе Мудрака, прежде всего потому, что глаголы образуют три словоизменяемых класса, а не два (хотя в ряде форм различия между двумя из этих классов действительно нейтрализуются). При этом достаточно многочисленны только глаголы с сонантами *r* и *l*, прочие сонанты встречаются сравнительно редко, так что количественные данные по ним менее надежны. В нашей базе наблюдаются следующие корреляции:

- (19) сонанту *r* соответствует аорист на *-Vb*, реже на *-ur*,
 сонанту *m* соответствует аорист на *-ur*,
 сонанту *l* соответствует аорист на *-in*, редко на *-ur*,
 глаголы, не имеющие корневого сонанта ни в одном виде, имеют аорист на *-Vb*

Немногочисленные глаголы с сонантом *b* имеют аорист на *-Vb*, глаголов с *š* слишком мало для обнаружения корреляций. Исключения из правил (19) есть, однако их немного; полные количественные данные для нашей базы приводятся в Таблице 4²¹. Темным цветом заштрихованы клетки, соответствующие наиболее прототипическим случаям, светлым — клетки с наиболее заметными группами корней, отклоняющимися от прототипа. Знаком “*” обозначено отсутствие сонанта.

Мы примем подход и терминологию Мудрака, то есть будем говорить о *расширителях корня*, но будем исходить из того, что на протодаргинском уровне расширителей корня было три и что они соответствовали современным показателям аориста (а также императива и других диагностических форм). Обозначим три расширителя как Ø (нулевой расширитель), R и N (показаны в шапке Таблицы 4). Называя один из расширителей нулевым, мы не имеем в виду, что он в действительности не имел никакого сегментного выражения: пока мы не можем ничего об этом сказать. Этим названием мы хотим подчеркнуть следующие обстоятельства: во-первых, во многих грамматических формах происходит нейтрализация форм с расширителями Ø и R, причем в части этих форм выбираются показатели с согласной *r*. Во-вторых, нулевой расширитель является самым частотным. В-третьих, нулевой расширитель характерен для абсолютного большинства глаголов, не имеющих сонанта ни в одном из видовых вариантов, то есть комбинируется с «нулевым» сонантом.

Объясняя корреляцию сонантов и расширителей корня, О. А. Мудрак предположил, что «перед опорным согласным ранее присутствовал некий глайдовый элемент, который впоследствии ассимилировался по качеству сонанту «расширителя» основы» (Мудрак 2016: 75), то есть происходило преобразование *VHT-*r*²² > “VrT-*r*, *VHT-*n* > “VnTn). Затем в основах типа VnTn происходила диссимилиация, и структуры типа VnTn преобразовывались в VITn (“VnTn > “VITn).

Объяснения О. А. Мудрака представляются нам убедительными, но не вполне достаточными. Во-первых, как уже отмечено, в ряде форм противопоставляются не два, а три лексически распределенных показателя, и распределение между ними подход О. А. Мудрака не объясняет. Расширителю корня R в его модели соответствуют два раз-

²¹ Таблица 4 показывает сонанты, характеризующие компаративные серии, то есть большинство глаголов в каждой серии. Распределение сонантов в отдельных идиомах в целом такое же. См. также раздел 5.1.

²² Символом Н обозначен исходный сонант корня (обозначения О. А. Мудрака).

Сонант		Кол-во глаголов	Показатель аориста (расширитель корня)			
СВ/НСВ	-Vb		-ur	-un	непослед. ²³	
	∅		R	N		
*	*/*	19	18	0	1	0
š	š/š	3	2	1	0	0
b	b/b	6	6	0	0	0
m	m/m	8	0	8	0	0
r	(все варианты)	70	55	10	1	4
	r/r	25	16	8	0	1
	*/r	19	17	1	0	1 (ur/Vb)
	r/*	26	22	1	1	2 (Vb/ur/un)
l	(все варианты)	38	2	2	34	0
	l/l	16	0	0	16	0
	*/l	21	2	2	17	0
	l/*	1	0	0	1	0
непослед.	*/l или */r (в разных языках)	5	0	4	0	1 (Vb/un)
Всего		149	83	25	36	5

Таблица 4. Сонанты и диагностические морфемы²⁴

личных показателя аориста (-ur и -Vb), а в ряде языков также два показателя императива и других глагольных категорий.

Во-вторых, сонанты *r*, *l* могут присутствовать как в обоих видах, так и в одном виде, причем для сонанта *l* допустим только один вариант: отсутствие сонанта в СВ при наличии его в НСВ (всего одно исключение в Таблице 4). Это не так для всех прочих сонантов: если они представлены в глаголе, то обязательно в обоих видах. Эти факты в работе О. А. Мудрака объясняются за счет постулирования разных исходных сонантов, как показано в Таблице 5: * \dot{H} в корнях, где сонант присутствует только в НСВ, * $\overset{\circ}{H}$ в корнях, где сонант присутствует только в СВ, * \ddot{H} в корнях, где сонант присутствует в обоих видах.

инфикс	perf.	impf.	гласный в impf.
*-0-	-0-	-0-	-i-
*- \dot{H} -	-0-	-L-	-i-
*- $\overset{\circ}{H}$ -	-L-	-0-	-u-
*- \ddot{H} -	-L-	-L-	-u-
*-b-	-b-	-b-	-u-
*-m-	-m-	-m-	-u-
*-T-	-T-	-T-	-u-

Таблица 5. Сонанты корня и гласные имперфектива в даргинских языках (Мудрак 2016: 74)²⁵

²³ В этой колонке показаны глаголы, у которых показатели аориста (расширители корня) существенно расходятся по языкам выборки.

²⁴ В таблице не показаны одновидовые глаголы, имеющие только формы НСВ, так как для них нехарактерны формы аориста. Поэтому общее число глаголов в таблице 149, а не 170.

²⁵ Символом L О. А. Мудрак обозначает сонанты {r, l}.

Независимо от фонологической природы сонантов, постулируемых в глагольных корнях (ее мы не обсуждаем), нам кажется, что объяснения различий между членами видовой пары следует искать скорее в области морфологии, чем фонологии, — по крайней мере стоит сделать такую попытку.

В системе даргинских глаголов много форм, которые с помощью одинаковых показателей образуются от основ обоих видов — это означает, что в огромном числе случаев фонологическое окружение корней СВ и НСВ идентично. В оставшихся формах также нет очевидных различий фонологических контекстов, в которых оказывается корневой сонант в СВ и НСВ (см., например, словоформы в 15).

Мы пока не видим никаких факторов, которые могли бы вызвать падение сонанта в одном виде при сохранении его в другом. Конечно, можно предположить, что существовали какие-то факторы, которые в современных языках полностью или почти полностью утрачены. Например, имеет смысл обратиться к ударению. Действительно, в ряде современных даргинских идиомов есть противопоставление ударения в формах СВ и в части форм НСВ: в СВ ударение лексическое (чаще всего на корне), в НСВ оно переходит на слог, следующий за корнем (Абдуллаев 1954: 61–71; Шахбанова 2011; Сумбатова, Ландер 2014: 114–117; Сулайбанов, Сумбатова 2022). Хотя в современных языках, где зафиксировано это явление, ударение в диагностических формах не сдвигается (Сумбатова, Ландер 2014: 114–117), вполне возможно тем не менее, что ударение или другие, еще менее очевидные факторы влияли на фонологическую структуру глагольных корней. Однако с еще большей уверенностью можно утверждать, что поскольку два варианта корня выражают разные грамматические значения, то морфологические факторы должны были присутствовать. Категория или категории, соответствующие современной категории вида, в процессе своего формирования наверняка имели другой статус и другую интерпретацию, однако не могли не иметь каких-либо средств маркирования.

В следующем разделе, где дается описание корней нашей базы, мы будем также обсуждать соотношение сонантов и расширителей корня. Для простоты — в тех случаях, когда это непринципиально, — вместо собственно расширителей корня мы будем говорить о показателях аориста. Мы будем возвращаться к проблеме расширителей корня в разделе 6.

5. Классы глагольных корней с точки зрения соотношения СВ/НСВ

5.1. Разметка базы данных

Мы разметили все глагольные корни нашей базы данных по следующим простым параметрам:

1. структура корня в СВ и НСВ с учетом наличия слота классного согласования
2. гласные в СВ/НСВ
3. сонанты в СВ/НСВ (*r, l, m, b, š*²⁶, отсутствие сонанта)
4. показатель аориста, который присоединяет данный корень (аналог расширителя корня).

Например, у тантынского глагола ‘падать’ в (9а) структура CL-URC/CL-UC, гласные *i/i*, сонант *r/**, нулевой расширитель корня (показатель аориста *-Vb*).

²⁶ Другие сонанты встретились лишь в отдельных языках и не оказались основными ни для одной серии.

Корни, существующие только в одном видовом варианте, точно так же размечены в одном виде.

Для конкретного корня конкретного языка подобная разметка представляет собой тривиальную задачу. Гораздо менее тривиален ответ на вопрос о том, в какой степени возможно приписать определенный признак целой компаративной серии. Прежде всего нас интересовала собственно структура корней.

Рассмотрим, например, глаголы в примере (20).

- (20) а. ‘связывать, привязывать’: литературный, кадарский, мегебский, муиринский, кайтагский, ицаринский *CL-ih/CL-ilh*; чирагский, тантынский, кубачинский *CL-iχ/CL-ilχ*
- б. ‘тнить, портиться’: литературный, мегебский, муиринский *CL-erh/CL-uh*; кадарский *CL-erh/uh*; тантынский, ицаринский *CL-erʔ/CL-uʔ*; чирагский *CL-arʔ/CL-urʔ*
- с. ‘красить’: литературный *CL-erx/rurx*; тантынский *CL-erx:/rurx:*; ицаринский *CL-erx:/rux:*; кубачинский *CL-e:š:/juš:*; кайтагский *CL-erx* (СВ)
- д. ‘давать’: кайтагский *CL-ek:/luk:*, кадарский, мегебский *g/lug*, ицаринский *CL-īk:/lūk:*; муиринский, *CL-ik:/luk:*, *ilk:*, чирагский *CL-ik:/ik:*; тантынский *k:*, *CL-ik:/luk:*; кубачинский *CL-ič:/luč:*

В (20а) структура глагольного корня *CL-AC/CL-ARC* во всех языках; в (20б) шесть языков из семи имеют структуру корня *CL-ARC/CL-UC*, и только в чирагском соответствующий корень имеет структуру *CL-ARC/CL-URC*. Корень глагола ‘красить’ в (20с) представлен всего в пяти языках выборки; при этом в двух из них (литературном и тантынском) он имеет структуру *CL-VRC/RURC* (структура *RURC* в НСВ является нестандартной и не отражена в (7)); в двух других языках (ицаринском и кубачинском) структура этого корня — *CL-VRC/RUC*; кайтагский корень представлен только в СВ. Наконец, корень глагола ‘давать’ в (20д) демонстрирует максимальное разнообразие структур: в кайтагском, ицаринском и кубачинском *CL-AC/RUC*; в муиринском структура та же, но в НСВ есть также вариант *URC*; в тантынском есть нестандартный вариант в СВ (корень, состоящий из одной согласной *C*, см. 5.2); в кадарском и мегебском СВ также состоит из одной согласной (*C/RUC*); в чирагском СВ отличается от НСВ только наличием классного показателя (*CL-AC/AC*).

Данные нашей базы показывают, что, как правило, корни, входящие в одну компаративную серию, имеют и одинаковую структуру²⁷. Из 170 серий в базе более чем у половины (94 корня) фонологическая структура, а следовательно, и способ противопоставления видов совпадает во всех языках, где эти корни зафиксированы. Для большинства остальных корней отмечается не более одного-двух отклонений. Наибольшее количество отклонений от стандарта отмечено в кубачинском²⁸, мегебском и ицаринском идиомах. Кайтагские данные невозможно оценить из-за того, что для большого числа корней в словаре дается только один вид.

²⁷ В работе Муталов 2002: 51–63 отмечено, что категория вида в даргинских языках не показывает существенных диалектных расхождений, в отличие от большинства других грамматических категорий.

²⁸ Количество отклонений в кубачинском, видимо, несколько завышено из-за особенностей словаря: как отмечено выше, в кубачинском корневой сонант *r* исчезал, оставляя после себя долготу гласного. В соответствии с нашими правилами, мы приписываем корням с долготой структуру *(CL-)VRC*. В целом словарь Магомедов, Саидов-Аккутта 2017 отражает долготу, однако не всегда последовательно, так что для части корней она может оказаться неотмеченной. В этом случае структура, приписанная соответствующим корням в базе, может оказаться ошибочной.

Из всех признаков, по которым могут противопоставляться видовые варианты, наиболее подверженным колебаниям оказывается наличие или отсутствие метатезы (эта проблема рассматривается в разделе 6.2).

С точки зрения диахронии совпадение структуры корней СВ и НСВ во всех или в большинстве представленных языков, очевидно, означает, что противопоставление, аналогичное нынешнему, в основном существовало уже на протодаргинском уровне. Для нашего исследования это, кроме того, означает, что для каждой компаративной серии можно зафиксировать способ противопоставления вариантов СВ и НСВ и приписать этот способ (=основной вариант) всей серии и тому историческому корню, который она представляет. В частности, корням, представленным в (20a) и (20b), мы можем приписать структуры CL-AC/CL-ARC и CL-ARC/CL-UC соответственно.

В нескольких компаративных сериях отмечены существенные расхождения структуры корня (как в 20d) или представлены две структуры в равном или почти равном количестве, как в (20c). В таких случаях (всего это 11 компаративных серий) мы будем считать, что данный корень не имеет основного варианта структуры.

Аналогичным образом выяснилось, что в большинстве случаев компаративным сериям можно также приписать и прочие признаки: гласные корня, сонант корня, расширитель корня. При этом мы учитывали регулярные фонетические соответствия и известные нам фонетические изменения, характерные для отдельных идиомов. Например, кубачинские корни с долгой гласной размечены как корни с сонантом *r*. Корни севернодаргинских языков, синхронно имеющие структуру CL-A или CL-AR, размечены как CL-AC и CL-ARC соответственно (см. раздел 3)²⁹. В тех случаях, когда в пределах серии идиомы существенно различались по какому-либо признаку, это специально отмечалось (в таблицах указано «непослед.»).

Например, корни, представленные в примере (20), имеют признаки, указанные в Таблице 6 (информация о расширителе корня взята из базы данных).

	Значение	Структура	Гласные	Сонанты	Расширитель корня
(20a)	‘связывать, привязывать’	CL-AC/CL-ARC	<i>i/i</i>	<i>*/l</i>	N (- <i>un</i>)
(20b)	‘гнить, портиться’	CL-ARC/CL-UC	<i>e/u</i>	<i>r/*</i>	Ø (- <i>Vb</i>)
(20c)	‘красить’	непослед.	<i>e/u</i>	<i>r/r</i>	R (- <i>ur</i>)
(20d)	‘давать’	непослед.	непослед.	<i>*/l</i>	Ø (- <i>Vb</i>)

Таблица 6. Разметка корней в базе (примеры).

5.2. Классы глагольных корней

В результате полной разметки и сравнения всех глаголов базы по указанным признакам выяснилось, что в глагольных корнях допускается меньшее разнообразие гласных, сонантов и показателей аориста, чем это теоретически допустимо.

Напомним, что в нашей базе 170 компаративных серий глагольных корней, из которых 149 являются двувидами. Как выяснилось, большинство глаголов (153) может быть отнесено к одной из нескольких сравнительно больших групп (строки 1–9 в Таблице 7). Эти группы, а также глаголы, не попавшие в группы, перечислены и проиллюстрированы ниже в этом разделе.

²⁹ Вероятно, часть регулярных соотношений мы не учли, так как не все они полностью ясны.

	Структура корня: СВ/НСВ ³⁰	Кол-во глаголов	Классное согласование	Гласные	Сонанты	Показатели аориста
1	ARC/URC	37	+/+, -/-	<i>a/u, e/u, a/i</i>	любые	любые (-ur, -un, -Vb)
2	AC/UC	14	+/+, -/-	<i>a/i</i>	*	-ib
3	ARC/RUC	11	+/-	<i>e/u (a/u)</i>	<i>l</i>	-un
4	AC/ARC	41	+/+, -/-	любые	<i>l, r</i>	любые
5	URC/UC	13	+/- (+/+)	<i>i, u</i>	<i>r</i>	-Vb
6	ARC/UC	13	+/+ (+/-)	<i>e/u</i>	<i>r</i>	-Vb
7	URC/URC	7	+/+, +/-, -/-	<i>i, u</i>	<i>r, m, š</i>	-Vb
8	AC	10	+	<i>i, u</i>	*	-Vb (-un, -ur)
9	ARC	7	+	<i>u</i>	любые	различные
10	UC/UC	3	+/+, +/-	<i>i</i>	*	-Vb
11	AC/URC	2	+/+	<i>a/i</i>	<i>r</i>	-Vb
12	С (НСВ)	1	-	*	*	-Vb
13	прочие	11				
Всего		170				

Таблица 7. Классы глагольных корней в даргинских языках (выражение вида)

Ниже приводятся примеры глагольных корней из каждой группы и краткие комментарии к ним.

Группа ARC/URC (37 серий)

У корней этой группы (строка 1 в Таблице 7) видовое противопоставление выражается чередованием гласных, сонант присутствует в обоих видах, метатезы не происходит. Группа ARC/URC — одна из двух самых больших в нашей базе. У большинства глаголов в этой группе классный показатель представлен в обоих видах (25 глаголов), у остальных 12 глаголов классный показатель в обоих видах отсутствует, то есть наличие классного согласования для выражения видового противопоставления не используется.

Чередование гласных в корнях этого типа — это чередование широкого гласного (*a* или *e*) в СВ с узким гласным (*u*, реже *i*) — в НСВ³¹. Из четырех теоретически допустимых вариантов таких чередований в действительности зафиксированы три — *a/u, e/u, a/i*, которые встречаются в сопоставимых количествах. Сонанты и показатели аориста в этой группе корней могут быть любые. Примеры корней приводятся в (21).

(21) корни группы ARC/URC

- a. ‘распухать’: литературный *CL-emd/CL-umd*; муиринский, тантынский *CL-emt:/CL-umt*; ицаринский *CL-ebt:/CL-ubt*; кайтагский *CL-ewt*: (СВ)
- b. ‘открывать(ся)’: кайтагский *awx/iwx*; литературный, кадарский, мегебский *abx/ibx*; муиринский *abx/ebx*; чирагский, тантынский *abx:/ibx*:
- c. ‘находить’: муиринский, кайтагский, тантынский, ицаринский *CL-ark/CL-urk*; кадарский *CL-arg/CL-irg*; литературный, мегебский *CL-arg/CL-urg*; чирагский *CL-ujk/CL-ujk*:

³⁰ Без учета слота для классного показателя.

³¹ В кубачинском языке на месте гласной *e* других языков регулярно выступает *i* (в части случаев), в этих корнях представлено чередование двух узких гласных *i/u*, см. корень *ilχ:^w/ulχ:* ‘погибать’ в Таблице 10.

- d. 'сгибать(ся)': литературный, муиринский, тантынский *CL-alk'/CL-ulk'*; кубачинский *CL-a^llk'/CL-u^llk'* (ицаринский *CL-a^llk'/luk'*)³²
- e. 'тнить': тантынский *CL-a^šq'/CL-u^šq'*; ицаринский *CL-a^šk'/CL-u^šk'* (литературный *CL-ušq'/CL-ušq'*)

Группа AC/UC (14 серий)

Эта группа объединяет глаголы, также выражающие вид при помощи чередования, но при этом не имеющие сонанта ни в одном виде. Классный показатель (как и в корнях ARC/URC) либо присутствует в обоих видах, либо отсутствует также в обоих видах. Остальные признаки демонстрируют полное единообразие: гласные во всех глаголах *a/i*, суффикс аориста всегда *-Vb*.

(22) корни группы AC/UC

- a. 'преодолевать': кайтагский, литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, ицаринский, чирагский, кубачинский *aq/iq*
- b. 'мазать': литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, ицаринский, кайтагский, кубачинский *CL-ak/CL-ik* (чирагский *CL-ik/CL-irk*)

Группа ARC/RUC (11 корней)

Эта небольшая группа — единственная, в которой происходит метатеза. В СВ всегда есть классный показатель, в НСВ его нет и не может быть, так как позицию перед гласной, в которой мог бы располагаться классный показатель, занимает сонант. Одновременно наблюдается и чередование гласных. В этой группе, как и в предыдущей, наблюдается исключительное единообразие всех признаков: чередующиеся гласные, за единственным исключением, всегда *e/u*, сонант всегда *l*, суффикс аориста всегда *-un*.

(23) корни группы ARC/RUC

- a. 'варить(ся)': литературный, кадарский, муиринский *CL-elx/lux*; чирагский *CL-elx:^w/lux*; тантынский, ицаринский *CL-elx:/lux*; кайтагский *CL-elx* (СВ) (мегебский *CL-erx/CL-urx*)
- b. 'писать': литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, чирагский, ицаринский, кайтагский *CL-ek'/luk'*
- c. 'собирать'³³: кайтагский, литературный, кадарский, ицаринский, кубачинский *CL-alc'/luc'* (муиринский *CL-alc'/CL-ulc'*)

Группа AC/ARC (41 серия)

В корнях этой группы, самой большой в нашей базе, сонант отсутствует в СВ, присутствует в НСВ, в обоих видах представлена одна и та же гласная. Как и в группах ARC/URC и AC/UC, большая часть корней (33) имеет слот для классного показателя в обоих видах, остальные корни (их 7) в обоих видах классного показателя не имеют.

В корнях группы AC/ARC встретились только сонанты *l* (25 раз) и *r* (16 раз), при этом отмечены все диагностические суффиксы. Что касается гласных, то в этой группе

³² Здесь и далее в примерах в скобках даны корни, структура которых отклоняется от основного варианта серии.

³³ Этот глагол имеет чередование *a/u* и представляет собой единственный случай в данной группе, где чередование гласных отличается от *e/u*.

встретились гласные *a*, *i*, *u*, причем если в присутствии сонанта *l* возможны разные гласные (хотя и с заметным преобладанием *a*), то сонант *r* сочетается почти исключительно с узкими гласными³⁴.

Очевидным средством маркирования видовой оппозиции в корнях AC/ARC является наличие/отсутствие сонанта, однако направление исходной деривации (от СВ к НСВ или наоборот) пока неясно.

(24) корни группы AC/ARC

- a. 'падать': кайтагский, литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, ицаринский *CL-ik/CL-irk*
- b. 'привязывать': литературный, кадарский, мегебский, муиринский, кайтагский, ицаринский *CL-ih/CL-ilh*; чирагский, тантынский, кубачинский *CL-iχ/CL-ilχ*
- c. 'двигаться': кайтагский, литературный, кадарский, мегебский, муиринский, чирагский, тантынский, ицаринский, кубачинский *CL-uq/CL-ulq*

Группа URC/UC (13 серий)

Эта сравнительно небольшая группа устроена зеркальным образом по отношению к предыдущей: здесь сонант присутствует в СВ и отсутствует в НСВ. Группа отличается единообразием: все корни имеют в СВ сонант *r* и присоединяют показатель аориста *-Vb*; все глаголы имеют узкий гласный (*i* или *u*). 11 глаголов из 13 имеют классный показатель в СВ и не имеют в НСВ, оставшиеся два имеют класс в обоих видах.

(25) корни группы URC/UC

- a. 'дойть': литературный, кадарский, мегебский *CL-irz/iz*; кайтагский, чирагский, тантынский, ицаринский *CL-irc/ic* (муиринский *CL-erc/ic*)
- b. 'вонзать, втыкать': кадарский *CL-urh/uh*; ицаринский *CL-u^rχ:/u^hχ:*; кубачинский *CL-u^hχ:/CL-u^hχ:*; кайтагский *CL-urχ:* (СВ)

Группа ARC/UC (13 серий)

Эта группа похожа на предыдущую тем, что сонант присутствует только в СВ, однако отличается от нее в двух отношениях: во-первых, гласная корня чередуется, во-вторых, классный показатель присутствует в обоих видах. Как и предыдущая, эта группа довольно однородна: гласные в ней всегда *e/u* (нет ни одного исключения), а сонант — почти исключительно *r* (единственное исключение — глагол 'читать' (26с)). В отличие от всех ранее перечисленных корней, в корнях этой группы одновременно используется инфиксация и чередование.

(26) корни группы ARC/UC

- a. 'тнить, портиться': литературный, кадарский, мегебский, муиринский *CL-erh/uh*; чирагский *CL-arʔ/CL-urʔ*; тантынский, ицаринский *CL-erʔ/CL-uʔ*; кайтагский *CL-erʔ* (СВ)
- b. 'рвать; косить': литературный *CL-erd/ud*; кайтагский, муиринский, чирагский тантынский, ицаринский *CL-ert:/ut*; кубачинский *CL-et:/CL-ut*
- c. 'читать': литературный, кадарский, муиринский, тантынский, ицаринский *CL-elč'/CL-uč'* (мегебский *CL-elč'/CL-luč'*; кубачинский *CL-ilč'/luč'*; кайтагский *CL-elč'/CL-ulč'*)

³⁴ Единственное исключение — нерегулярный глагол *ag/arg* 'уходить; становиться', который в части языков не имеет НСВ.

Группа URC/URC (7 серий)

Эта небольшая группа внешне напоминает группу ARC/URC, однако корни СВ и НСВ в ней совпадают (в двух случаях из семи видовые варианты корней различаются наличием классного показателя). Слишком малое число глаголов не позволяет формулировать значимые обобщения относительно прочих параметров.

(27) корни группы URC/URC

- a. 'подметать': кадарский *CL-išk^w/išk^w*; мегебский, муиринский, тантынский *CL-ušk/ušk*; литературный *CL-ušk/(CL-)ušk*; чирагский *CL-ušk:/ušk*
- b. 'искать': кайтагский, кадарский *umc'* (СВ); литературный, тантынский *umc'/umc'*; ицаринский *ibc'* (НСВ); кубачинский *CL-umc'/CL-umc'*
- c. 'жать': литературный, кадарский *CL-irx/CL-irx*; мегебский *irx/irx*; тантынский, чирагский, ицаринский *CL-irx:/irx*

Группы AC и ARC

Последние две заметные группы объединяют корни, существующие только в НСВ. 10 таких корней имеют структуру AC; 9 из них имеют классный показатель. Почти во всех (одно исключение) корневого гласный узкий (*i*, *u*). Еще 7 глаголов имеют структуру ARC (5 имеют классный показатель). В шести сериях из семи корневого гласный *u*, в одной *i*.

(28) корни групп AC и ARC

- a. 'спать': муиринский, кайтагский, тантынский, кубачинский *CL-us*; литературный, кадарский, мегебский *CL-us* (чирагский *CL-is:/CL-ils*);
- b. 'хотеть': литературный, мегебский *CL-ig*; кадарский *d.ig³⁵*; муиринский, тантынский, кайтагский, чирагский, ицаринский, кубачинский *CL-ik*;
- c. 'играть': кайтагский *CL-iw?*; литературный, кадарский *CL-umh*; ицаринский *CL-ub?*; кубачинский *CL-u'm?*

Прочие корни

Оставшиеся корни (всего 17) не образуют больших групп. Для большинства этих корней характерны существенные расхождения по языкам.

Три корня (строка 10 в Таблице 7) имеют совпадающие СВ и НСВ (UC/UC), то есть сходны с корнями группы URC/URC, но не имеют сонанта (29)). Классный показатель присутствует либо только в СВ, либо в обоих видах. Гласный везде *i*.

(29) корни структуры UC/UC

- a. 'бить': кадарский, кубачинский *CL-it/CL-it*; литературный, чирагский, тантынский, ицаринский *CL-it/it*
- b. 'зажигать': кайтагский, чирагский, ицаринский, кубачинский *CL-ik:^w/ik:^w*; кадарский, мегебский, литературный *CL-ig/ig*; тантынский *CL-ik:/ik*; муиринский *CL-ek:/ik*
- c. 'держатъ, хранитъ': кадарский, литературный *CL-ih/CL-ih*; тантынский *CL-iχ*: (НСВ)

Еще два корня (строка 11 в Таблице 7) имеют сонант только в НСВ и одновременно чередование гласных, аорист *-Vb*.

³⁵ В кадарском исходный корень *CL-ig* утратил классное согласование, показатель неличного множественного класса *d-* склеился с корнем *d-ig > dig*.

(30) корни AC/URC

- a. ‘драться, сражаться’: литературный, тантынский $CL-a^{\hbar}/CL-ir^{\hbar}$; муиринский $CL-ih/CL-ir^{\hbar}$; ицаринский $CL-a^{\hbar}/CL-ih$
- b. ‘ударять’: кадарский, мегебский, литературный, тантынский $CL-a^{\acute{q}}/CL-ir^{\acute{q}}$; ицаринский $CL-a^{\acute{q}}/CL-u^{\acute{q}}$; кайтагский $CL-a^{\acute{q}}$ (СВ); муиринский $CL-a^{\acute{q}}/CL-a^{\acute{q}}$; кубачинский $CL-a^{\acute{q}}/CL-u^{\acute{q}}$

Пять глаголов в части языков имеют в НСВ структуру $rurC$; три из них двувидовые ($CL-erC/rurC$ или $CL-arC/rurC$), два имеют только НСВ. Большинство таких корней присоединяют суффикс аориста $-ur$. Структура $rurC$ неустойчива, в этих корнях много расхождений между языками.

(31) корни, имеющие НСВ $rurC$ (полный список)

- a. ‘пилить’: литературный, тантынский $CL-er\check{c}/rur\check{c}$, муиринский $CL-er\check{c}/CL-ur\check{c}$, ицаринский $er\check{c}/ru\check{c}$, кубачинский $CL-e\check{c}/CL-u\check{c}$
- b. ‘изучать’: литературный $CL-a^{\acute{r}q}/rur^{\acute{r}q}$, тантынский $CL-erq/ru^{\acute{r}q}$; ицаринский $CL-a^{\acute{r}q}/ru^{\acute{q}}$
- c. ‘красить’: литературный $CL-erx/rurx$; тантынский $CL-erx/rurx$, кайтагский $CL-erx$ (СВ); ицаринский $CL-erx/rux$; кубачинский $CL-e\check{s}/ju\check{s}$
- d. ‘дрожать’: кайтагский, муиринский, тантынский, ицаринский $rur\check{c}$: (НСВ); кадарский, мегебский, литературный $rur\check{z}$, кубачинский $ju\check{c}$
- e. ‘кипеть’: литературный, муиринский $rurq$ (НСВ), чирагский iq/iq ; тантынский $rurq/rurq$ (СВ и НСВ), ицаринский ruq

Еще два корня — ‘шить’ и ‘убегать, спасаться’ — не удается отнести к той или иной группе, так как их структура расходится по языкам выборки (хотя в целом регулярна).

- (32) a. ‘шить’: кадарский ib/ib ; мегебский $CL-erb/ib$, литературный $CL-irb/ib$; муиринский $CL-ep/ip$
- b. ‘убегать, спасаться’: литературный $CL-erc/uc$; муиринский, тантынский $CL-erc/CL-urc$, кубачинский $CL-e:s/CL-us$; ицаринский erc/ruc ; кайтагский, кадарский (СВ) $CL-erc$

Глагол ‘сказать’ (строка 12 в Таблице 7) во многих языках имеет только корень СВ, который состоит из одной согласной $?$. В ряде языков фонема $/ʔ/$ реализуется как фонетический нуль перед гласной в начале слова и между гласными. В последнем случае ее присутствие распознается по отсутствию стяжения гласных.

- (33) ‘сказать’³⁶: кадарский, мегебский, литературный, чирагский, тантынский, кубачинский $?$ (СВ), ицаринский $CL-iʔ/CL-ir$

Оставшиеся четыре глагола — это частотные и при этом нерегулярные глаголы, у которых один из членов видовой пары (чаще НСВ) состоит из одного согласного C . Эти глаголы неоднородны — вплоть до того, что в одной компаративной серии корень структуры C в разных языках представлен в разных видах (34), поэтому мы не склонны считать, что они образуют единую группу.

³⁶ Глагол ‘сказать’ во многих языках имеет только корень СВ, который состоит из одной согласной $?$. В ряде языков фонема $/ʔ/$ реализуется как фонетический нуль между гласными и перед гласной в начале слова. В последнем случае ее присутствие распознается по отсутствию стяжения гласных.

- (34) нерегулярные глаголы, имеющие в одном из видов корень структуры С
- ‘нести’: кайтагский *CL-uq:/iq;*; муиринский *CL-uq:/q;*; чирагский *CL-arq;*, *CL-uq;*, *sa-q:/CL-iq;*; тантынский *CL-q;*, *q:/CL-iq;*; ицаринский, кубачинский *CL-uq:/CL-iq;*
 - ‘вести’: кайтагский *CL-uk* (СВ); кадарский *CL-uk/k;* мегебский *k/(i)k;* литературный *k*, *CL-uk/CL-ik*, муиринский *CL-uk/CL-ik*, *(ar-)k;* чирагский *CL-erk* (СВ); тантынский *CL-uk/k*, *CL-ik;* ицаринский *CL-uk/CL-ik;* кубачинский *č/CL-ič*
 - ‘идти, уходить’: кадарский *uq'/q';* мегебский *CL-a'q';* литературный *CL-uq'/q';* чирагский *CL-uq' (sa-q')* (НСВ); тантынский *CL-q', q'* (НСВ); кубачинский *CL-u'q'* (СВ)
 - ‘давать’: кайтагский *CL-ek:/luk;* кадарский, мегебский *g/lug*, ицаринский *CL-ik:/lūk;* муиринский, *CL-ik:/luk;*, *ilk;* чирагский *CL-ik:/ik;* тантынский *k;*, *CL-ik:/luk;*; кубачинский *CL-ič:/luč;*

Таким образом, мы убедились, что варьирование признаков, различающих видовые варианты корней в даргинских языках, ограничено довольно жесткими рамками и что большая часть глагольных корней (точнее — видовых пар) образует сравнительно большие однородные группы. В следующем разделе мы постараемся выдвинуть некоторые гипотезы относительно направления деривации в различных типах глагольных корней и обсудить возникающие при этом проблемы.

6. Попытка интерпретации

В разделе 5 мы перечислили и проиллюстрировали все структуры глагольных корней, зафиксированных в нашей базе, а также описали пределы варьирования различных элементов этих структур — наличие/отсутствие классного согласования, выбор гласных, наличие и выбор сонанта, сочетаемость с определенными диагностическими суффиксами. Ниже мы постараемся обобщить эти сведения и построить гипотезы относительно способа и направления аспектуальной деривации внутри различных групп корней.

6.1. Корни, выражающие вид при помощи чередования гласных

Первый большой класс глагольных корней — это корни, у которых СВ и НСВ различны, но при этом одинаково сложны: сонант и классный показатель либо присутствуют, либо отсутствуют в обоих видах, а видовое противопоставление выражается чередованием гласных. В этот класс попадают корни структуры ARC/URC (примеры 21) и AC/UC (22), а исторически, по-видимому, также группа с метатезой ARC/RUC, как мы постараемся показать в разделе 6.2.

В группах ARC/URC и AC/UC средством выражения вида является чередование широкого vs. узкого гласного в корне: в группе ARC/URC чередуются *a/u*, *e/i* или *a/i*, в группе AC/UC — только *a/i*. В корнях типа AC/UC сонантов нет, а показатель аориста всегда *-Vb*. В группе ARC/URC представлены все сонанты, в принципе допустимые в глагольных корнях, в том числе *m*, *b*, *š*. Диагностические суффиксы также максимально разнообразны. Ни сонанты, ни диагностические морфемы в противопоставлении видов не участвуют.

Связь диагностических суффиксов с сонантом просматривается очень четко: в корнях типа ARC/URC сонанты *b*, *l*, *m* встречаются только с одним суффиксом каждый — это *-Vb*, *-un* и *-ur* соответственно; сонант *r* обычно сочетается с показателем *-Vb*, но в этой группе допустим также и с *-ur* (Таблица 8).

Сонант	Показатель аориста	Кол-во корней	
r/r	-Vb	12	18
	-ur	5	
	непослед.	1	
b/b	-Vb	6	6
l/l	-un	5	5
m/m	-ur	7	7
š/š	-ur	1	1
	Всего	37	37

Таблица 8. Соотношение сонантов и окончаний аориста в корнях типа ARC/URC

Сонант	Гласная СВ	Гласная НСВ	Кол-во корней	
r/r	a	i	6	18
	a	u	6	
	e	u	4	
	непослед.	непослед.	2	
b/b	a	i	2	6
	a	u	1	
	e	u	3	
l/l	a	u	3	5
	непослед. (a, e)	u	2	
m/m	a	u	3	7
	e	u	4	
š/š	a	u	1	1
/	a	i	14	14
	Всего		37	37

Таблица 9. Соотношение сонантов и гласных в корнях типа ARC/URC и AC/UC

Синхронно чередование гласных в корнях типа ARC/URC и AC/UC выглядит как эквивалентная оппозиция, но исторически одна видовая основа скорее всего образовалась от другой. Каких-то очевидных правил предсказания гласной одного из видов на основании свойств другого вида построить пока не удастся. О. А. Мудрак (2016: 76) отмечает, что независимым является только гласный СВ, тогда как гласный в корне НСВ определяется сонантом корня, как это показано в Таблице 5 в разделе 4 (последние четыре строки). Таблица 5 предсказывает гласный *u* в НСВ всех корней типа ARC/URC и гласный *i* в НСВ корней AC/UC.

Наши данные не совсем подтверждают это предсказание: из 37 корней ARC/URC в нашей базе 8 имеют чередование *a/i* (например, корень 'открывать(ся)' в примере 23b). Что касается корней без сонантов, то для них предсказание Мудрака выполняется, но

для этих корней однозначно предсказываются гласные и в СВ, и в НСВ, так что направление деривации определить опять не удастся.

Тем не менее мы склонны согласиться с мнением Мудрака и осторожно предполагаем, что деривация в данном случае шла от СВ к НСВ, причем средством выражения НСВ было сужение исходной гласной (далее в этой статье мы будем исходить из этого предположения). Для заметного числа корней этой группы гласная в НСВ действительно определяется по сонанту корня: все корни с сонантами *l* и *m* имеют в НСВ *u* (при этом в СВ может быть как *a*, так и *e*), все корни без сонантов (группа АС/УС) имеют чередование *a/i*, и только для корней с сонантами *r* и *b* допустимы как *u*, так и *i* (причем *u* явно преобладает). Кроме того, связь именно узких гласных с выражением НСВ заметна и в других группах корней.

6.2. Корни с метатезой

Глагольные корни с метатезой сонанта имеют в НСВ структуру RUC, точнее, *luC* (строка 3 в Таблице 7, примеры 23)³⁷. Наличие или отсутствие метатезы — это параметр, для которого сравнительно часто наблюдается варьирование по языкам: глаголы, имеющие корень СВ вида (CL-)elC или (CL-)alC, в одних языках имеют корень НСВ структуры *luC*, а в других — корень НСВ (CL-)ulC. В зависимости от того, какой вариант чаще встречается в отдельных языках, соответствующие серии попадают у нас либо в группу ARC/URC, либо в группу ARC/RUC. Например, глаголы ‘оставаться’ и ‘наладить, нарядить’ (35), попали в группу ARC/URC, так как в большинстве языков, где представлены эти корни, метатезы не происходит, в отличие от глаголов ARC/RUC в примере (23) выше.

- (35) а. ‘оставаться’: кайтагский *alg/ulg*; кадарский, мегебский *alʔ/ulʔ*; литературный *al/ul*³⁸; муиринский *Vlg/Vlg*; чирагский, тантынский *elg/ulg*; ицаринский *elg/lug*; кубачинский *ilg/lug*
- б. ‘наладить, нарядить’: кайтагский *CL-alg* (СВ); литературный, муиринский, чирагский *CL-alg/CL-ulg*; ицаринский, кубачинский *CL-alg/lug*

Мы предполагаем, что структура *luC* является результатом регулярного преобразования *ulC* > *luC*, условия которого, однако, различаются для разных даргинских языков. Если это предположение верно, то группа ARC/RUC может считаться подклассом группы ARC/URC, содержащим глаголы с сонантом *l*.

Данные, позволяющие проверить это предположение, представлены в Таблице 10. В нее включены корни всех глаголов нашей базы, имеющие СВ структуры CL-elC или CL-alC. Это 10 корней группы ARC/RUC и 6 корней группы ARC/URC. Если соответствующего корня в базе нет, то клетка остается пустой; две звездочки означают, что корень в некотором языке есть, но имеет другую структуру. Знаком ‘=’ отмечена позиция классного показателя. Клетки с корнями, в которых метатеза не происходит, выделены заливкой.

Данные в таблице 10 в целом подтверждают предположение, высказанное выше. На наличие метатезы может влиять прикрытость корневого слога (то есть наличие классного согласования или преверба), иногда гласный корня СВ.

³⁷ В ицаринском, чирагском и кубачинском встречаются корни, имеющие в НСВ структуру *ruC*, однако им не соответствуют корни аналогичной структуры в других языках и они не попадают в рассматриваемую группу ARC/RUC (примеры таких корней есть в 31).

³⁸ В литературном языке представлен вариант с выпадением опорного согласного *g*. Об этом явлении см. раздел 1.3 (Таблица 2).

Язык	кадарск.	мегебск.	акушинск.	муиринск.	чирагск.	тантынск.	ицаринск.	кубачинск.
наестся				=elq: luq:		=elq: luq:		=ilq: luq:
писать	=elk' luk'	=elk' =luk'	=elk' luk'	=elk' luk'	=elk' luk'	=elk' luk'	=elk' luk'	
связывать				=els lus		=els: lus:	=els: lus:	=ils: lus:
срывать				=elt' lut'		=elt' lut'	=elt' lut'	=ilt' lut'
варить(ся)	=elx lux	** **	=elx lux	=elx lux	=elx ^w lux:	=elx: lux:	=elx: lux:	=ilx: lux:
брить, стричь	=alʔ luʔ		=aʔlʔ luʔ	=ilʔ luʔ		=elʔ luʔ		
зарезать	=elh luh	** **	=elh luh	=elh luh	=elχ ^w luχ	=elχ luχ	=elh luh	=ilχ ^w luχ
молоть	=elq' luq'	=elq' luq'	=elq' luq'	=elq' luq'	** **	=elq' luq'	** **	** **
считать		elʔ ulʔ	** **	** **	=elg ^w lug	=elg ^w lug	=elg lug	=ilg ^w lug
собирать	=alc' luc'		=alc' luc'	=alc' =ulc'			=alc' luc'	=alc' luc'
наладить			=alg =ulg	=alg =ulg	=alg =ulg		=alg lug	=alg lug
резать	=alʔ luʔ	alʔ ulʔ	** **	** **	=alʔ luʔ	=ulʔ luʔ	=alʔ luʔ	=alʔ luʔ
просыпаться		=alh =ulh	=elh =ulh			=alʔ ulʔ	=alh luh	=alh =ulh
гнутья			=alk' =ulk'	=alk' =ulk'		=alk' =ulk'	=aʔlk' luk'	=aʔlk' ^w =uʔlk'
оставаться	k.alʔ k.ulʔ	k.alʔ k.ulʔ	** **	** **	elg ulg	k.alg k.ulg	elg lug	ilg lug
погибать	** **		alχ ulχ		elχ ^w ulχ ^w	alχ ^w ulχ ^w	elχ ^w luχ ^w	ilχ ^w ulχ:

Таблица 10. Корни структуры VIC/luC и VIC/ulC

Наиболее последовательно метатеза происходит в ицаринском и кадарском идиомах. Единственное исключение — глагол 'оставаться' в кадарском, который всегда выступает с превербом *ka-*, при этом на стыке преверба и корня происходит стяжение гласных, так что в результате основа этого глагола выглядит как *kalʔ/kulʔ*. Согласный преверба *k* занимает место перед гласной, куда при метатезе должен был переместиться сонант *l*, и тем самым блокирует метатезу. В ицаринском (а также в кубачинском) соответствующий корень не сливается с превербом, и метатеза имеет место.

Ни в одном из оставшихся языков не происходит метатеза в глаголе 'погибать' — это единственный корень в таблице, не присоединяющий ни классного показателя, ни преверба ни в одном из языков.

В тантынском и муиринском метатеза происходит с корнями, имеющими в СВ гласный *e* (в одном случае *i*), но не *a*. Видимо, этому соответствовал какой-то фонетический признак в НСВ, какой — пока непонятно.

В чирагском действует то же правило плюс нет метатезы в глаголах 'погибать' и 'оставаться' — оба не имеют в чирагском ни классного показателя, ни преверба.

В кубачинском языке в корнях СВ регулярно представлено *i* на месте *e*. Метатеза есть почти во всех корнях (и с *i*, и с *a*), за исключением двух глаголов ('просыпаться', 'гнуть-ся'); почему они ведут себя иначе, пока неясно.

В литературном метатеза имеет место в большинстве глаголов, но правило сформулировать не удается (фактор *a/e* не действует). Возможно, собственно диалектные данные были бы более последовательными.

Наконец, в мегебском языке соответствующую структуру имеют всего 6 глаголов выборки, в том числе три глагола без классного показателя (ни в одном метатезы нет) и три с классом (метатеза есть в двух из них); этих данных для обобщений недостаточно³⁹.

Следует также отметить, что в тех случаях, когда исходная структура корня ARC/URC изменялась вследствие падения опорного согласного *g*, метатеза не происходила; ср., например, корни *l/ul* 'резать' (аорист *a-l-un*, деепричастие презенса *a-wl-u-li*, преверб *a-*) и *CL-el/CL-ul* 'считать' (аорист *b-el-un*, деепричастие презенса *b-ul-u-li*) в муиринском языке, а также корень глагола 'оставаться' в литературном (35).

Это обстоятельство (как и большое число расхождений между даргинскими языками) показывает, что метатеза — сравнительно недавний процесс, видимо, даже более поздний, чем падение опорных согласных в муиринском и акушинском.

Несмотря на неполную ясность условий метатезы, предположение о том, что она представляет собой результат преобразования структуры *ulC > luC*, кажется нам достаточно обоснованным. Тем самым корни с метатезой гласной и сонанта *l* можно считать подклассом корней с чередованием *a/u* и *e/u*. Как и у других глаголов с сонантом *l*, у глаголов с метатезой при образовании НСВ происходило сужение корневого гласного *a > u* или *e > u*; в этом отношении они полностью укладываются в предположения, сформулированные в конце предыдущего раздела.

6.3. Корни с инфиксацией в СВ

В Таблице 7 представлено две группы корней, имеющих сонант только в СВ: это группы URC/UC и ARC/UC. Как отмечено в разделе 5, группа корней структуры URC/UC отличается единообразием: здесь всегда представлен узкий гласный (*i* или *u*), сонант *r*, показатель аориста *-Vb*.

Для корней этой группы направление и способ словообразования кажется очевидным: СВ образуется от НСВ путем инфиксации показателя *-r-*. Это косвенно подтверждается тем, что классный показатель у большинства корней данной группы присутствует только в СВ. Можно предположить, что исходный корень (соответствующий современному корню НСВ) не имел слота классного согласования; видимо, в данном случае образование производной основы СВ сопровождалось присоединением классных показателей⁴⁰. Кроме того, в данном случае можно учесть значение глаголов: из 13 глаголов данной группы по крайней мере 8 обозначают процессы, то есть представляют собой по умолчанию неопределенные глаголы ('мыть, стирать'; 'доить'; 'брить'; 'стричь'; 'веять'; 'копать'; 'рубить'; 'скрести, вырезать (узор)'). Для таких глаголов более нейтральными являются значения, принадлежащие семантической области имперфектива.

Группа ARC/UC не менее однородна: все 13 корней этой группы имеют чередование *e/u*. 11 корней из 13 имеют сонант *r* (еще один корень имеет сонант *r* в части языков); все

³⁹ Для кайтагского у нас недостаточно данных, поэтому его мы в таблицу не включили.

⁴⁰ В то же время можно допустить и такой вариант развития, при котором исходным был корень СВ, который не имел классных показателей, впоследствии от него образовался корень также НСВ без классных показателей, а еще позднее исходные корни СВ присоединили классные показатели.

эти 11 глаголов имеют показатель аориста *-ib*. В отличие от корней группы URC/UC, почти все корни этой группы (12 из 13) имеют классное согласование в обоих видах.

Значение глаголов этой группы указывает на то, что более вероятно образование СВ от НСВ: большинство этих корней обозначает неопредельные процессы ('читать', 'ткать', 'прясть', 'печь', 'пить', 'есть' (два корня), 'сосать', 'цвести').

Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с двумя процессами: сначала произошла инфиксация *-r-* в корни типа *uC*, образовались видовые пары вида *urC/uC*, а затем развилось чередование по аналогии с корнями типа ARC/URC. Это предположение, конечно, нуждается в дополнительных аргументах. В частности, можно обратить внимание на то, что в сериях структуры URC/UC в отдельных языках есть несколько корней типа ARC/UC; например, так устроен корень глагола 'доить' в муиринском (пример 25), а также некоторые корни в примере (36):

- (36) а. 'мыть': литературный, кадарский, чирагский, тантынский, ицаринский *CL-irc/ic*, кубачинский *CL-i:s/is*, но муиринский *CL-erc/ic*
 б. 'вонзать, втыкать': кадарский *CL-urh/uh*; ицаринский *CL-u^hrχ:/u^hχ:*; кубачинский *CL-u^hχ:/CL-u^hχ:*; кайтагский *CL-urχ:* (СВ), но тантынский *CL-a^hrχ:/u^hχ:*
 в. 'брить': кайтагский, тантынский *CL-irs:/is:*; кубачинский *CL-i:s:/is:*; но муиринский, ицаринский *CL-ers/CL-us:*

Можно предположить, что в этих случаях во всех языках выборки произошла инфиксация *-r-*, но выравнивание имело место лишь в отдельных языках (больше всего таких случаев — пять — в муиринском).

6.4. Корни структуры AC/ARC

Количественные данные для корней вида AC/ARC приводятся в Таблице 11. В этой группе встречаются только сонанты *l* и *r*, но при этом зарегистрированы все показатели аориста.

Сонант	Показатель аориста	Кол-во глаголов		Сонант	Гласная	Кол-во глаголов	
*/l	-un	18	25	*/l	a/a	15	25
	-ur	6			i/i	7	
	-Vb	1			u/u	2	
	непослед.	1			непослед. (a/a, i/i)	1	
*/r	-ur	1	16	*/r	a/a	1	16
	-Vb	15			i/i	12	
	непослед.	1			u/u	3	

Таблица 11. Гласные, сонанты и окончания аориста для корней группы AC/ARC

Для глаголов группы AC/ARC направление деривации неочевидно. Естественно предположить, что исторически имела место инфиксация показателя НСВ, который впоследствии дал корневые сонанты *l* и *r*, но возможно также и то, что сонанты, присутствовавшие на более раннем уровне, затем каким-то образом исчезли в формах СВ. В отличие от корней URC/UC, в этой группе встречается не один сонант, который мог бы

трактоваться как инфикс, а по крайней мере два (*l* и *r*); к тому же корни этой группы сочетаются со всеми тремя показателями аориста, то есть группа AC/ARC допускает все три расширителя корня (Ø, R, N). Показатели аориста *-ur* и *-un* представлены при этом в формах СВ, где сонанта нет, хотя, как мы знаем, корни без сонантов в норме допускают только показатель *-Vb* (нулевой расширитель). Это может означать, что расширитель корня остался в формах СВ от изначальной формы с сонантом, а следовательно — что деривация происходила от НСВ к СВ.

Еще один интересный сюжет в этой группе связан с корнями, которые присоединяют сравнительно редкий показатель аориста *-ur*. Заметное количество корней с этим показателем есть только в группах ARC/URC и AC/ARC (Таблицы 8 и 11), в прочих группах таких корней не более одного-двух.

Корни группы AC/ARC, присоединяющие показатель аориста *-ur*, расходятся по языкам нашей выборки: в четырех языках — кайтагском, ицаринском, чирагском и кубачинском⁴¹ — эти корни имеют сонант *r*, в остальных языках — сонант *l*. Соответственно различаются и расширители корня: в языках с сонантом *r* в обоих видах представлены диагностические морфемы, соответствующие расширителю корня R, а в языках с сонантом *l* в СВ присоединяются морфемы, соответствующие расширителю корня R, а в НСВ — морфемы, соответствующие расширителю N. Например, в муиринском и тантынском идиомах корни AC/ARC с аористом на *-ur* имеют сонант *l*; в муиринском диагностическими являются формы инфинитива (СВ и НСВ) с показателями *-ara* (для расширителей R и Ø) и *-ana* (для расширителя N). В тантынском инфинитив не является диагностическим, но о расширителе корня в НСВ можно судить по формам имперфекта, которые образуются от основы НСВ с помощью того же набора показателей, что и аорист. Таблица 12, в которой собраны все корни AC/ARC с аористом на *-ur* и сонантом *l*, показывает расхождение диагностических морфем в этих двух языках.

Глагол	корень	Муиринский			Тантынский		
		СВ: R	СВ: R	НСВ: N	СВ: R	НСВ: N	
	аорист	инфинитив СВ	инфинитив НСВ	корень	аорист	имперфект	
‘вставать’	CL-ic/CL-ilc:	a-b-ic:-ur	a-b-ic:-ara	a-b-ilc:-ana	CL-ic/ CL-irc:	ha-b-ic:-ur	ha-b-ilc:-un
‘знать’	CL-ah/CL-alh	b-ah-ur	b-ah-ara	b-alh-ana	CL-aχ/CL-alχ	b-aχ-ur	b-alχ-un
‘оставлять’	CL-at/CL-alt	b-at-ur	b-at-ara	b-alt-ana	CL-at/CL-alt	b-at-ur	b-alt-un
‘сыпать’	aq'/alq'	tura-kaq'-ur	tura-k-aq'-ara	tura-k-alq'-ana	aq'/alq'	kaq'-ur	kalq'-un
‘надевать’	ah/alh	č-ah-ur	či-k-ah-ara	či-k-alh-ana	aχ/alχ	aχ-ur	alχ-un
‘зажигать’	CL-iq'/CL-ilq'	a-b-iq'-un	a-b-iq'-ana	a-b-ilq'-ana	CL-iq'/CL-ilq'	b-iq'-ur	b-ilq'-un

Таблица 12. Сонанты и диагностические морфемы в корнях AC/ARC (СВ и НСВ): муиринский и тантынский

Для сравнения приведем формы кайтагского языка, где также имеется диагностический инфинитив на *-ara* и *-ana*, но рассматриваемые корни имеют сонант *r* (см. таблицу 13).

Таким образом, в группе корней AC/ARC имеются корни с сонантом *r* и нулевым расширителем в обоих видах; корни с сонантом *l* и расширителем N в обоих видах; в пя-

⁴¹ Характерно, что кайтагский, чирагский и кубачинский образуют самостоятельные подгруппы в даргинской группе.

ти языках выборки есть также корни с сонантом *l* и расширителем R в СВ и N в НСВ (Таблица 12), причем это, насколько нам известно, единственная группа корней, имеющая разные расширители в СВ и НСВ⁴².

Глагол	корень	СВ: R	НСВ: R
		инфинитив СВ	инфинитив НСВ
‘становиться’	CL-ic:/ CL-irc:	h-ic:-ara (< ha-w-ic:-ara)	h-irc:-ara (< ha-w-irc:-ara)
‘знать’	CL-ah/CL-arh	w-ah-ara	w-arh-ara
‘оставлять’	CL-at/CL-art	w-at-ara	w-art-ara

Таблица 13. Сонанты и диагностические морфемы в корнях AC/ARC (СВ и НСВ): кайтагский

Эти факты можно объяснить, если предположить, что исходно глаголы этой подгруппы имели сонант *r*, и четыре языка, в которых мы видим этот сонант, сохраняют архаичный вариант корня. Для языков с сонантом *l* (то есть муиринского, акушинского, тантынского, кадарского и мегебского) можно предположить два дополнительных процесса: во-первых, диссимиляцию $rCr > lCr$ (аналогичную диссимиляции $nCn > lCn$, см. раздел 4) и, во-вторых, выравнивание этих глаголов по аналогии с другими корнями с сонантом *l*, которых гораздо больше в целом и в группе AC/ARC в частности. Например, для корня ‘оставлять’ можно предположить такое развитие (муиринский): $*CL-art-R > *CL-alt-R > *CL-alt-N$ (инфинитив НСВ *CL-alt-ana*). Эти процессы происходили только в формах НСВ; в формах СВ сонант *l* исчез и сохранился расширитель корня R⁴³.

Таким образом, получается, что по крайней мере у глаголов с сонантами *l* и $l \sim r$ (распределенными по языкам) архаичным является корень НСВ (с сонантом), а в корне СВ сонант утрачен. Основные аргументы в пользу такого решения — разнообразие сонантов и расширителей корня в этой группе; присутствие ненулевых расширителей корня в формах СВ, где сонанта нет; особенности корней с разными расширителями в разных видах⁴⁴.

6.5. Глаголы с расщеплением

Еще одну небольшую группу образуют корни, у которых СВ и НСВ совпадают, по крайней мере с точностью до наличия классного показателя. Это 7 корней структуры

⁴² Корни группы ARC/URC с показателем аориста *-ur* имеют расширитель R в обоих видах, ср., например, муиринские формы: ‘летать’: корень *arc/erc*, аорист *arc-ur*, инфинитив СВ *arc-ara*, инфинитив НСВ *erc-ara*; ‘уоставать’: корень *CL-ams/ CL-ums*, аорист *CL-ams-ur*, инфинитив СВ *CL-ams-ara*, инфинитив НСВ *CL-ums-ara*.

⁴³ Эти процессы не происходили также в корнях с сонантом *r* и нулевым расширителем, так как в них не было условий для диссимиляции.

⁴⁴ Эти аргументы необязательно относить к той части корней группы AC/ARC, в которых присутствует сонант *r* и нулевой расширитель. Почти все эти корни имеют к тому же узкий гласный *u*, *i* (единственное исключение — корень *ag/arg* ‘уходить; становиться’), то есть подгруппа выглядит однородно и внешне похожа на группу URC/UC, однако устроена по отношению к ней зеркально: если в группе AC/ARC сонант присутствует только в корнях НСВ, то в корнях группы URC/UC — только в форме СВ.

Теоретически можно предположить, что НСВ корней AC/ARC с сонантом *r*, подобно корням URC/UC, образовался в результате инфиксации показателя *-r*: однородность этой подгруппы вполне допускает такое решение. Правда, в этом случае придется допустить, что формально одна и та же деривация приводила то к образованию СВ от НСВ, то, наоборот, НСВ от СВ. Такое развитие не кажется нам невозможным, однако конкретных данных, свидетельствующих в его пользу, у нас сейчас нет.

URC/URC и три корня UC/UC (в Таблице 7 строки 7 и 10). В этой группе зафиксированы сонанты *r* (3 корня), *m* (2 корня), *ʃ* (также 2 корня), но с учетом малого числа корней эта информация вряд ли значима. По наличию классного согласования группа тоже неоднородна (5 глаголов с классом в обоих видах, 3 с классом только в СВ, 2 без класса). Зато гласные демонстрируют единообразие: узкий гласный (*i* или *u*) представлен во всех 10 корнях.

Можно предположить, что у таких корней происходило переосмысление и расширение исходного видового значения, а также выравнивание употреблений данного корня на фоне двувидовых корней других глаголов: исходный корень как бы расщепился на два видовых варианта.

7. Гипотезы о развитии видовых пар

В предыдущем разделе мы выдвинули несколько предположений о развитии видовых оппозиций в отдельных группах даргинских глаголов. Эти предположения суммируются в Таблице 14⁴⁵.

	Группа	Дериват СВ		Исходная основа		Дериват НСВ
1.	A(R)C/U(R)C, ARC/RUC			A(R)C	>	U(R)C (+uIC > luC)
2.	AC/ARC	AC	<	ARC		
3.	URC/UC, ERC/UC	UrC (> erC)	<	UC		
4.	U(R)C/U(R)C ⁴⁶	U(R)C	<	U(R)C	>	U(R)C

Таблица 14. Гипотезы о направлении видовой деривации в разных группах глагольных корней

Можно предположить, что на некотором протодаргинском этапе глагольные корни существовали только в одном варианте и при этом, как и сейчас, имели структуру VRC или VC. Эти корни не имели грамматического вида, но, естественно, имели определенные аспектуальные характеристики, вытекающие из их лексического значения.

На более поздних этапах развития происходило несколько процессов деривации производных видовых основ от исходного корня. Часть получившихся в результате производных основ тяготела к семантической зоне перфектива, другая часть — к зоне имперфектива. Условно мы можем назвать соответствующие деривации «перфективацией» и «имперфективацией», хотя они скорее всего носили более конкретный характер (например, это могло быть образование итератива, прогрессива, результатива или другой аспектуальной категории).

Эти деривации необязательно были синхронными. Вероятно, сужение корневой гласной предшествовало прочим деривациям. В результате образовалась тенденция, хорошо заметная в современных языках: тяготение основ НСВ к узким гласным. В частности, почти все глаголы, имеющие только НСВ, имеют узкий гласный (см. корни URC и UC в разделе 5). Заметное число корней НСВ с широким гласным представлено только в классе AC/ARC. Сформировавшаяся корреляция СВ/НСВ ~ широкий/узкий гласный в дальнейшем могла влиять на другие корни и вызывать изменения по аналогии.

⁴⁵ Вопрос о возникновении классного согласования мы в этом разделе не рассматриваем. Слот для классного показателя в обозначениях корней не показан.

⁴⁶ В этой строке мы условно изобразили «расщепление» исходного корня на два омонимичных.

В результате для большинства корней возникли пары из исходной и производной основы; при этом один из элементов пары был маркирован как выражающий некоторое производное видовое значение, судить о котором сейчас мы можем только в самом общем виде. Для каких-то корней могли существовать и группы из более чем двух вариантов видовых основ — если от них образовывались и перфективные, и имперфективные производные, или если были условия для более чем одной последовательной деривации. Существенно, что производные видовые значения могли быть проинтерпретированы как перфективные или имперфективные. Исходный корень при этом постепенно приобретал противоположную интерпретацию, а ситуация, изображенная в (14), преобразовывалась в современную ситуацию, показанную в Таблице 15. Легко видеть, что в этой таблице присутствуют все структуры, представленные в левой шапке Таблицы 7, с которой мы начали наше обсуждение в разделе 5.2.

CB	HCB
A(R)C	U(R)C (luC)
AC	ARC
UrC (ArC)	UC
U(R)C	U(R)C

Таблица 15. Соотношение видов в глагольных корнях: современное состояние

Разумеется, картина, представленная в Таблицах 14 и 15, носит очень приблизительный характер и пока не может считаться достаточно обоснованной, однако кое-какие аргументы в ее пользу можно привести.

Во-первых, можно заметить, что почти все теоретически допустимые структуры корней в нашей схеме допускают как имперфективацию, так и перфективацию (нет перфективирующей деривации для основ структуры AC). Хотя бы одно из правил деривации действует для всех структур без исключений. Если бы это было не так, мы получили бы слишком жесткие формальные ограничения на исходную структуру корня, подвергающегося деривации.

Во-вторых, из Таблицы 14 можно видеть, что правила имперфективации демонстрируют распределение, близкое к дополнительному: основы с сонантами *l* и *r* подчиняются правилу в строке 2 (выпадение сонанта), основы с одним из «редких» сонантов (*m*, *ʃ*) и частично с сонантом *r* расщепляются на два вида (строка 4), основы без сонанта принимают инфикс *r*.

В-третьих, следует обратить внимание на случаи колебания между разными моделями в пределах одной компаративной серии. Подробное описание и объяснение таких расхождений могло бы составить тему отдельного исследования, но некоторые соображения можно привести уже сейчас. Так, в разделе 6.3 мы рассмотрели отдельные корни ARC/UC в сериях типа URC/UC (примеры в 36) и объяснили это тем, что во всех языках выборки произошла инфиксация *-r-*, но лишь в одном-двух из них она сопровождалась выравниванием по аналогии.

В сериях структуры AC/ARC несколько случаев AC/UC — можно допустить, что после деривации ARC > AC (CB), которая создала пару AC/ARC, произошла дополнительная деривация AC > UC (HCB) и закрепились пара AC/UC:

- (37) 'надоедать': муиринский, тантынский *CL-it'/CL-irt'*; кубачинский *CL-it'/CL-i:t'*; но ицаринский *CL-et'/CL-it'*

Похожим образом, в сериях структуры ARC/URC есть несколько случаев AC/UC — можно допустить, что тут имели место те же две деривации ARC > AC (CB) и затем AC > UC (HCB), что и в предыдущем случае, но не после деривации ARC > URC, а вместо нее:

(38) ‘развязывать’: литературный, муиринский *arz/irz*, но мегебский *CL-az/CL-iz*

Сходным образом можно объяснить структуру некоторых из тех корней, которые не образуют групп (строки 10-13 в Таблице 7). Например, структура корня ‘ударять’ расходится по языкам: есть варианты AC/URC, AC/ARC и AC/UC.

(39) ‘ударять’: кадарский, мегебский, литературный, тангынский *CL-aʹq/CL-irq*; муиринский *CL-aʹq/CL-aʹrq*; ицаринский *CL-aʹq/CL-uʹrq*; кубачинский *CL-aʹq/CL-uʹq*; кайтагский *CL-aʹq* (CB)

Можно предположить, что в данном случае в разных языках закрепились результаты разных дериваций: в муиринском произошла только деривация ARC > AC (*CL-aʹrq* > *CL-aʹq*; CB); в большинстве языков — две деривации ARC > AC (CB) и ARC > URC (HCB), причем закрепились два производных варианта, так что образовались видовые пары AC/URC; наконец, в кубачинском можно говорить о двух последовательных деривациях ARC > AC (CB) и затем AC > UC (HCB).

Наконец, следует упомянуть и типологические соображения. При всей своей внешней необычности даргинский глагольный вид вписывается в типологическую тенденцию, отмеченную в Dahl, Velupillai 2013 и заключающуюся в том, что для оппозиции перфектива/имперфектива довольно типично выражение при помощи чередований внутри основы и других подобных процессов.

Мы не видим прямых аналогов даргинскому виду в других известных нам языках, однако по крайней мере в части языков с развитой оппозицией перфектива/имперфектива тоже, как представляется, сначала возникали деривации, которые применялись к глаголам, не имеющим грамматического вида, и лишь в результате длительных исторических преобразований эти дериваты изменяли свой статус и образовывали видовые пары (см., например, описание возникновения славянского вида в Wiemer & Seržant 2017).

8. Заключение

В данной работе мы сделали попытку разобраться в глагольных корнях языков даргинской группы. Две особенности этих корней хорошо известны в кавказоведческой литературе: во-первых, эти корни имеют жесткие ограничения на фонологическую структуру; во-вторых, они выражают обязательную грамматическую категорию вида, и выражают ее нерегулярным образом. Средством выражения вида может быть наличие/отсутствие классного показателя, выбор той или иной гласной корня, наличие/отсутствие корневого сонанта, метатеза гласного и сонанта.

На основании данных девяти даргинских языков мы создали базу данных глагольных корней, зафиксированных в языках выборки, и проанализировали вошедшие в базу корни с точки зрения их фонологической структуры, наличия слота для показателя именного класса, а также сочетаемости с теми или иными диагностическими морфемами («расширителями корня»). Выяснилось, что классификация корней по их фонологической структуре (в обоих видах) позволяет отнести абсолютное большинство корней к одной из девяти групп (не менее пяти корней в каждой; Таблица 7). При этом внутри

каждой группы можно, как правило, выделить единственное средство маркирования видовой оппозиции — чередование гласных, инфикс, падение сонанта (единственное исключение — группа ARC/UC, где сочетается инфиксация и чередование). Расширители корня показали отчетливую связь с сонантом корня, однако их соотношение не является одно-однозначным (подробно см. разделы 4 и 5). Что касается слота для классного согласования, то его наличие коррелирует с делением корней на группы (в частности, группа URC/UC характеризуется наличием классного показателя только в СВ), но очевидной связи с другими свойствами корней внутри групп мы не обнаружили.

В разделе 6 мы попытались проинтерпретировать полученные результаты и выдвинуть предположения о развитии видовой оппозиции — точнее, о направлении и способе деривации — в каждой из групп. Мы исходили из того, что не только способы образования одного вида от другого, но и направление деривации могло отличаться для разных корней. По-видимому, использовались следующие способы деривации: сужение исходного гласного (более вероятное направление: СВ > НСВ), инфиксация (инфикс *-r-*, НСВ > СВ), падение исходного сонанта (НСВ > СВ). Кроме того, у части глаголов исходный корень расщепился на два видовых варианта без изменения фонологического состава.

Наконец, в разделе 7 мы построили гипотезу, касающуюся возможного пути возникновения двувидовой системы корней в даргинских языках. Хотя фактических данных в пользу предлагаемой гипотезы пока недостаточно, кое-какие соображения в ее пользу мы постарались привести.

На наш взгляд, для более аргументированного решения проблемы даргинских глагольных корней необходимо предпринять еще довольно много усилий. Очевидно, следует увеличить объем данных как по полноте охвата корней, так и по количеству языков⁴⁷. В ряде случаев следует также уточнить фонетические соответствия между согласными и гласными даргинских языков, чтобы устранить возможные ошибки в идентификации родственных корней. Наконец, следует привлечь и данные внешнего сравнения. Категория вида, в том числе выражаемая в пределах корня/основы, характерна для многих нахско-дагестанских языков, и в ряде случаев средства ее выражения во многом параллельны даргинским (см., например, описание вида в лезгинских языках в Алексеев 1985: 75–89). Можно надеяться, что сведения о структуре вида в различных языках помогут верифицировать или опровергнуть предложенную нами модель развития категории вида в даргинских языках.

Сокращения

В глоссах: AOR — аорист; ATR — атрибутив (причастие); COP — связка; N — показатель неличного класса единственного числа; CVB — деепричастие; DOWN — преверб ‘вниз’; IMP — императив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; M — показатель мужского класса; OPT — оптатив; PFV — перфектив; PRS — презенс; TH — тематический элемент; UP — преверб ‘вверх’.

В обозначениях структуры глагольного корня: A — гласная корня (любая), C — опорная согласная корня, R — «сонант» (согласная, стоящая перед опорной или в начале корня), U — узкая гласная в корне, CL- — позиция показателя классного согласования.

⁴⁷ Когда работа над статьей была уже в основном закончена, появилось сообщение о выходе словаря Темирбулатова 2022. Этот словарь будет исключительно полезен для сравнения лексики даргинских языков, однако мы не имели возможности использовать его в данной работе.

Литература

- Абдуллаев, З. Г. 2017. Даргинско-русский словарь: 12 000 слов, терминов и выражений [Дарган-урус словарь]. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН.
- Абдуллаев, С. 1954. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР.
- Алексеев, М. Е. 1985. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. Москва: Наука.
- Алексеев, М. Е. 1998. Нахско-дагестанские языки. В кн.: Алексеев, М. Е. (ред.). Языки мира. Кавказские языки: 156–166. Москва: Академия.
- Вагизиева, Н. А. 2018. Лексико-фразеологические особенности кадарского диалекта даргинского языка. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук.
- Гасанова, У. У. 2011. Хайдакско-русский словарь. Махачкала: изд-во не ук.
- Кибрик, А. Е., С. В. Кодзасов. 1988. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Коряков, Ю. Б. 2021. Даргинские языки и их классификация. В кн.: Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец (ред.). Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова: 139–154. Москва: Буки Веди.
- Коряков, Ю. Б., Н. Р. Сумбатова. 2007. Даргинские языки. Большая российская энциклопедия, т. 8: 328–329. Москва: Большая российская энциклопедия.
- Магомедов, А. Дж., Н. И. Саидов-Аккутта. 2017. Кубачинско-русский словарь. Москва: Наука.
- Магометов, А. А. 1963. Кубачинский язык (исследование и тексты). Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР.
- Мудрак, О. А. 2016. Даргинские основы. Т. 1. Москва: Языки народов мира.
- Мусаев, М.-С. М. 1980. Система глагольного словоизменения даргинского языка. Махачкала: ДГУ.
- Муталов, Р. О. 2002. Глагол даргинского языка. Махачкала: ДГУ.
- Муталов, Р. О. 2021. Классификация даргинских языков и диалектов. Социолингвистика 3(7): 8–25.
- Услар, П. К. 1892. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа.
- Старостин, С. А. 2007. О доказательстве языкового родства. В кн.: С. А. Старостин. Труды по языкознанию: 779–793. Москва: Языки славянских культур.
- Сулайбанов, Г. Р., Н. Р. Сумбатова. 2022. Об одном типологическом раритете: каузатив в цугнинском диалекте даргинского языка. Вопросы языкознания 2022(3): 109–131.
- Сумбатова, Н. Р. 2021. «Нулевые» корни глаголов в муиринском языке даргинской группы. В кн.: Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец (ред.). Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова: 324–345. Москва: Буки Веди.
- Сумбатова, Н. Р., Ю. А. Ландер. 2014. Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк. Вопросы синтаксиса. Москва: Языки русской культуры.
- Темирбулатова, С. М. 2022. Диалектологический словарь даргинского языка. Махачкала: АЛЕФ.
- Шахбанова, П. Г. 2011. Фонетические и морфологические особенности карбачимахинского говора даргинского языка. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т.
- Юсупов, Х. А. 2017. Дарган-урус словарь Даргинско-русский словарь: около 40 000 слов и фразеологических выражений. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН.

References

- Abdullaev, S. 1954. *Grammatika darginskogo jazyka (fonetika i morfologija)*. Makhachkala: Dagestanskij filial AN SSSR.
- Abdullaev, Z. G. 2017. *Darginsko-russkij slovar': 12 000 slov, terminov i vyrazhenij*. Makhachkala: In-t JaLI DNC RAN.
- Alekseev, M. E. 1985. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoi grammatiki lezginiskix jazykov. Morfologija. Sintaksis*. Moscow: Nauka.

- Alekseev, M. E. 1998. Naxsko-dagestanskije jazyki. In: M. E. Alekseev (ed.). *Jazyki mira. Kavkazskie jazyki*: 156–166. Moscow: Academia.
- Dahl, Östen, Viveka Velupillai. 2013. Perfective/Imperfective Aspect. In: Matthew S. Dryer, Martin Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/65>, Accessed on 2022-06-09.)
- Daniel, Michael. 2018. Aspectual Stems in Three East Caucasian Languages. In: Diana Forker, Timur Maisak (eds.). *The Semantics of Verbal Categories in Nakh-Daghestanian Languages*: 247–266. Leiden: Brill.
- Daniel, Michael. 2019. *Mehweb verb morphology*. In: Daniel et al. (eds.) 2019: 73–115. Berlin: Language Science Press.
- Daniel, Michael, Nina Dobrushina, Dmitry Ganenkov (eds.). 2019. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press.
- Friedman, V. A. 2010. The Caucasus. In: Martin J. Ball (ed.). *The Routledge Handbook of Sociolinguistics around the World*: 127–138. London: Routledge.
- Gasanova, U. U. 2011. *Khajdasko-russkij slovar'*. Makhachkala: publisher not specified.
- Jusupov, Kh. A. 2017. *Dargan-urus slovar'*. *Darginsko-russkij slovar': okolo 40 000 slov I frazeologicheskix vyrazhenij*. Makhachkala: In-t JaLI DNC RAN.
- Kibrik, A. E., S. V. Kodzasov. 1988. *Sopostavitel'noe izučenie dagestanskix jazykov. Glagol*. Moscow: Moscow State University.
- Korjakov, Yu. B. 2021. Darginskie jazyki i ix klassifikacija. In: T. A. Majsak, N. R. Sumbatova, Ya. G. Testelets (eds.). *Durqasi khazna. Sbornik statej k 60-letiju R. O. Mutalova*: 139–154. Moscow: Buki Vedi.
- Korjakov Yu. B., N. R. Sumbatova. 2007. Darginskie jazyki. In: *Bol'shaja rossijskaja enciklopedija, vol. 8*: 328–329. Moscow: Bol'shaja rossijskaja enciklopedija.
- Magomedov, A. Dzh., N. I. Saidov-Akkutta. 2017. *Kubachinsko-russkij slovar'*. Moscow: Nauka.
- Magometov, A. A. 1963. *Kubachinskij jazyk (issledovanie i teksty)*. Tbilisi: Izd-vo AN Gruzinskoj SSR.
- Mudrak, O. A. 2016. *Darginskie osnovy. Vol. 1*. Moscow: Jazyki narodov mira.
- Musaev, A., V. Morozova, M. Daniel. 2020. *Mehweb Jena wordlist*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. (Available online at: <http://lingconlab.ru/MehwebDict/>).
- Musaev, M.-Sh. M. 1980. *Sistema glagol'nogo slovoizmenenija darginskogo jazyka*. Makhachkala: Dagestan State University.
- Mutalov, R. O. 2020. *Itsari Jena wordlist*. Manuscript.
- Mutalov, R. O. 2002. *Glagol darginskogo jazyka*. Makhachkala: Dagestan State University.
- Mutalov, R. O. 2021. Klassifikacija darginskix jazykov i dialektov. *Sociolingvistika* 3(7): 8–25.
- Nikolaev, S. L., S. A. Starostin. 1994. *A North-Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Shakhbanova, P. G. 2011. *Foneticheskie i morfologičeskie osobennosti karbachimaxinskogo govora darginskogo jazyka*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologičeskix nauk. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University.
- Starostin, S. A. 2007. O dokazatel'stve jazykovogo rodstva. In: S. A. Starostin. *Trudy po jazykoznaniju*: 779–793. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur.
- Sulajbanov, G. R., N. R. Sumbatova. 2022. Ob odnom tipologičeskom raritete: kauzativ v tsugninskom dialekte darginskogo jazyka. *Voprosy jazykoznanija* 2022(3): 109–131.
- Sumbatova, N. R., Ju. A. Lander. 2014. *Darginskij govor seleija Tanty. Grammatičeskij očerok. Voprosy sintaksisa*. Moscow: Jazyki ruskoj kul'tury.
- Sumbatova, N. R. «Nulevyje» korni glagolov v muirinskom jazyke darginskoj grupy. In: T. A. Majsak, N. R. Sumbatova, Ya. G. Testelets (eds.). *Durqasi khazna. Sbornik statej k 60-letiju R. O. Mutalova*: 324–345. Moscow: Buki Vedi.
- Sumbatova, Nina, Rasul Mutalov. 2003. *A Grammar of Içari Dargwa*. München: LINCOM.
- Temirbulatova, S. M. 2022. *Dialektologičeskij slovar' darginskogo jazyka*. Makhachkala: ALEF.
- Uslar, P. K. 1892. *Étnografija Kavkaza. Jazykoznanie. V. Xurkilinskij jazyk*. Tiflis: Izdanie upravlenija Kavkazskogo učebnogo okruga.
- Vagizieva, N. A. 2018. *Leksiko-frazeologičeskie osobennosti katarskogo dialektu darginskogo jazyka*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologičeskix nauk. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University.
- van den Berg, Helma. 2001. *Dargi folktales. Oral stories from the Caucasus. With an introduction to Dargi grammar*. Leiden: Universiteit Leiden.
- Wiemer, Björn, Ilja A. Seržant. 2017. Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? In: Walter Bisang, Andrej Malchukov (eds.). *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*: 239–307. Berlin: Language Science Press.

Nina Sumbatova. Verbal roots and the category of aspect in Dargwa languages

The verbs in Dargwa consistently express aspect (perfective vs. imperfective). The expression of aspect takes place within verbal roots and is highly irregular. At the same time, the phonological structure of verbal roots is subject to strict phonological restrictions.

In this paper, I am trying to understand and describe certain formal properties of verbal roots in Dargwa, to present a classification of verbal roots, and to figure out whether the root structure correlates with the inflectional class of the verb. In a further perspective, the paper is aimed at understanding the origin and development of the aspectual system in Dargwa.

Keywords: Dargwa languages; verbal roots; aspect category; diachrony of aspect.